

По приглашению литературного критика, публициста, редактора ИА «Беломорканал» Андрея Рудалёва побывал в Северодвинске. Посмотрел на побережье Белого моря, попробовал изысканной местной селёдки, попал на Севмаш – эту главную городскую достопримечательность, гигантский роддом печальной известности «Курска» и его более удачливых подводных и надводных братьев.

«Звезда» и «Звездочка» Северного сияния

Беглый взгляд из Приморья на Поморье

Вернулся к себе во Владивосток, а северные ощущения бродят внутри, формируя странное и ценное ощущение единой (без кавычек) России.

Я ведь тоже из военно-морского города, не раз бывал на нашей большекаменной «Звезде» – а тут рифмующаяся с ней «Звездочка» и вышеупомянутый Севмаш.

Ряд лодок, изготовленных северодвинцами, несут службу на Тихоокеанском флоте, некоторые проходили ремонт или модернизацию (в последнее время – чаще утилизацию) на наших «Звезде» и Дальзаводе. Последний несколько лет назад признан банкротом, и в одном из цехов покойного Дальзавода теперь расположен мой рабочий кабинет.

Мы передали злосчастную «Нерпу», ставшую «Чакрой», индусам – северодвинцы готовят для передачи им же авианосец-долгострой, сначала называвшийся «Баку», потом «Адмиралом Горшковым», а теперь носящий непонятное, но величественное имя «Викрамадитья». Мерси, «Баку»; индусам, похоже, наши надводные и подводные корабли нужнее, чем нам самим. Зато покачивающиеся на воде чёрные китобразные туши атомодов проекта «Борей» – «Владимир Мономах» и «Александр Невский» – готовят для Камчатки. Лодки ещё связаны с берегом пуповинами коммуникаций, их реакторы ждут запуска.

Адмирала Кузнецова я считаю своим земляком (командовал ТОФ и на Хасане отметился), а тут мне рассказали, что родом он из-под Архангельска.

Тут навага – и у нас навага, на нашей-то крымской широте.

Тут «хрущёвки» имени Лагутенко-деда – и у нас они, и везде.

Тут дороги известного качества – и у нас догадывается какие.

Ну и русская речь, в конце концов (в начале начал). Это ведь из-за неё мы с Рудалёвым дотянулись друг до друга через всю страну, по невероятной трансконтинентальной диагонали.

В России все говорят на одном языке – в обоих смыслах слова. Но

различия не менее интересны, чем сходства.

Прямо на территории Севмаша есть Николо-Корельский монастырь, и в нём, как рассказал отец Александр, проходят службы. В своё время первостроители завода (тогда Северодвинск не был даже Молотовском – был посёлок Судострой) использовали монастырь не по назначению, но зато сама эта стройка сохранила его, законсервировав в границах режимного предприятия.

Ранние рассветы и поздние закаты – приближается сезон белых ночей. Белое море оказалось не только белым, но и твёрдым. Камбала – с какими-то рыжими пятнышками, у нашей таких нет. Интересно, поняли бы друг друга беломорская и япономорская камбалы (у нас «камбала» производят с ударением на первый слог, а здесь предпочитают последний).

Северная железная дорога: Архангельск, Холмогорская, Плесецкая, Вологда, ещё какие-то станции с характерными названиями на -кса или -кша... Всё безумно далёкие от моего мира места, в существовании которых я никогда не был по-настоящему уверен, но которые при этом близки и значимы для меня ровно в той же степени, что и все остальные места России. Плесецк – это космодром (а космос – наше всё), Холмогоры – это Ломоносов (тоже наше всё). Из Белого моря по камчатскому полигону «Кура» стреляют ракетами «Булава» и даже иногда попадают.

Здесь нужно было побывать, отметить именно для того, чтобы потрогать Россию с другого бока её по-прежнему титанического тела, которое, как ни странно, едино, несмотря на различия широт, долгот и ландшафтов. Поморье рифмуется с Приморьем, да и этимологически эти слова означают одно и то же – «местность у моря». На самом деле всё в России рифмуется со всем, просто на первый взгляд это не всегда заметно.

Василий АВЧЕНКО

г. ВЛАДИВОСТОК

МИР СЕВЕРА

№ 2 (84), 2013

Этнополитический и литературно-художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Роман СЕНЧИН

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Александр ВАЩЕНКО (Москва),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА

Вёрстка
Александр КАШЛЕВ

В оформлении обложек использованы картины
Лены ГОГОЛЕВОЙ

Подписано в печать 19 апреля 2013 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП Производственно-издательский комбинат «ВИНИТИ»-«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

Заказ

СОДЕРЖАНИЕ

Открывая номер

1

Василий АВЧЕНКО
«Звёзды» и «Звёздочки»
северного сияния

Честь имею

4

Михаил НЕНАШЕВ
Без флота нет России.
Беседу вела Наталья ГОРБУНОВА

Тайны русского бизнеса

7

Вячеслав ОГРЫЗКО
Между Сциллой и Харибдой

Наше всё

13

Валентин КУРБАТОВ
При свете пушкинской лампы

Гордость русской науки

15

Александр ВАЩЕНКО
Между двумя мирами.
Беседу вёл Евгений БОГАЧКОВ

А судьи кто?

22

Вячеслав ОГРЫЗКО
Жестокий век

1. Полифонический человек:
Михаил БАХТИН

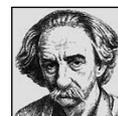
2. Любовь втроём:
Осип БРИК

3. Преданный поэтами:
Фёдор ЛЕВИН

4. Без ссылок на обстоятельства:
Юрий ЛОТМАН

5. Подвергнутый остракизму:
Валерьян ПЕРЕВЕРЗЕВ

6. Здесь на каждом шагу упрятаны тайны:

Дмитрий СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

7. Необъяснимое фронтёрство:
Елена УСИЕВИЧ

Вера

51

Николай ТОЛСТИКОВ
Приходинки

Живут сказания

60

Ольга КАЗАКЕВИЧ
Ещё не всё потеряно

Это ты, Чукотка

65

Борис ВАСИЛЕВСКИЙ
Уэленский дневник. 1967

Мир ненецкой литературы

76

Алина ЧАДАЕВА
Образы вины и образы кары.
Читая Валентину Вануйто

Слово о друге

79

Николай ТОБУРОКОВ
Звёздное небо
Семёна Руфова

БЕЗ ФЛОТА НЕТ РОССИИ

Михаил НЕНАШЕВ,
лидер Движения Поддержки Флота

Ещё в начале беседы Михаил Ненашев произносит слово, которым можно максимально точно описать его личность – драйв. Он и есть драйв. Он горит флотом, идеей воскрешения в генетической памяти русских понятия «Великая Морская держава». Он говорит: «Мы все стали сухопутными, но ведь у нас есть доступ к трём океанам! У нас самые великие реки, самые красивые озёра!» Он негодует, как можно так много уделять внимания Америго Веспуччи и забывать, что именно русские, 200 моряков, рискуя своими жизнями, открыли Антарктиду, континент площадью 14 миллионов квадратных километров. «Почему до сих пор не снято ни одного фильма об открытии Антарктиды?» – вопрошает Ненашев. От воспоминаний Беллинсгаузена и Лазарева он переходит на современную политику, на сердюковщину, с которой открыто боролся, будучи Депутатом Государственной Думы. Ненашев крайне разносторонен: и общественный деятель, и депутат, и моряк. Хотя себя из скромности моряком не называет. Наверное, в его глазах последнее всего почётней.

Он говорит о море, о кораблях, о 9-ти балльном шторме в Северном Ледовитом океане, и о том, как он боялся, что штормом смоем матроса с палубы. Его рассказы заставляют буквально ощущать солоноватый вкус морской воды, слышать оглушающий гул стихии, которая способна расколоть огромный корабль как щетку. Вспоминал, как ощущал холодную войну, как над ними носились американские истребители, а они так далеко от

родины несли службу. Сколько раз он стоял между жизнью и смертью?

Он говорил и о русско-японской войне, в которой Россия с 200-летней историей флота проиграла сопернику с 20-летней, и об Ушакове. Портрет Петра I висит в кабинете Ненашева там, где у единороссов – президент. Он человек принципиальный, равно как и искренний. В президентской делегации он будет вести себя также искренне, как ведёт себя с друзьями. Снобизм ему чужд. А самым ярким воспоминанием о Мордовии, которую он посетил в делегации с Патриархом, стали сельские жители, их открытый нрав, баня и весёлая гармонь. Как он сам про себя говорит: «я же сельский».

О море он рассказывает так воодушевлённо, что действительно становится обидно, что мы не ходим под парусами, не совершаем кругосветки, а глупо валяемся на турецких или дубайских пляжах. Он заражает морем, океаном, открытием и познанием. И, кажется, что заражает всем, о чём говорит. Рассказывая про путешествие с Фёдором Конюховым, он на полуслове подскакивает и достаёт огромную древнюю книгу 17 века «Чертёжная карта Сибири» с подписью Конюхова. С азартом перелистывает страницы, испещрённые красочным древнеславянским текстом, тут же несёт огромные атласы океанов, указывает на многочисленные макеты кораблей, подводных лодок, яхт, пришвартованных здесь же, в его кабинете. И ещё он действительно разбирается в людях. Один цепкий взгляд – и он выкладывает о человеке всё. Это море так учит чувствовать людей?

– Михаил Петрович, Вы посвятили жизнь флоту. Расскажите, как родилась эта идея? Это была детская мечта?

– Про это можно рассказывать часами, потому что тема действительно жизненная. Темой флота, моря пропитана вся биография. С одной сто-

роны, это случай. С другой стороны, это судьба. Я же воронежский парень, и, как известно из истории, это родина флота. В Воронеже Пётр I

построил регулярный флот, шестьдесят один корабль, освободил Азов от турок. До строительства регулярного флота пытались освободить Азов от турок, но это не удавалось. Флот стал символом, и на многих воронежцев он оказывает влияние. Я был призван на срочную службу матросом на северный флот, потом поступил в военноморское училище и снова вернулся на Северный флот. Там был капитан-лейтенантом, а затем приехал в Москву в Военную академию. Так я оказался в столице. Потом служба, депутатские дела, политические. Когда был избран в Государственную Думу, входил в Комитет по обороне, морская тема оставалась составной частью моей деятельности. Ну и, конечно, все эти годы, двадцать с лишним лет, я возглавляю Движение Поддержки Флота. Создавал его вместе с друзьями-единомышленниками.

– *Какая основная цель движения, созданного Вами?*

– В первую очередь, необходимо донести до всего общества, что Россия – великая морская и океаническая держава, расположенная на берегу трёх океанов. Посмотрите на глобус, нет на земном шаре другой страны, которая бы так основательно выходила к трём океанам. Северы Ледовитый океан – весь наш, Тихий океан тоже, через два моря мы выходим на Атлантику. Нет других таких стран, других народов, которые самой судьбой расположены на берегах океанов. Далее у нас самые великие реки и озёра в мире. Сто тысяч крупных рек и озёр. Крупных! Всё это богатство с нами всё тысячелетие с момента основания Руси, но, к сожалению, эта мощь не осознана. Наш человек жмётся к берегу, к земле. Так вот, смысл Движения Поддержки Флота в том, чтобы у человека проявлялось и морское сознание. Морская идеология, морская философия становятся задачами Движения. Никто больше про это не

будет говорить, а это важно. Также мы содействуем строительству кораблей, издаём книги по морской теме. Нам удалось помочь тысячам конкретных людей в масштабных делах и в небольших вопросах. Мы хотим действовать по принципу «мы служим и государству, но и человеку», человеку с его обычными проблемами.

– *Правильно ли я понимаю, что Вы хотите возродить великую морскую державу?*

– Не возродить. Я не люблю так говорить. Почему? Потому что у нас сухопутье же не сразу образовалось. Может, сто лет назад мы интеллектуально неправильно выстраивали работу в книгах, учебных заведениях. Мы же должны из века в век совершенствоваться, а мы топчемся на месте. Какие угодно страны мы можем призывать морскими и океаническими, но не свою собственную. Вот только сейчас начинаем развивать яхтинг, парусный спорт. Пример использования наших внутренних водных путей – уникальный: города и посёлки, выстроенные вдоль Оби, Волги, Енисея – во всех них я много раз бывал – в этих городах реки могут просто не учитываться людьми. Человек, который живёт на берегу должен иметь лодку, чтобы ходить в море. А него нет потребности в этом, у него сухопутное сознание. А если он и хочет приобрести лодку, то ему ставят всевозможные препоны, например, ему надо будет за сто км вести эту лодку на проверку, чтоб дали разрешение – это неправильно. Нет чтобы дать человеку раздуть парус, поплыть – мы мешаем. Только в России есть крупные города, в которых нет обустроенных набережных. Нигде такого нет, чтобы город был выстроен на берегу реки, залива и не имел набережной. Например, мой родной Мурманск на берегу Кольского залива. А набережной нет. Такое возможно только в России. У норвежцев тоже условия суровые, те же фьорды, но у них

же есть набережные. Поэтому я спрашиваю, что возрождать. Поэтому более правильный термин – развитие, развитие эволюционное и динамичное. Не просто по чайной ложке. Необходимо системное развитие флота.

– *Тогда следующий вопрос о составе. Из СМИ мы ничего не слышим о наших уникальных водных ресурсах, о возможностях развития в этом направлении. СМИ трубят только об энергоресурсах, о нефти и газе, а о кораблях мы слышим только в случае катастроф. Поэтому создаётся впечатление, что корабельный состав флота устарел и находится в крайне плачевном состоянии. Так ли это?*

– Да, действительно, в общественном сознании флот чаще всего появляется через катастрофы, либо в случае разового интереса кого-то к чему-то. Но, в общем, в других государствах суда тоже в возрасте, но они в строю, они эксплуатируются. Никто не паникует, что состав флота устаревший. Это не препятствие. Ну и что если у нас будут новые корабли? Самое важное – это кадры, люди, отношение. У нас труд моряков не воспринимается серьёзно, не оплачивается достойно, а ведь это архисложный труд. Это труд интересный, сложный, опасный, причём, не важно даже, на какое расстояние от берега отойти: даже если на двадцать или пятьдесят миль – это всё равно опасно в случае хорошего шторма. Важно говорить о том, что мы морская держава простым и интересным языком, необходимо заинтересовывать людей.

– *В России сейчас задан курс на инновации, внедряются ли инновации в флот?*

– Россия сейчас находится в болезненном состоянии и, как любому больному, ей сначала надо выздороветь, а потом показывать рекорды. Когда ты болеешь, очень тяжело говорить об инновациях, достижениях. Ещё ак-

туален вопрос о выздоровлении государства. По каким-то направлениям мы уже, образно говоря, выздоровели, но много ещё болезненных направлений. Несмотря на перегрузку, ещё актуальны технологии обнаружения подводных лодок, которые до сих пор ходят вдоль наших границ. Задача инновационного подхода – в эффективном обнаружении подводных лодок других государств. В этой области необходим инновационный гидроакустический комплекс с новыми характеристиками. В этой области работы идут. Если же брать морской, речной транспорт, то можно с уверенностью сказать, что наши судоходные компании на мировом уровне уже могут составлять конкуренцию. Мы на подходе к инновациям, говорить об инновационности рано. Хотя сейчас по большей части мы копируем технику у других стран. Но, в общем, нам сначала необходимо выздороветь.

– *Если мы заговорили о других странах. Как обстоят дела там? Есть ли лидеры в этой области?*

– Нет, сейчас всё диверсифицировано. Если говорить о судостроении, например, то здесь лидирует Южная Корея, Сингапур. Такие маленькие страны, как это ни странно, задают тон судостроению. Китай за счёт дешёвой рабочей силы даёт пример, как за десять лет стать площадкой по судостроению. Хотя Китай берёт чужие наработки, в основном, но у меня нет иронии, что они великая копиривальная мастерская: они всё же могут делать то, что делают. Отчего мы не можем?

– *А есть ли область, в которой Россия задаёт тон и оказывается безусловным лидером?*

– Только США, Россия и, отчасти, Великобритания могут строить атомный подводный флот. Только три страны, больше нет. Дизельный подводный флот наравне с нами могут строить только немцы, французы, раньше норвежцы.

Есть области, в которых мы можем задавать тон. Но всё это основано на прошлых достижениях и заделах. В основном, всё это проистекает из XX века.

– *Известно, что одно из направлений деятельности Движения Поддержки Флота связано с Антарктидой?*

– Антарктида – это часть русской истории. Мне приходится сталкиваться с тем, что многие не знают, что русские открыли этот континент. Всего несколько народов на планете могут сказать, что открыли континент. В мировом соревновании народов Антарктида – это наш приз. С точки зрения истории, это величайшее достижение нашего народа. Мы должны об этом помнить, мы должны напоминать соседям, что это мы, русские, в тяжёлых условиях открыли белый континент. В книге Беллинсгаузена об этом двухлетнем походе каждый день начинается со слов: «Слава Богу, что мы остались живы». Вы представьте себе: ночь, айсберги, иногда днём такие туманы, такие заряды снега, что ничего не видно – в каких условиях они работали! Об этом нельзя забывать! Наше движение занимается ещё и тем, что напоминает людям об этом достижении нашего народа, привлекает общественное внимание к Антарктиде. Например, мы приходим в ВУЗы на географические и исторические кафедры и просим дать нам за десять лет названия кандидатских, докторских работ – пишут о чём угодно: о США, о Китае, о Японии, и нет ни одной диссертации по поводу Антарктиды за десять лет. Я могу спросить Вас, какие книги описывают открытие Антарктиды? Есть небольшие воспоминания наших лётчиков, полярников, изданные небольшим тиражом – и всё. Престиж исследований в Антарктиде настолько низок, что туда не идут молодые учёные. В это время Австралия, Чили, Аргентина, США, Китай обходят нас по всем направлениям

в изучении Антарктиды. Вот почему необходимо привлечь общественный интерес к изучению Антарктиды, стимулировать научные, студенческие исследования.

– *Михаил Петрович, наши издания – газета «Литературная Россия» и журнал «Мир Севера» – посвящены, прежде всего, литературе. Скажите, пожалуйста, есть ли книга, которая изменила Вашу жизнь?*

– Нет, одной такой книги нет. На меня произвели огромное впечатление произведения Лескова Николая Семёновича, он поднимает русское самосознание, он открывает русскую историю через характеры людей. Рассказы Шукшина Василия Макаровича оказали на меня мощнейшее влияние, он также известен как актёр. «Я пришёл дать вам волю» – эту книгу Шукшина о Степане Разине я подростком перечитывал несколько раз. Также Севастопольские рассказы Льва Толстого. Описание боя у Толстого такое рельефное, живое, что создаётся впечатление, что ты сам в этих севастопольских сопках обороняешься от интервентов, и эти ядра в тебя летят. Пиккуль, конечно, великий писатель. Потом воронежский писатель, хотя я бы не стал называть его воронежским, – Гавриил Троепольский, «Белый Бим – чёрное ухо». Из поэзии – Некрасов. А, например, «Войну и мир» я сознательно прочитал, когда уже был курсантом и на меня никто не давил. Из иностранных мне много дало творчество Габриэля Гарсия Маркеса. Это мощнейшая вещь. Если говорить о русской публицистике, то это Михаил Осипович Меньшиков. Карем Раш – писатель, который воспекает воинский, флотский труд. Список, конечно, можно продолжать ещё долго. Но в основном, я предпочитаю те произведения, которые задевают два наших главных органа: ум и сердце.

**Беседу вела
Наталья ГОРБУНОВА**

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ:

За поддержку выгодных региону проектов магаданский губернатор в лихие 90-е годы требовал долю в 15 процентов

Когда осенью 1996 года на Колыме объявили выборы губернатора Магаданской области, было ясно, что основная борьба развернется между Виктором Михайловым и Валентином Цветковым.

В пользу Михайлова говорила репутация опытного хозяйственника. Когда-то он был неплохим строителем. Большой школой стала для него и работа при коммунистах в областной плановой комиссии. Ему не требовалось объяснять, как устроена экономика региона. Кроме того, он имел прямой выход на тогдашнего председателя правительства России Черномырдина (они, кажется, выросли в одной оренбургской деревне).

В минус Михайлову следовало записать полное пренебрежение законами политики. Это ведь он в самом начале лихих девяностых годов, став назначенным главой областной администрации, публично заявил главному идеологу шоковых реформ Егору Гайдару, что Север – перенаселён и поэтому больше не способен себя прокормить, предложив «лишних» людей перевезти в более тёплые края. Неосторожно брошенная губернатором фраза тут же спровоцировала панику. Десятки тысяч людей враз заметались. Но другие регионы к их приёму оказались не готовы.

Это недовольство колымчан и стало главной козырной картой Цветкова. Он на всех митингах дул в одну дуду: мол, старая администрация закрыла десятки горняцких посёлков и оставила без работы чуть ли не сто тысяч человек, а я дам заброшенным приискам вторую жизнь и каждого колымчанина обеспечу рабочим местом.

Оставалось только выяснить, на какие экономические расчёты опирался Цветков, раздавая направо и налево громкие обещания. Большинство жителей областного центра, и прежде всего высокообразованные и неплохо информированные специалисты, всем этим посулам не верили. В Магадане многие знали, что сделал Цветков из своего базового предприятия «Магаданнеруд» и как он расправлялся с неудобными кадрами. Поэтому в самом Магадане никто не гарантировал, что Цветков в случае прихода к власти перестанет беспредельничать.

Тем не менее перед началом предвыборной кампании Михайлов и Цветков шансы на победу имели практически равные. За Михайлова стоял почти весь Магадан, а Цветкова готовы были поддержать остатки горняцких посёлков.

В этой ситуации многое зависело от позиции местных элит. Политтехнологи полагали, что решающим могло бы стать слово Ильи Розенблюма.

Почему ставка делалась именно на Розенблюма? Он ведь не был политиком. Большую часть своей жизни Розенблюм занимался геологией. Это он открыл ещё в 70-е годы прошлого века одно из самых крупных месторождений золота на Чукотке – Майское. В конце горбачёвской перестройки его перевели в Магадан, назначив, по сути, на министерскую должность – главным геологом Северо-Восточного территориального геологического управления. В советское время с этого поста уходили только в Москву на высокие места или в ЦК партии, или в правительство. (К слову, последний начальник СВТУ Александр Наталенко успел уйти в самом начале постсоветской эпохи в заместители министра природных ресурсов России, но золото его уже не интересовало, нефть и газ приносили больше дохода, и он потом возглавил совет директоров в быстро растущей частной компании «Новатэк».)

Надо отдать должное Розенблюму. Он раньше других

понял исчерпанность административной системы и от столичных кабинетов отказался. У него появилась другая мечта – реализовать себя в бизнесе. Он, преодолев даже не десятки, а сотни всевозможных барьеров, с нуля создал первую в стране частную золотодобывающую компанию. Но звёздным его часом стал проект по освоению золоторудного месторождения Кубака.

В двух словах скажу, в чём состояла суть этого проекта. Кубака, как считали специалисты, содержала более ста тонн рудного золота. А главное – она гарантировала работу нескольким тысячам людей и могла обеспечить стабильными заказами десятки других предприятий региона. Но чтобы проект заработал на полную мощь, сначала следовало в него солидно вложиться. Нужно было привлечь четверть миллиарда инвестиций (в долларах). Наши банки тогда такие суммы на длительное время никому не давали. Розенблюм совершил почти невозможное. Он при поддержке Михайлова нашёл выходы на Черномырдина и американского вице-президента Гора и достал нужные средства.

А дальше случилось чудо. Всего один придуманный Розенблюмом проект стал регулярно приносить сумасшедшие деньги в областной бюджет. Уже успевшая изрядно обнищать Колыма наконец-то начала подниматься с колен. И всё главным образом за счёт Кубака.

Пример Розенблюма оказался и поучительным, и заразительным. Люди с мозгами поняли, что бизнес можно вести не только на поставках дешёвых, но небезопасных американских куриных око-

рочков. Предприимчивый народ стал думать о том, как воссоздать рудную промышленность, птицефабрику, колбасный завод, домостроительный комбинат. У Розенблюма же всё получилось. А чем другие хуже?! В общем, многие северяне потянулись к Розенблюму. Кто – за советом, кто – за поддержкой, а кто – за деньгами. Он стал популярен и авторитетен. Его уже нельзя было просто так взять да сбросить со счетов.

И Михайлов, и Цветков всё это понимали. Каждый из них хотел видеть в Розенблюме скорее союзника и уж никак не врага. Михайлов даже устроил к нему в компанию своего зятя, оставшегося после развала в Магадане строительной отрасли без хорошей должности и больших денег. Цветков тоже не дремал. В какой-то момент он предложил быстро набравшему вес в экономической жизни региона бывшему геологу поучаствовать в банковском бизнесе и возглавить совет Магаданвнешторгбанка. Но Цветков одного не учёл. Розенблюм, когда начал заниматься бизнесом, сразу установил для себя несколько правил, дав слово, что никогда и ни при каких обстоятельствах не будет их переступать. Одно из этих правил сводилось к тому, чтобы всегда быть честным в отношениях с деловыми партнёрами. А в банке ему открылась совсем другая картина. Выяснилось, что группа акционеров и руководство установили для себя особые условия. Им было разрешено в своём же банке брать многомиллионные кредиты по крайне низким процентным ставкам, в несколько раз меньшим в сравнении с теми, которые существовали для населения. Более того, взятые кредиты начальство тут же размещало опять-таки в своём банке на депозиты, но уже по значительно завышенным ставкам. За год эти деятели «навари-

Илья Розенблюм. 2013 год. Фото: Александр Дорощев

вали» в свои карманы сотни миллионов. Розенблум решил покончить с этой позорной практикой, что очень не понравилось Цветкову. В итоге он ушёл из банка. Правда, впоследствии приобретённый опыт пригодился ему на переговорах с руководителем одного из крупнейших банков страны «Российский кредит» Иванишвили, приведших к созданию магаданского филиала этой мощной на тот момент финансовой структуры (кстати, партнёр Розенблума по переговорам – Бидзина Иванишвили год назад стал премьер-министром Грузии).

Понятно, что Цветков независимое поведение Розенблума в Магаданвнешторгбанке не только не забил, но, видимо, и не простил. Но простой расчёт подсказывал ему, что и ссориться с влиятельным золотопромышленником не с руки. Поэтому он в разных компаниях частенько подчёркивал, что ждёт Розенблума в своей команде. Цветков не уставал говорить, что Розенблumu при нём будет только лучше.

Судя по всему, Розенблум посулам Цветкова не верил. В той ситуации, которая сложилась на Колыме к середине девяностых годов, он считал, что меньшим злом для Магадана было бы избрание губернатором Михайлова.

Однако Михайлов, как я уже писал, был неплохим хозяином, но очень плохо разбирался в политике. В какой-то момент он поверил сплетням своих помощничков (мол, Розенблум организовал с Цветковым совместный бизнес по продаже нефтепродуктов, хотя в реальности всё обстояло иначе) и натравил на некоторых соратников золотопромышленника местных правоохранителей. Цель была очевидная: накопать компромат на Розенблума. Но силовики серьёзных нарушений не нашли.

Розенблум нашёл в себе мужество и проглотил обиду на губернатора. Он ещё надеялся объяснить чиновнику его заблуждения. Тут как раз им обоим предложили деловую поездку на Аляску.

После очередного ужина Розенблум попытался втолковать Михайлову, в чём его главные промахи. В частности, он посоветовал губернатору срочно поменять несколько ключевых игроков в предвыборном штабе. По мнению Розенблума, самым слабым местом Михайлова были бюджетники. Его заместитель по социалке Нина Щербак успела перессориться и с учителями, и с врачами, и с деятелями культуры. Заодно надо было, считал Розенблум, сменить и руководителя помощников губернатора, который рисовал своему шефу все картины лишь в розовом цвете и скрывал от начальника реальные настроения магаданской интеллигенции. Но Михайлов даже слушать Розенблума не захотел. Он верил в непогрешимость своей команды. А большая часть этой команды, как потом выяснилось, когда ей стало выгодно, быстренько перебежала в лагерь Цветкова.

Мне же кажется, что Михайлов в какой-то момент просто струсил. Я ведь встречался с ним ещё за год до выборов. Он был предельно откровенен. По его словам, за Цветковым маячили горы трупов в Америке и Москве. Я тогда был шокирован услышанным. Естественно, у меня возник вопрос: почему губернатор не бьёт во все колокола и не даёт эту информацию в прессу. В ответ Михайлов заметил: «Я ещё жить хочу». Но трусы никогда не делали большой политики.

Только за несколько дней до выборов Михайлов, поняв, что победа ему не гарантирована, осмелел и разрешил редактору газеты «Вечерний Магадан» Антонине Лукиной дать статью с говорящим заголовком: мол,

области нужен не пахан, а пахарь. Но было поздно. Значительная часть Колымы восприняла эту статью, напечатанную прямо перед голосованием, как оплаченный заказ и назло действующей власти предпочла Цветкова. Цветков в итоге собрал 45 процентов голосов, а Михайлов – 41 процент. Михайлову для победы не хватило, если мне не изменяет память, всего три тысячи голосов. Но он сам в этом оказался виноват. Надо было мышей ловить, а не слушать льстивые речи.

А что Цветков? Он поначалу своё слово сдержал и Розенблума одно время не трогал. А зачем? Золотая курочка должна была продолжать приносить золотые яйца. Но и из своего поля зрения Цветков Розенблума уже не выпускал.

Похоже, первый год у Цветкова ушёл на рекогносцировку. Он смотрел, какие ещё виды бизнеса не успел подмять под себя и кого можно было подоить. Особенно ему долго не давала покоя Кубака. Ещё бы: одна Кубака каждый год давала по десять тонн золота. А это – такие деньжищи! Но с Кубакой получилась закавыка. Месторождение осваивал не лично Розенблум, а совместная российско-канадская компания. А это – совсем другой бухчёт. Всё – по мировым стандартам. Без широкой огласки там ничего украсть не получалось. Это не какой-нибудь пивзавод.

В общем, очень скоро Цветков публично объявил, что значение Кубаки для экономики региона было сильно преувеличено и поэтому надо развивать, что бы вы думали? Правильно: пивзавод, на который новая власть поставила своего бывшего телохранителя. Ну, и сами понимаете, куда после этого потекли деньги с пивзавода, в чьи карманы.

Розенблум тоже не сидел сложа руки. Он лучше других понимал, что любое место-

рождение имеет свойство после начала разработки истощаться. По его мнению, век Кубаки должен был составить десять лет. А что потом?

Розенблюм, получив бесценный опыт с освоением Кубаки, начал думать о том, как подступиться к Дукату, который содержал золота и серебра больше, чем Кубака.

Вообще-то, наша промышленность вплотную взялась за Дукат ещё при советской власти. Но технологии тогда были слабые. До ума добытый металл доводили уже в Казахстане, в Усть-Каменогорске. Соответственно расходы были аховые. Сначала металл везли на машинах из Дуката в Магадан. Это ни много ни мало полтысячи километров. Потом пароход всё доставлял до Находки. А затем наступала очередь железной дороги. Когда Советский Союз рухнул, Казахстан весь металл оставил себе. Впоследствии кто-то предложил возить концентрат в Канаду. Но и там наших промышленников надули.

В середине 90-х годов на Дукате сложилась критическая ситуация. Люди сидели без зарплаты. Посёлок был на грани закрытия. А что делать, никто не знал.

Розенблюм нашёл солидного канадского инвестора, который сразу дал пять миллионов долларов на погашение долгов по зарплате. Дальше начался процесс банкротства. А затем был объявлен новый конкурс на получение лицензии. Её выиграли Розенблюм с партнёрами.

Параллельно были решены вопросы финансирования проекта – за счёт акционеров с привлечением кредитов Всемирного банка. Началось составление проекта освоения месторождения.

Цветков на начальном этапе очень активно поддерживал проект.

Тут как раз подоспело приглашение из Англии на

традиционную конференцию Института Адама Смита. Это стало известно Цветкову. Он тоже захотел поучаствовать в форуме бизнесменов. Себя губернатор отправил за счёт областного бюджета. А полёт своей жены он попросил оплатить магаданских предпринимателей. Естественно, хозяина Колымы поправлять никто не стал. Ссориться из-за десятка тысяч долларов – себе дороже.

Отсидев один день на конференции, Цветков на следующее утро свои планы резко изменил и умчался с одним из своих соратников неким Кобецом на биржу. Вернулся он темнее тучи. Губернатор в резкой форме заявил Розенблюму, что все якобы его обманывают и поэтому он Дукатский проект больше поддерживать не будет. Кто именно и в чём конкретно Цветкова обманул, обиженный чиновник не пояснил. Но когда он немного пришёл в себя, то поставил вопрос ребром, потребовав в Дукатском проекте выделить ему долю в 15 процентов и оформить всё это через кипрские офшоры. Цветкова ничуть не смутило, что Дукатский проект собирались финансировать международные банки. Согласиться на условия губернатора означало для Розенблюма, помимо всего прочего, поставить под удар свою репутацию в международных финансовых и промышленных кругах. Неудивительно, что он ультимативное требование Цветкова решительно отклонил. В ответ ему было сказано, что он ещё об этом очень пожалеет.

Тем временем на Дукате новые собственники, взяв в аренду обогатительную фабрику, начали её реконструкцию. Необходимо было заменить многие аппараты и механизмы, создать новую технологическую схему. Первым этапом, естественно, стал демонтаж старого оборудования. Было два пути получения права собственности на фабрику. Зарубеж-

ные юристы, заботясь о репутации канадского инвестора, настояли на том, чтобы соответствующие структуры организовали конкурс. Розенблюм, зная реалии отечественного бизнеса и нравы власти, предлагал организовать выкуп фабрики на основании действующего закона без какого-либо тендера. Но его не послушали. А он точно в воду глядел.

В последний момент заявки на конкурс прислали две никому неизвестные фирмы. Почувствовав подвох, Розенблюм попытался связаться с Цветковым. Естественно, губернатора на месте не оказалось. В самый неподходящий момент он непонятно каким делам отправился в Китай. На всякий случай Розенблюм предложил канадским партнёрам поднять, пока не поздно, цену на фабрику с восьми до тринадцати миллионов. Но его мнением пренебрегли. Никто не верил, что найдётся охотник выложить на краю света за грудку железа сумасшедшие деньги.

И вот конверты с заявками вскрыли. И все ахнули. Новых хозяев Дуката обошли две свалившиеся с неба конторы. Одна из них до этого занималась вертолётами. Что это – случайность? Конечно, нет.

Цветков выполнил своё обещание и отомстил за то, что ему в выгодном проекте не дали долю в 15 процентов. Вскоре выяснилось, что за победителями конкурса стоял «Полиметалл».

Как расплатились победители с губернатором, можно только догадываться.

Увы, многие наши нынешние олигархи свой бизнес в течение многих лет строили не на созидании, а на отъёме чужого бизнеса, в чём им к тому же покровительствовала власть. Эта метода была апробирована в том числе и на Колыме.

Вообще о «Полиметалле» стоит сказать отдельно. Что это была за фирма в середи-

не 90-х годов, практически никто не знал. Говорили, что она имела регистрацию в Питере, владела крохотным золотым месторождением Луна на Колыме и пыталась залезть в судостроительные дела, а также мечтала поучаствовать в строительстве скоростной железной дороги Санкт-Петербург – Москва. Поначалу этот «Полиметалл» всерьёз мало кто воспринимал. А зря.

Молодые волчата быстро показали, на что они способны. Задавшись целью отнять у колымчан Дукат, приезжая команда непонятно за какие деньги сразу организовала мощную информационную атаку на магаданских золотопромышленников. Всё было очень тонко рассчитано. Ставка делалась на патриотизм. Питерские волки кричали: что это – канадцы будут учить россиян копать руду? Мол, не отдадим отечественное достояние иностранцам, сами всё освоим. Позже выяснилось, молодым приезжим ребятишкам покровительствовал первый заместитель председателя правительства России Большаков. Но главное даже не это обстоятельство. Волки на тот момент умели лишь отбирать чужое. Когда надо было реально вкалывать, они демонстрировали полное неумение. Подтверждение тому – вырытая ими яма возле Московского вокзала в Питере (вместо построенной скоростной железнодорожной магистрали). Зато ребятишки быстро поняли, где лучше хранить свои денежки. Громче всех крича о защите национальных интересов России, они свой «Полиметалл» очень быстро отдали под юрисдикцию зарубежного острова Джерси. Если б волчата действительно думали о подъёме экономики на Колыме, они бы местным бизнесменам не палки в колёса вставляли, а выработали бы совместные планы по выводу региона из депрессии. Ну а теперь стоящий за «Полиме-

таллом» Керимов чуть ли не первый парень в нашей деревне, зовущейся Россией. Ему даже Совет Федерации уже больше не нужен. Говорят, ради сохранения своего зарубежного имущества он в любую секунду готов покинуть сенат. Денег-то сейчас у человека много. Можно поэтому теперь обойтись и без депутатского мандата.

Как пережил Розенблюм атаки волчат, промолчим. Главное – человек не унывал. Он ещё надеялся на свой богатейший опыт в геологии и горнорудной промышленности. Инвестор принял его предложение о начале строительства новой фабрики. Однако и новоявленные победители не спали. Они организовали проверку, которая выявила отсутствие на приобретённом объекте кучи разного хлама. Инвестор пытался доказать, что красть на старой фабрике было нечего, вывезли оттуда лишь груды устаревшего металла, а на освободившемся месте собирались установить новое оборудование. Но эти доводы никто не принимал во внимание. Мол, на тот момент хлам вам не принадлежал, мы купили фабрику, верните всё на старое место, а раз не можете, мы подаём в суд. Канадцы, которые к этому моменту вложили в проект около 30 миллионов долларов, на всё плюнули и уехали.

Тут будет уместно вспомнить ещё один момент. Когда Цветков разинул каравай на Дукат, он решил привлечь в свои союзники ангажированную прессу и федеральные каналы телевидения. Борзые телеведущие чуть ли не каждый день вопрошали с экранов телевизоров: мол, с чего это Розенблюм так озаботил-

На Чукотке. 1963 год

ся интересами канадских и американских инвесторов и на кого это он работает, на Россию или на Америку? Вопросы носили явно провокационный характер. Но прошло время, и вот что выяснилось. Розенблюм, как и прежде, живёт в России. У него как не было никакой заграничной недвижимости, так и не появилось домов ни в Майами, ни в Торонто. Не участвовали в сомнительных сделках за границей и его родственники. А вот те, кто подстрекали журналистов к атакам на Розенблюма, наоборот, оказались донельзя замараны. Пока они организовывали заказные разоблачения, их детки покупали в Америке престижное жильё и готовили своим папашам запасные аэродромы. И кто после этого России должен быть ближе и милее? Впрочем, не будем заниматься риторикой. Всем и так теперь всё ясно.

Розенблюм, когда ещё вся эта эпопея с Дукатом началась, понял, что чистым бизнесом у нас заниматься нельзя. Всегда найдётся какой-нибудь Цветков, который не мытьём так катаньем попытается у тебя всё ото-

брат. Нужна подстраховка. Но какая? Не искать же бандитскую крышу.

Спасение Розенблум увидел в политике. Он сознательно пошёл в депутаты регионального законодательного собрания, чтобы хоть как-то обезопасить себя от хамских наездов ополоумевших чиновников.

Цветков поначалу недооценил этот шаг Розенблума. А когда он опомнился, было уже поздно: его оппонент занял пост председателя областной думы и по должности вошёл в Совет Федерации. Тем не менее от своей мечты добить конкурента губернатор не отказался.

Цветков долго не знал, как окончательно справиться с Розенблумом. Какие сценарии он только не разрабатывал. В конце концов губернатор решил сделать всё, чтобы полностью разорить Розенблума. Он вспомнил, что в своё время Розенблум брал кредит на сорок с лишним миллионов для дальнейшего освоения Кубаки и потребовал немедленно его погасить. А в это время как раз на бирже рухнули цены на золото. В непростой ситуации оказался не один Розенблум. Но в других регионах победил здравый смысл. Должникам позволили старые кредиты реструктурировать. Розенблум тоже попросил отсрочки. Он представил расчёты: мол, через такое-то время цены на золото вновь резко поползут вверх и будет возможность не просто рассчитаться с кредитом, но и существенно пополнить казну новыми доходами. Но разве Цветков этого добивался? Ему хотелось другого – лишить Розенблума последней копейки и пустить человека по миру.

Розенблум на тот момент был, напомним, членом Совета Федерации. Он уступить Цветкову не захотел и за помощью обратился в федеральное правительство. В Министерстве финансов его план по реструктуризации долгов полностью поддержа-

ли. А вот председатель кабинета министров Касьянов сам или с чьей-то подачи почему-то встал на сторону Цветкова. Это к вопросу о том, на каком уровне Цветков имел в Москве покровителей.

Цветков в итоге добился, что кредит был возвращён в казну, но владельцем Кубаки стала на сто процентов канадская компания. Цена на золото вскоре резко пошла вверх, и всю выгоду от этого получили иностранные инвесторы.

Однако Розенблум и после этого не сдался. Он по-прежнему представлял для Цветкова большую опасность. Все понимали, что на очередных губернаторских выборах именно Розенблум мог Цветкову сломать всю игру. А как окончательно нейтрализовать пошедшего в политику золотопромышленника, никто не знал.

В конце концов Цветков использовал своё последнее и всегда в его случае безотказное оружие – лесть, помноженную на посулы. До Розенблума он испытал этот приём на журналистке Лукиной. Помните, в конце 1996 года она на страницах газеты «Вечерний Магадан» задала читателям риторический вопрос о том, кто нужен области – пахарь или пахан. Под паханом, понятное дело, она имела в виду Цветкова. Все думали, что после своей победы Цветков устроит гонения на Лукину и сотрёт бедную женщину в порошок. А он неожиданно даже для своих компаньонов предложил смелой журналистке вступить в его команду и стать заместителем губернатора. Лукина сдурю (или с испугу) согласилась, а через год или полтора её из аппарата за ненадобностью выкинули. Она вернулась в журналистику, но против «пахана» больше и слова вымолвить уже не могла и вообще смелые статьи писать перестала. Получилось, что человека купили за пять копеек.

С Розенблумом поступили иначе. Цветков, понимая,

что реально на выборах конкуренцию ему могли составить лишь два человека – Розенблум да ещё тогдашний мэр Магадана Карпенко, – сам организовал переговоры. Он пообещал своим конкурентам учесть многие их интересы в обмен на то, чтобы те не мешали ему занять губернаторский пост на второй срок (а дальше, ради бога, сами идите в губернаторы или готовьте кандидата из своей команды). Розенблум выставил одно условие: чтобы Цветков больше не беспредельничал. Ему было дано честное слово. Розенблум поверил. А Карпенко, когда после переговоров вышел на улицу, лишь выматерился. У него обещания Цветкова вызвали только улыбку. Но делать было нечего, Карпенко тогда очень нуждался в передышке.

Кто оказался прав? Карпенко. Цветков, как всегда, всех перехитрил. Но ровно через год его за очередной обман, только уже не конкурентов, а своих же поделничков, расстреляли прямо в центре Москвы. По иронии судьбы незадолго до убийства Русский биографический институт, возглавляемый писателем Святославом Рыбасом, присудил ему звание лучшего губернатора. Знающие люди утверждали, что это звание было хорошо проплачено. Рыбас вообще всегда старался награждать в основном только очень нужных ему людей, стоявших у кормила власти. Ну а Карпенко, не успев похоронить всесильного хозяина Колымы, объявил о желании самому возглавить область. Он был очень близок к своей цели. Но в самый последний момент удача от него отвернулась. А Розенблум возвращаться в большую политику, как и в большой бизнес, уже не захотел. С него всех этих игр оказалось довольно. Жизнь – одна, и зачем её тратить на борьбу с ветряными мельницами.

Вячеслав ОГРЫЗКО

Выйдешь в Михайловском из еловой аллеи к дому, а у Пушкина в кабинете лампа горит – то ли заработался и не видит, что уже день, то ли с ночи свечу не задул и спит без страха. А может, это Таня Ларина с изумлением, печалью, любовью, вопросом глядит на «лорда Байрона портрет», на «столбик с куклою чугуной» и листает книги из библиотеки Евгения Онегина, «в которых отразился век и современный человек изображён довольно верно с его безнравственной душой, себялюбивой и пустой» и не умеет понять Евгения – кто

плечо Тани – что она там листает, что вообще читали «продвинутые» современники её Евгения – Бенжамен Констан, Шодерло де Лакло. Кто ещё? И вместе с Таней с ужасом откладываю эти далёкие её сердцу книги. И радуюсь, какой чудный образ находит Непомнящий, чтобы нам лучше понять её состояние за этим чтением, рисуя нынешнюю девушку таниных лет, которая впервые в столице идёт по художественному музею и смотрит Брюллова,

ман, говорит внешне неожиданное и как будто стороннее, но вмиг останавливающее наше сердце, что весь роман – вопрос о России: быть ли ей? И зависит это от того, что и кого она выберет – Евгения или Татьяну, цивилизацию или культуру, расчёт или любовь, Пушкина или Булгарина. И голос писателя прерывается, и я следом за ним ловлю себя на слезах и вижу отчаяние старого пушкиниста, который прощается со старым миром, с Пушкиным и всё меньше надеется остеречь молодых слушателей (хотя они ещё, слава Богу, хлопают, хлопают учёному, понимая, что прощаются с чем-то, чего им уже не видеть), но уже мало верит в возможность удержать этот мир красоты и чистоты, которые спасут мир (у Достоевского – красота, у Непомнящего – Татьяна, которая впервые явлена в прочтении Непомнящего как жертва России перед вызовами расчёта). Устоит в наших сердцах Таня Ларина – и Россия спасена, а станет она только литературной героиней, «типическим образом» – и нам крышка.

И я «выаживаю» роман по окрестностям Михайловского, как вопрос и страдание, и неожиданно вижу, как медленно растёт в сердце другой вопрос: что есть сегодня писатель в России? Есть ли он ещё в старинном понимании, когда не в одних уездных городах вслед писателю (даже если его и не читали, шелестело «писатель, писатель», как эхо чего-то объединительно высококого, о чём уже и сами шепчущие не помнят)? И вспоминаю книжные прилавки, которые всё хотят сократить наш путь к Истине, чтобы мы не мучились, а получили готовые ответы и ясные ориентиры – вот сто великих мудрецов, сто еретиков, сто героев. Прочитай и спасёшься. А что если взять и назвать сто современных работающих писателей, которые есть совершенное зеркало сегодняшнего дня – может,

ПРИ СВЕТЕ ПУШКИНСКОЙ ЛАМПЫ

А.С. Пушкин в селе Михайловском. 1875.
Худ. Николай Ге

он: «слов модных полный лексикон? Уж не пародия ли он?»

Как дитя своего века, я хожу по Михайловскому, спрятав под шапку наушники, а в карман плеер, и ненасытно слушаю, как В.С. Непомнящий главу за главой читает и комментирует «Евгения Онегина» и вслушиваюсь, вслушиваюсь вместе с ним в космос романа и заглядываю через

Саврасова, Васильева и узнаёт своё сердце и свою любовь, а потом вдруг в соседнем зале без всякого перехода – Сальвадор Дали, Мунк, Малевич – как удар, как взрыв!

И тут нынешняя Таня, воспитанная нынешними «ричардсоном и руссо» (если они ещё есть – нынешние-то), кто берег её сердце и растил душу, вдруг видит на полке за Бенжаменом Констаном Дмитрия Пригова и Виктора Пелевина и отшатывается... И Непомнящий, дочитывая ро-

тогда тоже не надо будет оставлять ни Таню Ларину, ни читателя в неведении и метании. Назови ему эти имена, и он спасён, и он в центре России и мира, и он – народ, хранитель идеи и дитя Отечества.

И я начинаю собирать для себя этих сто, которые для меня свет и правда, опора и вера. Конечно, сначала сходятся самые близкие, друзья из писательского сословия (за долгую жизнь их набирается достаточно), потом те, кто подальше, но тоже читаем с любовью. Не сразу, конечно, но сотню соберёшь. А потом устыдишься и вспомнишь и тех, кто миропониманием-то чужд, но тоже задевал твоё сердце. И окажется, что и этих «чужих» тоже много. И тоже не сотня ли? И ты уже побоишься заглядывать дальше, потому что список грозит потерять границы. Тем более когда вспомнишь, что тиражи сузились и ты никогда не узнаешь, что в этот час выходит достойного в Калининграде и Магадане, Воронеже и Белгороде, Новосибирске и Челябинске.

Литературная карта раскинулась «от моря до моря» и число только подтверждённых удостоверением писателей едва ли менее пятнадцати тысяч. А ты со своей сотней. Да и Бог с ним, с числом. Ты начинаешь догадываться о более существенном – что общие-то имена находятся только в обществе с ясными духовными границами. А у нас вон свои суверенные государства – Союз писателей России, Союз Российских писателей, не по одному в Москве и Питере – и всякий союз со своими «гениями». Разве с улыбкой вспомнишь Хармса: «Ну куда это годится? – Пушкин гений, Гоголь – гений, Толстой – гений... Когда это кончится? Тут всё и кончилось».

Не сошлётся даже на такой аргумент, как время – «время всё расставит по своим местам», потому что и время у нас теперь у всех раз-

ное – кто норовит остаться в пятидесятых, кто в семидесятых, а кому и нынешний год консервативен и не терпится в следующее десятилетие.

Может быть, только в небесной истории эти сто-то имён уже ведомы, и Бог хранит всякое деревце, чтобы сделать их для нас русским лесом и лет через сто мы (вот нарочно поживём и посмотрим) узнаем, что и в наше время были книги «большого стиля» и что и сейчас пишется где-то «Последний поклон» и «Последний срок» (или они не зря звались «последними») и складываются «Привычное дело», «Дом на набережной» и «Дожить до рассвета» (или уже ни «дела», ни «дома», ни «рассвета», а од-

Осень. Дом-музей Пушкина в селе Михайловское.

Худ. Василий Куракин

ни моментальные фотографии дня большей или меньшей резкости).

И опять я слышу вопрошающий голос Непомнящего в комментарии к последней главе романа: будет ли ещё Россия или уйдёт? И как уйдёт – «как град Китеж» или как крейсер «Варяг»? – с безмолвным смирением или подняв все вымпелы с открытым лицом? Ещё недавно нашей Родиной была земля, русская деревня (даже у самых городских) и великая литература. А уж теперь осталось одно русское слово как опора и спасение, единственная непопранная святыня (с церковью уже чего-чего мы за историю не проделали, а язык всё-таки бергли и в войну клялись уста-

ми А.Ахматовой: «свободным и чистым тебя пронесём, и внукам дадим и от плена спасём – навеки»). А вот уж мы и за него взяли и приканчиваем с тем же усердием, с каким изводили деревню. И всё во внешней заботе о цивилизации, интеграции, оптимизации и других «циях», которые силками расставлены на наших исторических дорогах умными охотниками.

И уж какие тут сто писателей. Какие толстые и Достоевские? Уже вот-вот хранителями русской речи останутся писатели, переехавшие ТУДА и ТАМ консервирующие усвоенную ими ЗДЕСЬ традицию. Всё больше писателей русского зарубежья (и именно самого последнего «зарубежья», предлагают свои сочинения на соискание отечественных премий и получают их как раз за устойчивый, менее нашего повреждённый язык. Однажды проснёшься, подумаешь назвать сто русских писателей, а уж они все ТАМ, а здесь одни члены Союзов. И всё больше дома выходит книг для онегинской библиотеки, а уж для Тани Лариной нет ничего. Немудрено, что нет уже и самой Тани.

Ах, не зря Пушкин предупреждал «Погибнешь, милая!» И рука тянется выключить лампу в онегинском кабинете и успеть вывести Таню из кабинета «опаснейшего чудака» к сиянию Сороти, к небесам, к Александру Сергеевичу, который сам возле неё спасся от Онегина в себе и нас вывел. И её выведет. Простомы все устали, дали себя на минуту запугать «передовыми тенденциями», «цивилизованным человечеством», «гражданским обществом», «дискурсами» и «контентами». А Пушкин-то, слава Богу, – уже в генетике и это он все наши сто вечных писателей и есть, сколько бы нас в это число ни входило.

Валентин КУРБАТОВ

с. МИХАЙЛОВСКОЕ

Александр ВАЩЕНКО,
доктор филологических наук,
заведующий кафедрой сравнительного
изучения национальных литератур
и культур МГУ

– Расскажите, пожалуйста, чем был обусловлен ваш выбор профессии американиста в широком смысле и почему вы в итоге стали изучать литературу индейцев США?

– Это масштабный и не очень лёгкий вопрос. Отчасти выбор был обусловлен тем, что я с детства любил зарубежную литературу, классику. Так случилось, что родители меня приохотили к американской культуре, истории. Отец у меня по военной, дипломатической линии был связан с Америкой, а мать обучала здесь иностранных студентов, наоборот, русскому языку. Потом и сам, наверное, пришёл к этому. Америка меня интересовала всегда (есть в этом какая-то экзотика), но больше не сама она, а её автохтонная культура. И прежде всего – индейцы. И теперь, когда мне многие задают этот вопрос, мне трудно ответить, потому что я читал ещё в школьные годы всех этих писателей – и Майн Рида, и Купера... Но что-то от Купера во мне осталось, не ушло вместе с детством. При всём романтизме и искажениях в сторону злодеев и рыцарей было там и что-то такое благород-

МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ

ное. Это повлияло и на американских поэтов, как Уитмен, и на политических деятелей американских, как Джефферсон, которые (сейчас об этом не любят говорить) все вообще-то сидели в индейских советах, когда выработывали американскую конституцию. Это любопытный вопрос. То есть они – приезжие – тянулись к тому, чтобы взять какой-то опыт автохтонный. Хотя это шло у них очень плохо, они этого не принимали: с одной стороны, их цивилизация, веберовская этика, а, с другой стороны, у индейцев совсем другая этика – родовая. Причём они вели переговоры с вождями, а надо было вести

переговоры с матронами рода, которые этих вождей уполномочивали разговаривать. Поэтому непонимания было очень много. Вот этим всем я увлёкся. Было трудно. Потому что техники тогда не было, компьютеров не было. Да что говорить – источников просто не было, книг. По букинистическим магазинам ходили, просили кого-то что-то привезти... Мои коллеги из Америки приезжали к нам тоже: мы обменивались литературой, это всегда помогало, конечно. Я же академическую карьеру сделал, 17 лет просидел в ИМЛИ РАН – это была очень хорошая школа. И они к нам туда приезжали, мы устраивали кон-

ференции здесь и там. И они признавались, что то, что я исследую, они тогда сами только начинали, у них у самих в Америке не было этого. Всё началось в 1960-е годы. До 60-х у них была однозначная модель «на растворение». А вот с 60-х они поняли, что ничего не выходит: негры жгут Вашингтон, индейцы тоже (один процент населения, а как пошли на Вашингтон!), мексиканцы. И стало интересно: что же это за культура такая? Почему они тысячелетиями не отказываются от своего уклада? Как они выжили? И почему сейчас, когда есть техника, ракеты и космос, они кое-что принимают, но своё всё-таки оставляют?

– В чём же особенность литературы североамериканских индейцев?

– Ценности. Система ценностей другая. Они, кстати, ближе к сибирским коренным народам. Я сейчас монографию написал: «Этнокультурный фактор в художественной культуре второй половины XX века», где беру и Африку, и Сибирь, и Америку, Канаду, чтобы показать, что ценности-то одни у коренных народов. Но, конечно, по укладу, по широте, по природе окружающей ближе культур, чем американские индейцы и коренные народы нашей Сибири, я не знаю. Поэтому их литературу, культуру, обычаи, мифологию удобнее всего сравнивать. Если вы берёте даже романы и повести, там так хорошо тематика, мотивы, ценности накладываются, что слов нет! Обязательно идёт разговор о магии устного слова и о его важности в культуре, об общности, о почитании природы, которая их питает и требует уважения. А мы это всё утеряли, у нас компанейщина в лучшем случае...

– А когда и как у вас вообще впервые появилась идея сопоставить американских индейцев с нашими коренными народами Сибири?

– Она как-то всегда была

на периферии ума, но руки не доходили, потому что я и классикой занимался, и ещё много чем. А потом в районе юбилея Колумба в 1992, кажется, году у нас была первая международная экспедиция в Сибирь, и мы даже (тогда Горбачёв был, по-моему) решили основать совместный международный центр изучения традиционной культуры «Среда обитания», эмблему придумали... Из этого в итоге ничего не вышло, конечно, но мы всё-таки что-то сделали. Мы провели парочку конференций совместных с аборигенами российскими, европейскими, американскими – в Москве, в Сибири. Съездили в Салехард, в Ханты-Мансийск. Опубликовали какие-то отчёты, книги и т.д. Я заинтересовался, стал больше читать, ездить туда, познакомился с людьми. Был в Салехарде неоднократно, в Ханты-Мансийске, в Берёзове, а также и в Тобольске, в Тюмени, в Чите, в Новосибирске, в Кемерове – по разным раутам научным, международным. И у меня потом из этого образовалось по крайней мере два направления интересов и деятельности по Сибири. Так получилось, что первое направление – это переводы. Ведь в Америке не знают наших народов, а у нас не знают индейцев. Сколько можно жить, не зная, что вы, ребята, за одно и то же боретесь? Эпоха требует диалога, а текстов нет. Значит, надо было переводить. Переводил я и индейцев. Момадея переводил...

– Вы переводили с английского или с их исконного языка?

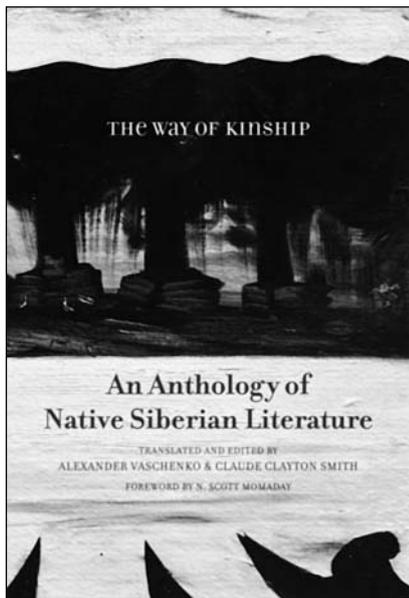
– Нет, у них с этим хуже, конечно. У нас языки лучше сохранились. Хотя у нас тоже всё шло через русский, как у них через английский. Они там только слова вставляют какие-то, фразы... сейчас уже больше, чем раньше. Но всё-таки ведь аудитория же нужна. Если они хотят, чтобы их больше читали, нужно чтобы читала англо-

язычная публика, чтобы можно было её как-то вразумлять... И им, индейцам, удалось многое переломить в отношении к себе. Это уже после Никсона, в 60-е годы, что-то произошло и у нас, и у них – вот загадка! Почему раньше не видно их было, а после 60-х – уже совсем другое дело. Конечно, идёт медленно, трудности и у них, и у нас есть свои и есть общие. Цивилизация продолжает не понимать, что это такое, а традиционные культуры сопротивляются, естественно, исходя из своих ценностей. Но теперь их уже не придавишь. Это хорошо. Литература у этих народов пошла интересная, не русифицированная, своя – такая глубокая, проблемная, драматичная, серьёзная, обращающаяся к базовым ценностям. Они ставят перед нами основные вопросы: как нам дальше жить, если мы хотим выжить не от выборов до выборов, а, как в Библии сказано, на семь поколений вперёд? У меня четыре монографии об этом. Сейчас я как раз сдал работу по этнокультурному фактору, где показываю, что после шестидесятих годов случилось и в Африке, и в Латинской Америке. Они же сейчас хотят отъединиться. Не очень-то получается, но зато через литературу они выпускают вещи, которых раньше в культуре не было. Вот все знают Маркеса. А это ведь сложная вещь – между традицией и цивилизацией. Тем не менее она прозвучала как манифест. Хотя есть в Латинской Америке, мне кажется, и поаборигеннее вещи, поавтохтоннее. Так что одно направление – переводы. А второе – исследования. Вот тут мне дорого сотрудничество с Вячеславом Вячеславовичем, потому что это была очень хорошая идея – собрать сборниками всё что можно по национальным литературам, и у кого ничего нет, он может взять, посмотреть и получить контекст. Я сейчас по годам не восста-

новлю, но, наверное, уже лет десять-то я с вами сотруди-чаю...

– *Вы обмолвились об удивительной общности американский индейцев и наших малых северных народов, а в чём отличие литератур тех и других? И какие вы могли бы назвать самые весомые фигуры, задающие тон в их литературах, и в наших?*

– У них началось чуть пораньше. Хотя в шестидесятые годы у нас уже была хорошая национальная литература: Чингиз Айтматов,

Слущикс, Василь Быков. Они все разные, но это была уже серьёзная литература, которая критиковала общество, какие-то тенденции социальные, нравственные и т.д. А вместе с ними как раз пошли (сначала незаметно) Айпин, Вэлла... Вообще-то, всё это вторая половина шестидесятых. А в Америке чуть пораньше, но тоже сначала не видно их было. А потом стали публиковать, и это была, как они говорят, «революция малых издательств». Большие издательства не хотели этим заниматься, поэтому инициатива шла снизу. Но добились. И теперь это уже всё кошерно. Н. Скотт Момадей – основоположник у них, он и задал тон всему этому. Потом Лесли Силко – тоже талантливая писатель-

ница, до сих пор пишет. Поэты тоже пошли, конечно. Скажем, Саймон Ортис – крупный поэт, Морис Кенни... Я многих лично знаю, они друзья мои. Естественно, если получается, надо работать напрямую: там и спросишь всегда, и узнаешь какие-то вещи, реалии, которые трудно иначе узнать – это же экзотика. Вообще, трудность была в чём ещё? На одну книжку художественного романа читаешь три-четыре книги по истории и этнографии, чтобы разобраться. Такая специфика. Это увлекательно, и это привело меня к мифу. Я уже десять лет занимаюсь сравнительной мифологией. Потому что несмотря на наше научное, логическое мировоззрение мы живём по мифу. Например, обычай не передавать вещи через порог – это чистый миф, потому что два мира – тот и этот – и быть между мирами опасно.

– *Вы прочитали замечательную лекцию по сравнительной мифологии в проекте «Academia» на телеканале «Культура». Расскажите, пожалуйста, какие у вас остались впечатления об этом сотрудничестве с телевидением. И как они вообще на вас вышли?*

– Хорошая программа, нужная. И слава Богу, что она есть, потому что много на телевидении всякого барахла, а она как-то уравнивает это всё. А как вышли... Не знаю, надо ли об этом говорить? Очень прагматично. Дочка человека, который делает эту программу, поступала к нам в институт. Он вышел на декана. И декан ему подсказал: возьмите этого лектора. И вот она выступила первая на этом телепроекте, а потом – я.

– *А отклики какие-то были?*

– Были, конечно. Очень много. И коллеги, и студенты – все были довольны.

– *А было что-то, что не попало в кадр? Что-нибудь интересное?*

– Нет, нет. Всё вошло. Надо было рассчитать. Там была смешная ситуация. Я сначала не понял, что нужно сразу две лекции читать под запись, поэтому вторая у меня была не готова. Я думал, в другой четверг надо будет. И пришлось мне импровизировать...

– *У меня возник вопрос и по содержанию той лекции. Вы там говорите, что наука всё время находится в поиске, а миф уже знает ответы. Может быть, наивный вопрос... Но откуда миф знает ответы, и почему мы можем считать эти ответы верными?*

– Потому что когда мы что-то постигаем, мы можем делать выводы как верные, так и неверные. Мы субъективны. В этом путь поиска – мы, постепенно отсекая ложное, находим истину. А искусство-то эту истину само создаёт! Образ синтезирует реальность, а не анализирует. И потом, мы с вами можем не осознавать себя, но хотим мы или не хотим, мы рождаемся и умираем, мы – живём. И вот, если мы задумаемся, как мы живём, почему вы, допустим, сейчас улыбаетесь или почему вы через порог стараетесь не передавать что-то, то придём к мифу. Это всё – в мифах; базовые структуры сознания – уже там. Миф всё это показал, потому что в нём огромное обобщение народа, с ним не поспоришь. Это как народные пословицы: попробуйте-ка с ними поспорить! Ничего не получится. Огромный опыт заложен туда. А один человек может ошибиться. Но это не отменяет того, что из достижений отдельных людей создаётся наука.

– *В аннотации к переизданию «Поэтических воззрений славян на природу» Афанасьева (1992 года, которое редактировал поэт Юрий Кузнецов) сказано, что в этой книге заложены основы русского мышления, которые можно через неё*

восстановить. Как вы относитесь к такой мысли?

– Ну, это здравая мысль, здравая. Афанасьев действительно много сделал. Потом фольклористы – особый народ. Они ведь через фольклор смыкают базовые и мифологические структуры вплоть до современности. Поэтому там все эти нити прослеживаются. «Поэтические воззрения славян...» – капитальный труд. Афанасьев – это голова, серьёзный учёный. А что можно рядом поставить из той поры? Ничего. Это, если хотите, наш Фрейзер.

– А как вы относитесь к мысли Юрия Кузнецова о том, что поэзия, грубо говоря, сильна мифом?

– Я думаю, что он прав. Если уж говорить о поэзии, у Роберта Грейвза – он и мифолог, и поэт – есть очень интересная книга «Мифы древней Греции» (куда лучше Куна, естественно). Грейвз считал, что поэзия – из магии. А магия, как я пишу, – это миф. Так что в поэзии есть родовые качества мифа. Поэзия воздействует на наши глубинные вещи. Если это настоящая поэзия, а не дерьмо, конечно. Например, этруски считали, что музыка и поэзия соединяют все три мира.

– Кстати, когда вы в вашей лекции на «Культуре» рассказывали, что музыка-поэзия соединяет три мира – подземный, земной и небесный, вы тут же пояснили, что это, по сути, значит и соединение прошлого, настоящего и будущего. Откуда эта аналогия?

– Если вы возьмёте хороший словарь символов (потому что есть и плохие), который обобщает всё – от мифа до современности, – то увидите, что нижний мир – это смерть, хаос, женское начало, луна и прошлое. То есть это в том числе – мир ушедших, где находятся наши предки. Поэтому всё коннотируется моментально.

– А будущее, выходит, – небесный рай?

– Ну как сказать... Где был этот рай, мы не знаем. А потом – это уже религия, это не миф.

– Но ведь небесный мир традиционно – мир богов...

– Это другое. С будущим связаны наши надежды – на урожай, например, на будущие поколения...

– А вот в восточной традиции, наоборот, лучшее время – Золотой Век – прошлое.

– Да, но ведь и у нас в христианстве рай отчасти в прошлом – до грехопадения. Тут сложная схема.

– Александр Владимирович, вы сравнивали литературы индейцев и наших северных народов, а не было ли у вас желания провести подобное сопоставление современной американской литературы вообще (той, что выражает дух американской нации) с современной русской литературой такого же рода.

– Здесь есть следующая проблема. У нас коренные этносы называют северными народами, потому что юг – это турки, кочевники и т.д. А там их не разделяют – это всё индейцы. И в целом штаты ведь лежат гораздо южнее: там жарче. В Вашингтоне вообще ходить невозможно, потому что там такая влажность летом, что два-

дцать шагов пройдёшь – и пот течёт. У нас же Москва находится на широте Нью-Фаундленда... Но это мелочи. А по линии ценностей, да, можно проводить параллели. Конечно, их волнует всё то же самое. Но кого вы берёте из наших? Если взять деревенщиков – Белова, например, – то тут речь идёт о проблемах русской деревни, русского уклада, культуры. Такая литература типологически находится где-то между автохтонными культурами и современной цивилизацией. Они были когда-то ближе – во времена древних славянских плёмен. Но потом славяне приняли христианство, приобщились к цивилизации и т.д. Другое дело, что русская деревня как-то сжилась с христианством и была очень консервативна: её разваливали, разваливали и вроде бы развалили в XX веке, но она же много веков просуществовала, и там долго держались всякие устные народные традиции и поведенческие модели. Поэтому тут не очень легко сравнивать. Но, конечно, всё равно сравниваешь... В Америке тоже по-разному. Там три огромных региона до сих пор остались. Хотя всё уже поменялось: везде появилось промышленное производство, ракеты запускают отовсюду.

Но есть, строго говоря, янки – это Нью-Йорк, Вашингтон, промышленный Восток, Детройт, где все эти машины и т.д. Там даже и время иное – с утра всё уже вертится. Американский же юг – это совсем другое: там жарко, там нельзя всё время работать, там сиеста. И люди там очень патриархальные. Почему и война произошла: у южан совсем другие ценности, и они хотели отделиться. (Правда, там есть ещё негры; но негры, «как придётся», – это Диккенс ещё понял, когда приезжал туда.) Патриархальная сельская культура предполагает, что нужно много дешёвой рабочей силы, при этом нужно выращивать первосортный табак, хлопок, кукурузу и по три урожая снимать. (На Севере тоже можно, конечно, но будет не так хорошо.) И время на юге другое, время юга – это прошлое время. Они всё время прощаются с собой и страдают от этого. И третий регион, третья культура – американский Запад – пустыня и небо, больше ничего. Какое время? Маленький человек двигался потихоньку, и всё. И индейцы там так живут: кукурузу свою выращивают столетиями. Чего там считать? Умер – родился – новое поколение: и пошло дальше... То есть даже внутри одной страны – разное. А вы говорите про деревни русские, Сибирь. Про Сибирь вообще не понятно – что это было: колония, завоевание или освоение? Вот у вас Гобзев пишет (а до него многие другие любили это повторять), что и мы тут давили эти малые народы, и в Америке их давили... Да, было Казымское восстание. Но извините, там стоял белый офицер во главе! Что же вы хотите, какая эпоха-то была? А когда (если взять Америку) вам отравленные оспой одеяла засылают? Когда уничтожают всех бизонов, чтобы экономическую базу подорвать? (Потому что военным путём не могли зало-

мать, даже пулемётами, а только – экономически.) Ведь всю Пенсильванию обманом купили. Это же огромная земля тогда была. Мы-то такого не делали! Мы их не сгоняли с земли никогда! Даже двоеверие какое-то допускали... Хотя, конечно, жгли этих идолов, всё это было. Но это и понятно: цивилизация никогда не понимала традиционную культуру (это универсальная закономерность). Но там-то у них, извините, действовала веберовская этика: «Надо заселить, а вас выгнать к чёртовой матери или истребить». Вот был подход. И надо видеть эту разницу. Мой американизм помог мне это увидеть.

– *А кто для вас главные современные писатели – русские и американские?*

– Ну, сейчас баракла много. Главное для меня сейчас – классика мировая. Сколько же там всего заложено! Каждый раз, перечитывая, находишь новое. Тургенев пересматривается: уже не третий после Толстого и Достоевского, а – наравне. Оказывается, чему учился Хемингуэй? Подтексту. У кого? У Тургенева. Да, он у многих учился, и у модернистов тоже, но, оказывается, и у Тургенева можно было учиться этому. Два произведения Хемингуэя даже носят названия тургеневских: «Вешние воды» («*The Torrents of Spring*») и «Отцы и дети» («*Fathers and Sons*»). Хемингуэй был потрясён одно время – это о чём-то говорит! Потом уже Толстым увлёкся, с которым и остался. Так что американцы учились у наших. Правда, по-английски все читали, никто русского не знал, понятно. А современной литературой я меньше интересуюсь. Почитываю чуть-чуть, но не регулярно. Быкова, Прилепина, Сенчина посмотрел, о которых говорят... В целом видна тенденция тяжёлая – Россия перестала быть литературоцентричной. Но оно и во всём мире

так. Уходят первые имена, умирают. Вот Чинуа Ачебе умер, а он для африканской литературы по значению был едва ли не основоположник: глубокий писатель, который как-то сочетал миры английской администрации и африканских аборигенов, будучи, конечно, на стороне последних. А кто новый? Нет их. Все выпендриваются. Эпоха другая – постмодерна. Надо, значит, изображать. Вот они и изображают. Но это же нечто качественно иное! Это не то, ради чего Толстой мучился, желая, чтобы другие что-то постигали, чтобы лучше был человек. Или Фолкнер, который, когда ему наконец дали Нобелевскую премию, сказал, что долг писателя – помочь человеку. А кто сейчас так скажет? Никто. Вот они бы договорились с Вэллой, мне кажется, хотя разные очень, конечно, люди.

– *Вы, судя по всему, ещё в детстве побывали в Америке. Ваш отец там был резидентом ГРУ. Догадывались ли вы тогда о миссии своего отца и знаете ли, какие задания ему приходилось там выполнять?*

– Отец из украинского села под Харьковом. Хотел быть лётчиком, но не получилось. Закончил Черноморское военно-морское училище. Тут война, 1943, кажется, год. Их только расписали по кораблям на практику, и – отозвали в Москву. И вот здесь началась его карьера разведчика. Ну, конечно, это было очень всё долго. Сначала – в Болгарии, когда решался вопрос: чья будет Болгария. Там, между прочим, отец встречался с Симоновым, которого тоже туда послали со своей задачей. С югославскими партизанами они встречались. Ну а потом – разные страны и, в конце концов, Америка. В Америке он просто возглавлял военный аппарат при посольстве. Не сразу, конечно. А потом был и момент, о котором вы говорите, если я правильно

знаю, и который мы, конечно, не очень-то обсуждали. Но я знал об этом, конечно. А как же иначе? Сам я начал выезжать в Америку только аспирантом уже. В детстве я был там, но меня тогда взяли как школьника или дошкольника. Что я там помню? Два-три кадра: просто люди жили там, жильё им дали при посольстве в 50-е годы; зоопарк. Об этом и говорить нечего. А тут, когда я стал выезжать, они, конечно, проверили всё. Но увидели, что я ничем таким не занимаюсь, я другой человек, и они ко мне не приставали никогда, надо сказать. Это очень хорошо. Один только раз попробовали завербовать на юге. Какие-то два дурачка, примерно моего тогдашнего возраста, спросили: «А кто ваш отец? Не хотите ли вы в Америку переехать?». Два вопроса было, как помню. А я себе никогда и не задавал даже такого вопроса: хочу – не хочу. «Не хочу!». Я думал, думал... Смотрю – они напряглись, сейчас будут записывать... «Вы знаете, я свою страну люблю...» – и всё, абзац. Но я правду им ответил – как думал. Это вот единственный раз был, но какой-то несерьёзный. А всё остальное время я ездил, что-то смотрел... А куда я ездил? По старине по всякой (то, что мне надо было) – по резервациям, по индейцам. Это тоже, конечно, могло вызывать подозрения. Там, наверное, ходили за мной – смотрели. Потому что фрондирующие оттуда, недовольные тоже были... Но, повторяю, всё было спокойно, нормально, пока отец не уехал. Ему сейчас уже девяносто лет и он, конечно, в довольно тяжёлом состоянии.

– Александр Владимирович, а кого вы как учёный считаете своими учителями и наставниками?

– Тут, я думаю, много кого можно назвать... Если не придерживаться хронологии... Конечно, у всех учился, начиная со сказителей, если получалось с кем-то из них

увидеться: как они говорят, какие жесты используют, какая кинетика, как идёт весь этот перформанс. Но это, пожалуй, уже позже. А раньше, конечно, были наставники и на филфаке МГУ – кто в филологию меня вводил. Нам ведь ещё Рацек по античной литературе что-то успел пропеть (он стихи античные пел на древнегреческом, помню). По зарубежке – Леонид Григорьевич Андреев оказал большое влияние, Самарин успел, хотя они с Андреевым очень разные и не слишком друг друга воспринимали. Потом, когда я сам читал лекции во многих вузах Москвы и (в меньшей степени) России, за рубежом (в Америке, в Канаде) – умные люди ведь всегда появляются и чем-то с тобой делятся. Много давали встре-

чи с американцами, которые приезжали в Россию на конференции.

– А расскажите, пожалуйста, о своей работе в ИМЛИ РАН... Вы же там работали над историей американской литературы?

– Да, в ИМЛИ написаны пять томов академической истории американской литературы, и все индейские главы там – мои. Я в ИМЛИ всех помню. Но только по тем, бывшим поколениям. Многие же поумирали, когда институт хотели раздолбать и место забрать. Он и горел (поджигали), и чего только не было тогда, при Горбачёве. Ужасно было. Но устояли. Половина сотрудников вымерла, половина уволилась... Я ушёл тогда одним из последних, потому что мне детей надо было пристраивать,

а зарплаты, конечно, были такие, что совсем тяжело. Хорошо знаю Катю Стеценко, она была в нашей американской группе, долго мы писали эту историю... Я не люблю лягать советский строй, но, конечно, эпоха была такая, что к Америке и к американистике относились сверху, по меньшей мере, очень подозрительно. Вот латиноамериканцы свою историю сделали быстрее. Но мы тоже сделали: сейчас последний том в печати. Правда, только до 1945 года мы довели. Дальше надо уже, видимо, что-то новое делать, но некому: вся группа перемерла, рассорилась, разбежалась.

– *А в плане научных школ относительно того же мифа, кто вам ближе?*

– Я у всех понемножку брал и всех учёл. Но ближе мне Юнг и на Юнге основанный Кемпбелл, который всё-таки культурологически ко всему подходит, чем меня и устраивает.

– *Вы упоминали там же, на «Культуре», что определение мифа, данное в стихотворении Боратынского («Предрассудок – он обломок...»), вполне конкурентоспособно по сравнению с научными определениями мифа. Это интересно в контексте исследований по неакадемическим, писательским теориям литературы, которые сейчас ведутся в ИМЛИ...*

– Да. Вообще, знаете, где сейчас в наши дни идёт наиболее активное экспериментирование с дискурсом? С одной стороны, в постмодернизме, который, может быть, уже на излёте и, по моему, исчерпывает себя, и, с другой стороны, – в этнокультурном факторе, где на соединении устности, письменности, ценностей всё это крутится: в Африке, в Латинской Америке... И в Сибири что-то ещё будет, я думаю (у нас помедленнее, чем у них, но всё равно – это очень интересно). А где ещё? Больше нигде. Ну не в массовой же

культуре! Понятно же, что сколько ни пытайся, там ничего не вырастет.

– *Расскажите, пожалуйста, как вам видится на данный момент ваш вклад в науку. Что нового вы сделали, какие термины, методы исследования предложили, и зачем это было нужно?*

– Наша кафедра занимается компаративистикой в литературе и культуре. Так мы с самого начала заявили и этому следуем. Что я сделал? Я открыл у нас литературу коренных американцев и сделал это почти одновременно с ними (имею в виду США и Канаду). Это где-то 1975-1979 годы. Я много занимался литературой американского запада – вестернианой (ковбои, индейцы – что это такое), особенностям этого региона. Литературу мексикано-американцев тоже я открыл. И, наконец, компаративное изучение литератур и культур американских индейцев и коренных народов Сибири.

– *А по поводу терминологии, методов?*

– Я составил словарик новых понятий. Потому что новые ряды, конечно, нужно создавать. Что понимается под «этнопоэтикой»? Очень неряшливо употребляется этот термин. Что такое «Мифопоэтика»? Кто как хочет, так и употребляет – значит, надо либо указать разные смыслы, которые фигурируют, или какой-то основной, или коннотативные какие-то. Дальше – «третий мир». Мы отказались от этого термина или не отказались? Откуда он пришёл, в какие годы активно использовался и что за этим стоит? Это всё надо прояснить. Плюс там возникает «маргинальный герой». Я понимаю под маргинальным героем – героя между цивилизацией и культурой. Как у Неркаги, у Момадея и у многих других... Так что я составил такой примерный список понятий и терминов, которые, как мне кажется, нужно ввести, либо,

если они уже существуют, систематизировать. Что касается методов – компаративный, прежде всего. А вообще – свободное сочетание методов по мере необходимости. Мы на кафедре считаем, что наша специализация – сравнительно-историческая. Строго говоря, сравнительно-исторические жизнеописания начал делать ещё Платон. Вот этому человеку трудно было! Он много параметров заложил. Может быть, и зря, но ему это было нужно, и ситуация его толкала на это... А потом – сравнительная мифология. Нас же сущностные вещи интересуют о себе самих, об обществе, цивилизации и традиционной культуре – откуда всё пошло...

– *Вы уже многое сделали в науке, осталась ли у вас какая-то мечта?*

– Издать бы книгу по этнокультурному фактору, в которой я обобщаю свои исследования. Я её давно хотел сделать, но всё руки не доходили. Сейчас, правда, рукопись уже сдал, но теперь – надо толкать. Во-вторых, первая антология (вот люблю я быть первым, ничего не могу с собой поделаться! – смеётся) сибирских авторитетных писателей на английском языке, где есть и Айпин, и Вэлла, и Неркаги, и Кэптукэ. Вот пусть читают! Потому что сколько мы их индейцев переводили, думаю, надо и наших для них перевести. Мне кажется, это важно. Так что вот мы с одним американским профессором вдвоём это сделали. Лет восемь корячились. Кроме того, я уже почти сделал хрестоматию по мексикано-американской литературе, потому что текстов до сих пор не было. Что ещё? Сейчас делаю книгу переводов. Там в том числе много индейских переводов. Эти вещи, пожалуй, основные. Дожить, увидеть это – для меня важно. А там уж посмотрим...

**Беседу вёл
Евгений БОГАЧКОВ**

ЖЕСТОКИЙ ВЕК

**Вячеслав
ОГРЫЗКО**

1. ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК: МИХАИЛ БАХТИН

Мне кажется, что **Михаил Бахтин** до сих пор не понят. Он, безусловно, всю свою жизнь вёл очень сложную игру, которую полностью ещё не разгадали. Есть версия, будто учёный много лет играл под дуду ОГПУ и КГБ. Другие утверждали, что это он использовал спецслужбы в своих интересах.

Как литературовед мировую известность Бахтину принесли его работы о Рабле и Достоевском. Но он никогда не замыкался только на двух этих фигурах, что и понятно, иначе ему не суждено было бы стать большим мыслителем.

Так в чём же величие Бахтина? Интересный ответ дал Дмитрий Урнов. Он писал: «Из того, что довелось мне от Бахтина слышать, а также читать у него, время в его устах и трудах производило на меня наибольшее впечатление. Теперь я мог бы указать, каковы были источники его суждений: он естественно развивал идеи предшественников, всё того же Бозанкетта, но ни один из его предшественников не пережил такого времени и в такой мере, как он, что придавало его суждениям особый вес и окраску. Как ни были хороши некоторые наши профессора, энциклопедически образованный Самарин или же

пламенный Турбин, но только слушая и читая Бахтина, стал я понимать, и даже не понимать, а чувствовать, что время, в которое мы живём, есть та же самая история, о которой мы читаем в учебниках, и, стало быть, о своём времени надо стараться судить, как хотели бы мы судить о любой другой эпохе из прошлого. А как хотели бы мы судить о прошлом? С наивозможной полнотой. И вот полнота представлений о времени, в которое ему выпало жить, привела Бахтина к безжалостному суду над собой. Оказался он, по словам Александра Блока, почему-то обычно приписываемых Борису Пастернаку, у времени в

плёну» («Наш современник», 2006, № 2).

Михаил Михайлович Бахтин родился 4 (по новому стилю 16) ноября 1895 года в Орле. Он был у банковского служащего Михаила Николаевича Бахтина и Валентины Захаровны вторым ребёнком. Их первенец Николай оказался старше Михаила всего на год. Потом у братьев появились четыре сестры: Мария, Екатерина, Наталья и Нина.

В 1905 году Бахтины переехали в Вильно. Затем спустя шесть лет они все, за исключением Николая, переехали в Одессу. Там Михаил в 1913 году поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета. Но после третьего курса он оказался уже в Петрограде, где стал изучать классическую филологию у профессора А.М. Введенского.

Уже в октябре 1920 года Бахтин, устраиваясь в Витебский институт народного образования, набросал следующую версию своей автобиографии: «Михаил Михайлович Бахтин.

Суворовская ул[ица] д[ом] 63 кв[артира] Бескина.

Родился [в] 1891 г[оду] в городе Орле. В 1908 году окончил Одесскую 4-ю гимназию. [С] 1908 по 1910 год состоял студентом филологическо[го] факультета Новороссийско[го] университет[ета]. С 1910 по 1912 год находился в Германии, где прослушал 4 семестра Марбургско[го]

университ[ета] и один семестр в Берлине. С 1912 года по 1914 год состоял студентом Петроградского университета. [В] 1914 году закончил Петроградский университет с оставлением по кафедре классической филологии Ф.Ф. Зелинским. С 1914 по 1917 год работал при университете, в филологическом обществе и обществе классическ[ой] филологии. С 1917 по 1918 год состоял преподавателем Свенцянской мужской гимназии. [С] 1918 по 1910 [год] состоял преподавателем Ед[иной] тр[удовой] шк[олы] 2-й ст[упени] и Педагогическ[их] курсов г[орода] Невеля.

М.Бахтин».

Но что в этом варианте правда, а что придумано, до сих пор не установлено. Бахтин по многим причинам очень часто прибегал к мистификациям.

Точно известно, что когда в России началась гражданская война, Бахтин из Петрограда уехал. Уже в 1973 году он рассказывал В.Дувакину о том, как в 1918 году его позвал к себе друг юности Лев Пумпянский, отбывавший тогда военную службу в маленьком Невеле. «Он меня уговорил поехать туда в Невель к нему: там можно и заработать, и там питания сколько угодно и так далее». Как раз туда перевели Новосвенцянскую гимназию, где директорствовал один из учителей Бахтина – Павел Адамович Янович. «Самое голодное время пересидел, – признался Бахтин Дувакину. – Около двух лет я там был» (М.М. Бахтин: беседы с В.Д. Дувакиным. М., 2002).

Поразительно: в разгар гражданской войны в Невеле появилось своё научное общество. «Это была не игра, вовсе нет, – утверждал Бахтин, ставший председателем этого общества. «А членами были Пумпянский, Матвей Исаевич Каган, философ, химик Колубакан <...> И там нам платили, платили, зарплата была установлена». К на-

званным исследователем именам надо бы добавить ещё пианистку М.В. Юдину, музыкального критика и поэта В.Н. Волошинова и Б.М. Зубакина.

Осенью 1920 года Бахтин и Пумпянский из Невеля переехали в Витебск, где, по их признанию, в то время был расцвет культуры, в том числе и потому, что туда, спасаясь от голода, успело переселиться немало представителей петроградской интеллигенции. Бахтин стал преподавать в консерватории. Уже в 1954 году он, когда потребовалось подтвердить трудовой стаж, писал: «Я работал в Витебской Гос. консерватории в качестве штатного преподавателя эстетики с 1920 по 1924 г. включительно. Поступил я на работу при директоре Н.А. Малько, продолжал работу при директоре Преснякове и уволился при директоре Постникове. В числе моих коллег по работе в консерватории в этот период были проф. Дубасов, проф. В.Г. Ивановский, проф. Штейн, Зимин, Крейслер и др. Оставил я работу по собственному желанию, ввиду моего возвращения в Ленинград. Уезжая, я передал чтение курсов эстетики А.О. Цшохеру».

В Витебске Бахтин в мае 1921 года женился. Его избранницу звали Елена Александровна Околович. Там же, в Витебске, была заложена основа круга, получившего позднее имя Бахтина. В него вошли соратники учёного по Невелю Пумпянский и Волошинов, а также новый витебский знакомый Медведев и музыковед И.И. Соллертинский. «Я читал, – рассказывал учёный в 1973 году, – вёл такие, частные совершенно, у себя на дому... философский курс, по Канту сначала (я был таким заядлым кантианцем), а потом вообще более широкие темы у нас были» (в 1992 году тексты некоторых домашних выступлений исследователя перед своим кругом были в записи Пумпянского

опубликованы в книге «М.М. Бахтин как философ»).

Новый период в жизни Бахтина начался в мае 1924 года. Он с женой переехал в Ленинград и продолжил в узком кругу обсуждать насущные философские и литературные проблемы. К «старым» соратникам Пумпянскому, Юдиной, Волошинову и Медведеву в Ленинграде присоединились и новички: востоковед Тубянский, биолог Канаев, поэт Вагинов.

В то время в Ленинграде столкнулись две школы: формалистов и начинающих полифонистов. Но это не значит, что они были врагами. «На деле, – рассказывал будущий академик Г.М. Фридлендер, – всё было иначе. В 1920-е годы Бахтин (как и Б.М. Энгельгардт, также критиковавший идеи ОПЯЗ'а) работал в Институте истории искусств рука об руку с Б.М. Эйхенбаумом, Б.В. Томашевским, В.В. Виноградовым, Г.А. Гуковским. Более того, именно Б.М. Эйхенбаум привлёк Бахтина к написанию двух статей о Толстом, помещённых в 1930 году в 11 и 13 томах «Полного собрания художественных произведений» Л.Н. Толстого, выпущенного под редакцией В.И. Срезневского, К.И. Халабаева и Эйхенбаума» («Русская литература», 1993, № 3).

Арестовали Бахтина 24 декабря 1928 года. Его обвинили в причастности к религиозно-философскому кружку «Воскресение», но уже через две недели, 5 января из-за болезни до суда освободили. Дожидаюсь окончания следствия, учёный взялся за предисловие к роману Льва Толстого «Воскресение». Но самый главный подарок ему сделал Медведев, который, зная о том, какая беда нависла над его соратником, не побоялся выпустить в «Прибое» его первую монографию «Проблемы творчества Достоевского».

Эта книга сразу же вызвала множество споров. Нахо-

дившийся тогда в лагере философ А.Ф. Лосев был просто расстроен. Сидевший вместе с ним на Медвежьей горе Н.П. Анциферов потом рассказывал о том, какую дискуссию устроили в лагере члены кружка «друзей книги». «Помню, – писал Анциферов, – как з-к В.С. Раздольский делал доклад о книге М.М. Бахтина о Достоевском. Тот же Лосев сказал: «Разве можно говорить и писать о Достоевском, исключив Христа!» После собрания я подошёл к его жене и сказал ей: «Убедите Алексея Фёдоровича воздержаться от таких выступлений». Она ответила, грустно взглянув на меня: «Всего не перемолчишь» («Н.П. Анциферов. Из дум о быллом. М., 1992).

Спустя месяц после выхода книги Бахтина о Достоевском 22 июля 1929 года состоялась коллегия ОГПУ, которая приговорила учёного к пяти годам лагерей с отбытием срока на Соловках. Исследователь узнал об этом решении в больнице. За него вступилась Е.П. Пешкова, патронировавшая организацию «Помощь политзаключённым». Благодаря её вмешательству в феврале 1930 года Бахтину Соловки заменили на ссылку в Кустанай.

Позже в причинах ареста Бахтина попытался разобраться Дмитрий Урнов. Он писал: «В давние недобрые времена, в конце двадцатых годов, когда Бахтин подвергся аресту, ему, видимо, всё же зачли критику фрейдистов, ведь им патронировал Троцкий, а расхождение в чём бы то ни было с Троцким равнялось получению охранной грамоты. Но с другой стороны, критиковал Бахтин формалистов, называя их «Сальери от науки». А формалистам Троцкий не патронировал, и это служило им охранной грамотой. Главное, у них были связи, которые всё никак не распутают до конца, видимо, не желая переусердствовать в постижении секрета выживаемости формалистов

в условиях вроде бы вовсе не благоприятствовавших формализму. Нашёл ли Бахтин хотя бы отчасти общий язык с властями или же для сложившейся тогда ситуации надо искать какие-то другие, особые слова, но оказался он только сослан» («Наш современник», 2006, № 2).

Пока Бахтин находился под следствием, в Ленинграде вышли две книги, подписанные его соратниками. Одна называлась «Формальный метод в литературоведении». Она вышла под именем Медведева. Название другой книги: «Марксизм и философия языка». На её титульном листе в качестве автора был указан Волошинов. Но в 1960-е годы стали распространяться слухи, будто обе эти книги написал Бахтин. Проверить это у Медведева и Волошинова возможностей уже не было: один погиб в лагере, другой умер от болезни. По свидетельству Лидии Гинзбург, истину попыталась восстановить вдова Григория Гуковского. «З.В. Гуковская, общавшаяся с Бахтиным в Малеевке, – писала Гинзбург, – со свойственной ей нецеремонностью, спросила его прямо – почему он печатался под чужими именами. Бахтин ответил, что это его друзья, к которым он хорошо относился, и почему бы ему было не написать от их имени книги. Почему бы и нет? Бочаров – душеприказчик Бахтина – считает, что казус сложный, что просто заменить при переиздании имена Волошинова и Медведева именем Бахтина нельзя. Потому что эти книги написаны иначе. Они написаны полифоническим человеком» (Л.Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002).

В Кустанай Бахтины выехали 29 марта 1930 года. Когда появилась возможность, он стал искать куда пойти. Уже в 1974 году учёный вспоминал: «Работу выбирал сам. Выбрал экономистом в райпотребсоюзе. Бы-

стро освоился в финансовых отчётах, балансах. Даже читал по экономике. Работать по специальности было нельзя: в школу не пускали.

Когда срок ссылки закончился, Бахтин спешить с отъездом не стал, оставшись в Кустанае ещё на два года.

Потом Медведев помог ему устроиться в Мордовский пединститут им. А.И. Полежаева. Его взял к себе декан филфака Г.С. Петров. Но в январе 1937 года местные комиссары устроили Петрову обструкцию и выдавили его из института. Бахтин, опасаясь, что следующей жертвой мог стать уже он, предпочёл уволиться. Но по собственному желанию его не отпустили. 5 июня 1937 года учёного уволили «за допущение в преподавание всеобщей литературы буржуазного объективизма». Формулировку приказа изменил лишь новый ректор.

Уехав из Саранска, Бахтины поселились под Москвой, в Савёлово. В феврале 1938 года ему ампутировали правую ногу. Но как только он снова окреп, сразу взялся за работу о Рабле. В 1940 году он планировал защитить в ИМЛИ кандидатскую диссертацию. Но потом его сотрудничество с ИМЛИ свелось к тому, что он сделал там два доклада: «Слово в романе» и «Роман как литературный жанр».

В январе 1942 года в первую блокадную зиму в Ленинграде от голода умерли мать Бахтина и две его сестры – Екатерина и Наталья. Четвёртая сестра – Нина скончалась два года спустя (сказались последствия перенесённого голода).

После войны Бахтины вернулись в Саранск. Учёный возглавил в Мордовском пединституте кафедру всеобщей литературы. Оставалось разобраться с диссертацией.

Бахтин не отказался от мысли защититься по Рабле в ИМЛИ. Учёный совет был назначен на 15 ноября 1946 го-

да. Все три официальных оппонента – А.А. Смирнов, И.М. Нусинов и А.К. Дживелегов предоставили прекрасные отзывы. Серьезные замечания высказали лишь близкие к высокому начальству Н.К. Пиксанов, Н.Л. Бродский и В.Я. Кирпотин. Из-за них обсуждение затянулось на семь часов. Но когда дело дошло до голосования, весь учёный совет высказался за присуждение Бахтину степени кандидата филологических наук. После этого в повестку дня было внесено ещё одно предложение: учитывая новизну работы Бахтина, присвоить ему сразу звание доктора наук. Но тут члены учёного совета были уже не так единодушны. «За» проголосовало только семь человек, а шесть подняли руки против.

Спустя полгода ВАК направил диссертацию Бахтина на две дополнительные рецензии. В качестве экспертов были привлечены крупнейший знаток западноевропейских литератур М.П. Алексеев и специалист по французскому театру С.С. Мокульский. Они оба признали, что работа Бахтина о Рабле достойна докторской степени. Но в верхах эти заключения вызвали неудовольствие.

Потом в печати поднялась борьба против ИМЛИ. 20 ноября 1947 года в газете «Культура и жизнь» появилась статья некоего В.Николаева «Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения». В ней досталось и Бахтину. Николаев писал: «В ноябре 1946 г. Учёный совет института присудил докторскую степень за псевдонаучную фрейдистскую по своей методологии диссертацию Бахтина «Рабле в истории реализма». В этом «труде» серьёзно разрабатываются такие «проблемы», как «гротескный образ тела» и образы «материально телесного низа» в произведении Рабле» и т.п.». Кроме того, был арестован один из официальных

оппонентов учёного – Нусинов. Поэтому экспертный совет ВАКа по западной филологии вопрос о Бахтине в 1948 году трижды переносил. Письменно он одобрил диссертацию исследователя только 24 февраля 1949 года. После этого оставалось заручиться согласием лишь президиума ВАК.

Президиум по Бахтину был назначен на 15 марта 1949 года. Но учёному вновь не повезло. Теперь против его работы высказалась вдова крупнейшего фольклориста Ю.Соколова – В.Дынник. Единственное, что смогли сделать сочувствовавшие ему эксперты – перенести заседание президиума ВАКа на 21 мая.

Позже академик В.Виноградов предложил соломоново решение: докторскую степень Бахтину временно не давать, но присвоить звание профессора и отправить диссертацию на доработку. Бахтин спорить не стал и 6 апреля 1950 года представил новый вариант своей работы о Рабле. Экспертная комиссия ВАКа отправила рукопись на новый отзыв – уже Р.Самарину. Тот больше года к рукописи Бахтина даже не прикасался, а потом написал отрицательную рецензию. Опираясь на мнение Самарина, экспертная комиссия под председательством Д.Благого, Бахтину в присуждении докторской степени отказала. Диплом кандидата наук ему тоже долго не давали. Он его получил только 2 июня 1950 года.

Вплоть до 1960 года Бахтин находился, по существу, в забвении. Его знали разве что в Саранске. В московских научных кругах считали, что он давно умер. Но это было не так.

Для Москвы Бахтина вновь воскресил Вадим Кожин. В ноябре 1960 года он от себя и от имени своих коллег Сергея Бочарова, Георгия Гачева, Петра Палиевского и В.Сквозникова направил учёному в Саранск письмо. «Простите, –

писал Кожин, – что незнакомые люди осмеливаются Вас беспокоить. Впрочем, мы воспринимаем создателя «Проблем творчества Достоевского» как хорошо знакомого и близкого человека. Ваша прекрасная книга не только представляет собой наиболее истинное и ценное исследование о творчестве Достоевского, но, помимо того (или, точнее, именно потому), имеет первостепенное теоретическое значение. Я обращаюсь к Вам от имени связанной совместной работой и дружбой группы молодых литературоведов, которые родились в год появления Вашей книги или одним-двумя годами позднее. Практически мы почти ничего ещё не сделали. Но мы стремимся продолжить в своей работе дело Вашего поколения русской науки в литературе. Мы ясно сознаём, какое поистине всемирное культурное значение имеет научная мысль этого поколения».

Бахтин, когда получил это письмо, растрогался. Он тут же написал молодым коллегам ответ. А летом 1961 года учёный позвал москвичей к себе в гости. «Он, – вспоминал Гачев осенью 2000 года, – начал с самого главного, он сказал: «Вы знаете, я не литературовед, я – философ». И тут же прибавил, чтобы мы как будто бы знали с кем имеем дело. Заранее предупредил сразу: «Но вы знаете, я не марксист». Он прямо с этого начал. Это как будто была встреча эпох. Он был человек из другой эпохи, из другого культурного слоя» (цитирую по саранскому молодёжному журналу «Странник», 2010, № 6).

Вскоре после этой встречи Бахтин сильно заболел. Врачи констатировали острую невралгию кульги. Продолжать заведовать кафедрой в Мордовском университете для учёного стало сложно. И он попросил ректора дать ему другую должность.

Тем временем москвичи не сидели сложа руки. Они

убедили столичных издателей в необходимости переиздать работу Бахтина о Достоевском. «Получил, – сообщил учёный 27 марта 1962 года Кожиннову, – официальное предложение от редакции «Советский писатель» о переиздании моего Достоевского и уже ответил на него согласием. Сегодня получил рецензии и редакционное заключение. Всем этим я всецело обязан Вам и только Вам. Примите мою глубочайшую благодарность! Сейчас я приступаю к новому пересмотру всей книги. Рукопись я хочу сдать издательству непременно до лета, так как летом Елене Александровне и мне придётся куда-нибудь поехать полечиться». Спустя несколько месяцев, 2 июля Бахтин прислал Кожиннову новое письмо. «Теперь о деле с «Сов. писателем», – рассказывал он. – Отделить новый текст от старого в первых главах нельзя без нарушения целостности изложения. Но в этом нет никакой необходимости: меня вполне удовлетворяют полагающиеся мне 60% (кроме 4-й главы). Меня интересует другая сторона дела – отношение редакции к новому тексту моей книги. До сих пор я не получил от редакции никаких сообщений об этом. Но без этого я не могу приступить к окончательному оформлению и перепечатке книги (на это по-

требуется время). Хотелось бы получить от редакции какие-либо определённые сообщения на этот счёт».

Однако издатели стали тянуть резину. Их якобы смущал язык учёного. Издательское начальство потребовало убрать некоторые термины 20-х годов, в частности, заменить слово «интенция».

Спустя несколько лет книга Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» была переведена на сербский, итальянский, японский, французский, польский, румынский, чешский и немецкий языки. Такой же триумф ожидал и его книгу о Рабле. Её переиздали в Америке, во Франции и Испании.

Ещё раз подчеркну вклад Кожиннова в возвращение книг Бахтина. Но остался вопрос: всё ли понял Кожиннов у Бахтина, идеи которого он в течение многих лет чуть ли не силой пытался навязать практически всем своим соратникам? И так ли уж идеален был Бахтин? Для меня нет сомнения в том, что Кожиннов как минимум догадывался о наличии целого ряда странностей в биографии своего кумира.

Во-первых, Бахтин официально так и не получил высшего образования. Помешала этому гражданская война или существовали другие причины, до сих пор не выяснено.

Второй момент. В 1960-е годы сложился миф, будто одно время Бахтин свои идеи скрывал под масками Волошинова и Медведева. В числе тех, кто упорно поддерживал этот миф, был и Кожиннов. Хотя критик знал, что Волошинов и Медведев – это не псевдонимы Бахтина, такие люди реально существовали. И надо ещё разобраться, кто у кого питался идеями: Волошинов с Медведевым у Бахтина или всё было ровно наоборот.

Мне кажется, что апологетам Бахтина стоило бы познакомиться хотя бы со статьёй крупнейшего иссле-

дователя Достоевского – Г.М. Фридлендера в журнале «Русская литература» за 1993 год. Как известно, Фридлендер следил за творчеством Бахтина ещё со студенческих лет. С университетской скамьи он неплохо знал также Медведева и Волошинова. Естественно, кто-то ему был ближе, кто-то менее интересен. Но это не помешало ему в годы застоя выдвинуть кандидатуру Бахтина в член-корреспонденты Академии наук СССР и написать представление о присуждении учёному Государственной премии СССР. С другой стороны, Фридлендер категорично опроверг слухи о том, будто реальным автором книги «Формальный метод в литературоведении» был якобы не Медведев, а Бахтин. При этом попутно развенчал и другой установившийся в науке ложный взгляд о том, будто Бахтин и Медведев так и не приняли никаких идей ОПОЯЗа, а их спор с «формальной школой» якобы носил не научный, а политический характер. В доказательство Фридлендер сослался на Эйхенбаума, который заказал Бахтину две статьи о Толстом для 11-го и 13-го томов полного собрания сочинений классика. Он же, можно сказать, защитил от сплетен и Волошинова. Опираясь на свидетельства лингвиста А.В. Десницкой, учёный доказал, что книги «Фрейдизм» и «Марксизм и философия языка» были написаны именно Волошиновым, но не Бахтиным.

Поразительно, но сам Бахтин прямо и чётко в 1960-е годы миф о масках не подтвердил и не опровергнул, а только добавил тумана. Почему? Что мешало большому мыслителю в относительно безопасные годы застоя, имея за спиной поддержку руководителя КГБ Юрия Андропова, рассказать всю правду?

Третье. Исследователи до сих пор не могут получить доступ в архивах к делам об

аресте, следствии и ссылке Бахтина. Странно, что одни поделщики учёного получили высшую меру наказания, а Бахтин ещё во время следствия был отпущен на лечение и вскоре дождался выхода своей монографии о Достоевском, а потом вместо Соловков отправился в Кустанай.

Четвёртый момент. В конце 1940-х – начале 1950-х годов Высшая аттестационная комиссия (ВАК) долго не могла определить с тем, оставить Бахтина в кандидатах наук или всё-таки согласиться с присуждением ему за работу о Рабле сразу докторской степени. По сохранившимся документам видно, что за Бахтина ратовали даже известные формалисты Жирмунский и Томашевский. Идеи «полифонического» романа оказались близки и Дмитрию Лихачёву, который, правда, тогда ещё не имел огромного веса в правительственных инстанциях. А кто всё тормозил? Н.К. Пиксанов, Н.Л. Бродский. Но более других сопротивлялся Самарин, который тогда считался чуть ли не главным специалистом по западноевропейским литературам. Но сейчас по некоторым материалам выяснилось, что Самарин, похоже, не столько топил Бахтина, сколько, видимо, спасал. Как оказалось, Самарин много лет работал на спецслужбы и знал, что органы госбезопасности готовили мифический заговор в среде литературоведов. Чекисты тщательно собирали сведения о всех видных учёных, занимавшихся западной литературой. Первой жертвой стал Пинский. Ему в упрёк поставили в том числе защищённую в 1936 году кандидатскую диссертацию о Рабле. Смеховая культура, исследованная гениальным французским провокатором, уже тогда сильно беспокоила консультантов наших спецслужб. Так что Бахтин, если б получил всё за того же Рабле звание доктора наук, во-пер-

вых, тут же попал бы в академическую номенклатуру, что повлекло бы за собой новую пристрастную проверку со стороны органов госбезопасности, а во-вторых, стал бы следующим после Пинского кандидатом на арест. Выходило, что Самарин, сознательно затянув диссертационное дело Бахтина, уберёт яростного поклонника Рабле от повторных репрессий.

Поразительно, но Кожинов большую часть этих странностей в биографии Бахтина как бы не замечал. Почему? Неужели он считал эти моменты несущественными? Или у него имелись более важные причины?

Целый ряд данных дают основания для иного вывода. Похоже, Бахтин прямо или косвенно до конца своих дней тоже был связан со спецслужбами. Андропов ведь не случайно лично в конце 1960-х годов взялся за решение бытовых проблем учёного. Все разговоры о том, будто председатель КГБ не устоял перед мольбой дочери (которую в свою очередь попросил вмешаться в квартирный вопрос Бахтина её учитель по МГУ Владимир Турбин), – лишь дымовая завеса. Ну не был Андропов филантропом. При всей любви к дочери он ведь не пошёл у неё на поводу в 1967 году, когда решался вопрос о распределении родной кровинушки. Дочь хотела после окончания МГУ работать вместе со своей подругой Ириной Карпенко. Но отец этим просьбам не внял. Он сказал, что вместе подруг возьмёт только к себе в КГБ. И ничто его волю сломить не смогло. В итоге дочь главного чекиста попала в редакцию «ЖЗЛ». Если Андропов когда и помогал руководителю Таганки Юрию Любимову или поэту Евгению Евтушенко, то отнюдь не из альтруистических убеждений или любви к искусству. У председателя КГБ всегда во всём имелся свой расчёт. Яс-

но одно: Бахтин был Андропову очень нужен. Ведь теория этого учёного о Рабле, как это ни парадоксально, позволяла объяснить очень многие процессы, случившиеся в 1956 году на глазах Андропова в Венгрии и в 1968 году в Чехословакии. Литературовед Бахтин вполне мог стать консультантом спецслужб по вопросам о природе революций, а также по механизмам управления массами.

Кстати, в 2012 году один из многолетних неофициальных помощников главного идеолога КПСС Александр Байгушев, занимавшийся, по его словам, партийной разведкой, прямо заявил, что Кожинов отнюдь не случайно в начале 1960-х годов вышел на Бахтина и потом долго опекал учёного. Мол, такое у критика было задание, в ходе выполнения которого его мировоззрение претерпело сильнейшие изменения.

Осенью 1969 года Бахтину стало совсем плохо. Владимир Турбин через свою бывшую студентку – Ирину Андропову, которая была дочерью председателя всесильного КГБ, договорился о том, чтобы учёного и его жену поместили в столичную Кунцевскую больницу. Отзимовав в «Кремлёвке» Бахтины опять-таки благодаря хлопотам Турбина и Андроповой переселились в Климовский пансионат для престарелых, который располагался близ Подольска.

1 сентября 1970 года Бахтин написал заявление о приёме в Союз писателей. Рекомендации ему дали преподаватель Академии общественных наук при ЦК КПСС А.Мясников, ведущий сотрудник Института мировой литературы Вадим Кожинов и преподаватель МГУ Владимир Турбин.

Мясников выдержал своё поручительство в спокойном тоне. Его молодые коллеги оказались более эмоциональными людьми.

Турбин прямо заявил, что, рекомендуя принять в члены Союза писателей Михаила Михайловича Бахтина, он впервые в жизни выступал на арене истории. «Моя рекомендация, – подчёркивал филолог, – единственное из всего написанного мною, что сохранится на долгие-долгие годы; со временем она станет объектом внимания биографов этого выдающегося русского учёного и историком литературы». Турбин писал: «Сознаю и некоторый комизм своего положения: рекомендовать Бахтина в Союз писателей – то же, что рекомендовать Эйнштейна в некий Союз физиков, а Лобачевского – в Союз математиков; то, что Эйнштейн – физик, Лобачевский – математик, а Бахтин – писатель, должно, по-моему, предполагаться само собой. Но раз это требуется, – пишу рекомендацию Бахтину».

В своей рекомендации Турбин напомнил: «М.М. Бахтин вошёл в нашу литературу ещё в конце 20-х годов, когда была издана его первая книга – «Проблемы творчества Достоевского», высоко оценённая А.В. Луначарским. Он продолжал работать в суровые 30-е годы, будучи отстранён от участия в литературной жизни страны, от библиотек. Только в конце 50-х – начале 60-х годов удалось подготовить к печати и издать его работы «Проблемы поэтики Достоевского» и «Франсуа Рабле...». Работы эти вызвали оживлённые споры, дискуссии, полемику. Но бесспорно главное: посвящённые, казалось бы, проблемам истории литературы достаточно далёкого прошлого, работы эти – жгуче актуальны методологически; они заставляют видеть литературное произведение в заветном единстве его идеологической направленности и мельчайших элементов художественной формы».

Кожин и вовсе отличился. Он прислал в Союз писателей рекомендацию, напи-

санную на нескольких страницах шариковой ручкой. В своём поручительстве филолог отметил: «Михаил Михайлович Бахтин вступил в литературу своей книгой «Проблемы творчества Достоевского» (Л., 1929). В большой статье, специально посвящённой этой книге, А.В. Луначарский писал тогда, что М.М. Бахтину удалось определить сущность творчества Достоевского «с наибольшей ясностью, чем это делалось кем бы то ни было до сих пор». Это утверждение остаётся верным и поныне. Книга М.М. Бахтина о Достоевском, вышедшая вновь в 1963 году расширенным (в полтора раза) изданием, не побоюсь сказать, конгениальна творчеству Достоевского. Это не только лучшая книга о Достоевском, но и вообще лучшая книга о творческом своеобразии художника слова. Было бы бессмысленным пытаться охарактеризовать эту книгу в нескольких фразах, – слишком богато и сложно её содержание... Но в десятках печатных отзывов (отечественных и зарубежных), появившихся после её второго издания, более или менее выяснены её значение и ценность. Столь же глубока и значительна книга М.М. Бахтина о Рабле (М., 1965). Можно без преувеличения сказать, что в ней впервые раскрыта подлинная сущность «творчества одного из выдающихся художников Возрождения».

В конце своей рекомендации Кожин подчёркнул: «Мысль учёного столь богата, глубока и самобытна, что она закономерно породила богатый и самобытный духовный пафос и самый стиль, захватывающий каждого, кто открывает для себя книги М.М. Бахтина. Книги М.М. Бахтина о литературе сами по себе предстают как значительные и своеобразные явления литературы».

Уже 2 ноября 1970 года дело Бахтина было рассмот-

рено на бюро творческого объединения критиков и литературоведов. Судя по протоколу, на нём выступило четыре человека: Феликс Кузнецов, Андрей Турков, Т.Мотылева и Иоанна Нович. И все они были единодушны: Бахтин – это событие.

На рецензирование приёмная комиссия Московской писательской организации книги Бахтина отдала опальному прозаику Александру Беку, который никак не мог пробить в «Новом мире» свой роман «Новое назначение», и и партийному критику Александру Михайлову. Они мало что поняли в прочитанном, но у обоих хватило ума признать, что встретили незаурядный талант.

Заседание приёмной комиссии прошло 24 ноября 1970 года. Докладчиком по делу Бахтина был назначен Юрий Трифонов. Он понял, что не в состоянии на равных обсуждать идеи учёного, поэтому сосредоточился на его жизненном пути. «У Бахтина, – признал Трифонов, – очень интересная хронология жизни».

Итоги обсуждения подвёл Борис Слуцкий. Он заметил, что за шесть лет его участия в делах приёмной комиссии «более крупного писателя не принимали».

Дальше остались одни формальности. 2 декабря решение приёмной комиссии утвердил секретариат Московской писательской организации. Ещё через неделю этот вердикт подтвердил также секретариат Союза писателей России.

Но радость продолжалась недолго. В ночь на 14 декабря 1971 года умерла жена учёного – Елена Александровна. «Я был при её смерти, – вспоминал осенью 2000 года Сергей Бочаров. – Как раз в последний вечер, 13 декабря 1971 года, я приехал туда [в Климовск, в пансионат для престарелых. – В.О.] <...> Весь вечер мы с Михаилом Михайловичем вот так вот сидели за столом. Пытались разговари-

вать на какие-то темы. Вышел только что том литературного наследия «Неизвестный Достоевский». И вот мы как будто бы пытались об этом разговаривать, а Елена Александровна тут рядом просто умирала. Я к ней подходил, и она мне на ухо шептала: «Берегите Мишеньку, берегите Мишеньку!» А Михаил Михайлович так вот посматривал в её сторону, и вообще он всегда был очень сдержанный и такой мягкий, но тут в один момент взорвался и вышел из себя, когда сёстры прибежали сделать укол. Они

не могли никуда попасть, потому что все вены были уже исколоты, места живого не было. И он рассердился и стал на них кричать: «Вы ничего не умеете!» Был такой эпизод... А ночью я всё-таки уехал, Михаил Михайлович меня выставил, и я уехал. И ночью она умерла».

Через две недели после смерти жены Бахтин переехал в переделкинский дом творчества. Квартиру в Москве на Красноармейской, 21 ему дали после вмешательства Андропова лишь в сентябре 1972 года.

Желая поддержать великого учёного, Г.М. Фридлендер и Е.Н. Купреянова хотели выдвинуть его в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Но Бахтин прислал коллегам телеграмму с отказом баллотироваться в академию. Тогда Фридлендер решил представить к Госпремии СССР. Но эту инициативу забаллотировал уже Б.Г. Реизов.

Умер Бахтин 6 марта 1975 года в Москве в своей новой квартире. Похоронили его на Введенском кладбище рядом с женой.

2. ЛЮБОВЬ ВТРОЁМ: ОСИП БРИК

Осип Максимович Брик, журнал «ЛЕФ».

Фото: Александр Родченко

Осип Брик известен как муж Лили Брик, которая была музой Владимира Маяковского. Но у него имелись и другие заслуги. «Это был, — отметил в 1948 году в своём дневнике Давид Самойлов, — один из крупнейших умов в нашей литературе. Ум разрушительный, ничего не способный создать».

Летом 1942 года Союз писателей, решив восстановить погибший в начале войны под немецкими бомбёжками свой архив, обратился к своим членам с просьбой заново напи-

сать и прислать свои автобиографии. Осипа Брика письмо литературных чиновников застало в Перми, который тогда именовали Молотовым. Приведу его ответ полностью.

«Моя автобиография

Зовут меня — Осип Максимович Брик. Родился я 16 января 1888 года в г. Москве. Учился в 3-ей московской классической гимназии с 1898 по 1906 г. В 1905 году состоял членом гимназического социал-демократического кружка. С 1906 по 1910 год прошёл курс юридического факультета Московского университета.

В 1915 году начал свою писательскую деятельность в журнале «Летопись», выходившего под редакцией А.М. Горького. Тогда же познакомился и подружился с В.В. Маяковским. Издал его поэму «Облако в штанах».

В 1916 году издал поэму Маяковского «Флейта-позвоночник». И сотрудничал в журнале «Летопись», в литературно-библиографическом отделе.

Дальнейшая литературная судьба до апреля 1930 года неразрывно связана с деятельностью В.В. Маяковского. В 1919, 1920 гг. работал в «РОСТА». С 1923 по 1925 работал

в журнале «Леп». В 1927, 1928 году — в журнале «Новый Леп».

После смерти Маяковского принимал ближайшее участие в собирании, публикации и редактировании его полного собрания сочинений.

Помимо работы, проделанной совместно или под руководством Маяковского, много делал для киностудий, в том числе сценарий «Потомок Чингисхана», реализованный в постановке Пудовкина. Много работал в советском оперном театре. Написал два либретто — «Камаринский мужик» и «Именины», оба положенные на музыку ВА. Желобинским и поставленные в Ленинграде в Малом оперном театре. Год назад закончил либретто «Иван Грозный» по заданию Московского Большого Академического театра. Либретто принято, музыке пишет Коваль.

За 27 лет литературной работы написано большое количество статей на филологические, литературно- и искусствоведческие темы, в том числе две специальные работы: «Звуковые повторы» и «Ритм и синтаксис», опубликованные, первая в сборнике «По теории поэтического языка», вып. 2, вторая — в журнале «Новый Леп».

Со времени Отечественной войны нахожусь в гор. Молотове, эвакуированный из Москвы вместе с группой

писателей и художников, работавших в ТАСС. Сотрудничаю в молотовской «Звезде» и других органах печати. Печатаюсь в Молотовгизе. Пишу по заданиям театрального сектора молотовского отдела искусств.

Написано около 20 стихотворений на антифашистские темы. И 10 скэтчей на политические и местные темы для эстрадного исполнения. В издании Молотовгиза выходит отдельной книжкой литературный вариант текста «Иван Грозный». Сейчас занят работой над оперным либретто «Партизаны» для Коваля, – и работой над сценарием о подростках героях труда для Детфильма. Одновременно с этим собираю материал по истории Приуралья, в частности по вопросу о Ермаке, Строгановых и так называемом «покорении Сибири». Эта работа является продолжением работы над эпохой Ивана Грозного, о котором готовлю большую историческую повесть.

1 июля 1942 г.»

Но это очень краткая биография Осипа Брика. Теперь – подробности.

Отец Брика был торговцем кораллами. Товар он обычно приобретал в Италии, а перепродавал его уже в Сибири и Средней Азии.

Окончив юридический факультет Московского университета, Брик остался работать в фирме своего отца. В конце 1911 года он собрался жениться на дочери юрисконсультанта и пианистки – Лиле Каган, которую до этого знал в течение девяти лет. Ему было хорошо известно о многочисленных прежних увлечениях Лили. От него не скрыли даже то, что Лили в какой-то момент даже забеременела от учителя музыки, но по настоянию родни ей сделали аборт, после чего врачи объявили, что рожать она больше никогда не сможет. Всё это, повторю, для Брика большого значения не имело. «Я стал женихом, – сообщил он 1 декабря 1911 года родителям. – Моя

невеста, как Вы уже догадываетесь, Лиля Каган. Я её люблю безумно, всегда любил. А она меня любит так, как, кажется, ещё никогда ни одна женщина на свете не любила». Официально Лили и Осип оформили свои отношения 26 февраля 1912 года.

После женитьбы Брик стал время от времени заниматься также адвокатурой. Но не ради денег (большими средствами его обеспечивала фирма отца). Его интересовали проблемы свободной любви. В судах выпускник юрфака отстаивал права «падших» женщин.

Когда началась первая мировая война, знаменитый тенор Леонид Собинов оказал Брику протекцию и помог оформиться в Петроградскую автомобильную роту. А потом в жизнь его семьи ворвался Маяковский. Поэт без ума влюбился в младшую сестру Лили – Эльзу. Но Лили очень скоро поэта отбила, а Брик принял это как данность.

Печататься Брик начал в 1915 году. Позже он стал одним из организаторов литературной группы формалистов ОПОЯЗ и издателем сборников по теории поэтического языка.

В 1917 году Брик обратился к исследованиям русского классического слова. Анализируя звуковую структуру поэтической речи Пушкина и Лермонтова, он обнаружил необычное явление – созвучность ненажимных согласных. На этом материале критик опубликовал в 1919 году статью «Звуковые повторы» и в 1927 году статью «Ритм и синтаксис».

После октябрьского переворота Брик поступил юрисконсультом на службу в ЧК. Но через несколько месяцев его уволили «за нерадивое отношение и манкировку».

Отдельная страница в биографии Брика – сотрудничество с Владимиром Маяковским. В 1918 году критик вместе с поэтом редактировал газету «Искусство коммуны». Затем с 1923 по 1925 год они вместе издавали журнал

«ЛЕФ». Потом, с 1927 по 1928 год два приятеля выпускали журнал «Новый ЛЕФ».

Менее известен Брик как прозаик. «Его повесть «Непопутчица», – рассказывал историк литературы Светлана Коваленко, – представила зарисовку быта нэпманов и новых советских руководителей среднего звена в их столкновениях на личной почве. Героиня повести Валяровская, в образе которой явно просматриваются характер и повадки Лили Юрьевны, становится причиной крушения карьеры партийца. По либретто О.М. Брика ставились оперы, по его сценариям снимались фильмы; в частности, знаменитый фильм Вс. Пудовкина «Потомок Чингисхана», к созданию которого Осип Максимович был причастен, обошёл экраны мира, оставшись классикой игрового кино» (С.Коваленко. Звёздная дань. М., 2006).

Брики и Маяковский не скрывали, что с 1926 по 1930 год они жили втроём в одной крохотной квартирке в Гендриковом переулке на Таганке. Хотя к тому времени у Осипа Брика завязался совсем другой роман – с Евгенией Соколовой-Жемчужной, а у Лили появился очередной любовник – деятель кино Л.В. Кулешов.

Поэт не раз порывался выйти из порочного круга. Но Лили окончательно отпустить его от себя не пожелала.

Всё кончилось очень трагично. По одной версии, Маяковский покончил жизнь самоубийством. По другой, его убили подчинённые заместителя председателя ОГПУ и одного из любовников Лили Брик – Агранова.

Как это ни кощунственно звучит, Брик попытался из страшной трагедии извлечь для себя максимум дивидендов. Одним из свидетелей этого позорного шоу стала Лидия Гинзбург. Она потом в своих мемуарах писала: «1932. Всё хорошо, пока Брик смеётся над классической советской литературой с Чумандриным и М.Слонимским. Но потом

оказалось, что в Москве они будут делать лефовский скандал. Классическим традициям Слонимского противопоставлены будут декларативные выступления Семьи Кирсанова и альманах, составленный из произведений Брика, Асеева, Кирсанова, мемуаров Лили Брик и четырёх листов неизданного Маяковского». Затем Гинзбург привела ещё несколько фактов. Она писала: «Прошлогодний разговор со Шкловским:

Шк-ий: – Почему вы не были у Брика?

Я: – Потому что... мне всё кажется, что в этом доме лежит покойник.

Шк-ий: – Нет. В этом доме торгуют трупом.

Я с унынием представила себе надвигающийся лефовский скандал в его историческом рельефе.

Сегодня я рассказала Олейникову о том, что Брик умён, и о «лефовском скандале».

– Но ведь это неумно?

– Но это не от глупости. Это от страстного желания доказать, что они живы. Что Маяковский умер, а они живы.

О-ов (задумчиво): – А ведь, в сущности, это так и есть...» (Л.Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002).

Вскоре после гибели Маяковского у Лили Брик случился новый роман. Её новым кумиром стал герой гражданской войны Виталий Примаков. В 1933 году она писала Брику из Берлина: «Любименький, дорогой, золотой, миленький, светленький, сладенький Осик!» Лили подробно рассказала мужу о своих

берлинских похождениях с Примаковым. Потом она написала: «Всё бросила и жаль его оставить одного». А в конце письма добавила: «Я тебя обнимаю, и целую, и обожаю, и люблю, и страдаю. Твоя до гроба Лилия. Виталий шлёт привет и обнимает».

По одной из версий, официально свой развод с Лилей Осип Брик оформил в 1935 году, после чего он почти сразу вступил в новый брак. Но Лилио бывший юрист не забывал. В 1939 году на день её рождения он отправил ей шуточное послание:

*Дорогая, любимая киска,
Искал я далеко и близко.
Становилось мне холодно
и жарко, –
Но не нашёл я тебе
подарка.
Не нашёл я ни соболя,
ни белки,
Нашёл бриллианты –
да мелкие,
Нашёл рисунки –
да не Тьишлера, –
Первого сорта, –
да не высшего.
Много ещё нашёл такого,
на уровне!
На уровне – да не для Лили
Юрьевны.
Так вот тебе пачку
не початую,
Трать. – Не хватит, – ещё
напечатано.*

Перед войной Брик вёл литературный кружок в Московском юридическом институте. Занимавшийся у него Борис Слуцкий вспоминал: «В 1938 году О.М. было, наверно, около пятидесяти. Я не помню, как он входил в кабинет, где обычно собирался кружок.

Помню его сидящим. Сверху вниз: лысина, проторённая среди тщательно постриженных волос, просторный лоб, очки, за ними серьёзные глаза, плотные плечи, хороший костюм, свежая рубашка, тщательный галстук. Он, работавший с самыми буйными и талантливими головушками русской поэзии, сохранил осанку, повадки, педагогику и в кружке, сплошь состоявшем из посредственностей. Однако на этот раз резец обтачивал воздух. Обычно бывало так: молодое дарование читало стихи (прозу писали один или два человека). Потом высказывались – кто умышленно, в порядке тренировки красноречия, кто неумышленно, искренне» (Б.Слуцкий. О других и о себе. М., 2005).

По свидетельству современников, Брик в ту пору много занимался Тургеневым. Но он о нём почему-то так ничего серьёзного и не написал. Зачем ему понадобился тогда литературный кружок, тоже никто не понял.

В войну Брик вместе с Соколовой-Жемчужной был эвакуирован на Западный Урал. Ему выделили небольшой домик в посёлке Курья. Там же, в Курье по соседству поселилась со своим третьим мужем – Катаняном и Лилия Брик.

В Москве бывшие супруги со своими семьями вернулись уже в 1942 году.

Умер Осип Брик 22 февраля 1945 года в Москве. В тот день он поднимался домой по лестнице, но неожиданно ему стало плохо. Врачи потом констатировали разрыв сердца.

3. ПРЕДАННЫЙ ПОЭТАМИ: ФЁДОР ЛЕВИН

Фёдору Левиному досталось в жизни столько, что ни приведи Господь! Его бросали в тюрьму, шельмовали на собраниях, не издавали. И всё – благодаря братьям-писателям. Отчасти эту ситуацию в 1954 году обрисовал в своём стихотворении «Друг-приятель» Константин Симонов. Правда, Симонов, рассказывая о любимой при-

вычке большинства советских писателей проработывать друг друга, имел в виду не конкретно Левина, на которого не раз «стучали» его же приятели, а кого-то другого. Но Левин, столько испытывавший в войну и в годы гонений на космополитов, принял всё в том числе и на свой счёт и сочинил на Симонова эпиграмму:

*В стихотворении «Друг-
приятель»
Оповестил ты белый
свет,
Что друг-приятель –
друг-предатель,
И сей предатель –
сам поэт.*

Фёдор Маркович Левин родился 5 (по новому стилю 18) октября 1901 года в Санкт-Петербурге. В фондах РГАЛИ сохранилась его автобиография. Он писал: «Еврей. Член ВКП(б) с 1920 г. П/б № 1259647 <...> В 1919–1920 гг. был сотрудником финотдела, запасным учителем, секретарём редакции уездной газеты. В 1920 г. был призван в Красную армию и до 1922 г. был политруком и пом. командира полка по политчасти, врид нач. агитации политотдела бригады, лектором Ленинградского ПУ-ОКРА. В 1924 г. после окончания Комвуза в Ленинграде (1922–1924 гг.) уехал в Крым, где работал на различной руководящей партийной работе до 1930 г. В 1930 г. уехал в Москву. После окончания Института Красной Профессуры в 1933 г. и защиты диссертации перешёл на редакционно-издательскую и литературную работу».

Уточню: в литературе Левин дебютировал как поэт, выпустил в 1928 году в Симферополе сборник «В буре дней». Но его стихи ни на кого серьёзного впечатления не произвели.

Теперь что касается партийной карьеры Левина. В Крыму он работал то в различных райкомах, то в обкоме партии (как правило, в должности заведующего отделом пропаганды). В Москве ему в 1934 году доверили формирование нового издательства – «Советский писатель». В марте 1935 года его пригласили на работу в аппарат ЦК ВКП(б) (он стал помощником заведомо культпросветотдела). Потом Левин короткое время – с августа 1936 по ноябрь 1937 года – работал в «Литератур-

ной газете». Но ярче всего его талант как критика проявился перед войной в журналах «Литературный критик» и «Литературное обозрение». Именно он в своё время напечатал в журнале «Литературный критик» два отвергнутых во всех других редакциях рассказа Андрея Платонова «Бессмертие» и «Фро».

Когда началась война, Левин добровольно ушёл на фронт. Сначала его зачислили в качестве писателя в газету Западного фронта. Потом он оказался на Центральном фронте. А ближе к концу 1941 года критика перевели в Беломорск в редакцию газеты Карельского фронта «В бой за Родину!».

Служа в армейской печати, Левин нередко вёл себя как независимый критик и в кругу приезжих литераторов позволял себе пооткровенничать и дать собственные оценки разным политическим ситуациям. В 1942 году ему эта бравада чуть не стоила жизни.

Подробности той истории позже отразил в документальном очерке «Моё окружение» Борис Рунин. Он рассказывал: Левин жил возле последнего шлюза Беломорского канала. «Но в сорок втором в том же помещении обитали ещё три московских литератора – прозаик, поэт и драматург, так что вместе с критиком Левиным они достаточно полно представляли в армейских условиях наш славный Союз писателей. Полно, но, как выяснилось вскоре, не слишком достойно. Однажды зашёл у них приватный разговор о перспективах войны, и Фёдор Маркович с присущей ему бесхитростной прямо-той сказал, что война, видимо, будет жестокой и затяжной, что «малой кровью» и «на территории противника» с самого начала не получилось и что мы ещё не научились даже отступать, а не только наступать. Словом, у него были «настроения». Он

отнюдь не был человеком простодушным, но полагал, что в своём кругу может позволить себе такое даже не сказать чтобы откровенное, высказывание. Арестован он был на другой же день, и ему грозил расстрел за пораженчество. Его ждал трибунал Карельского фронта <...> На его счастье, Карельский фронт в ту пору почти не воевал, а посему с приговором не торопились. А пока Левина в числе других арестантов выводили на работы. Наголо стриженный, без ремня, он каждое утро и каждый вечер проходил в колонне зеков мимо своей редакции, провожаемый печальными взглядами друзей. Лишь благодаря энергичному вмешательству в это дело писателя Геннадия Фиша, пользовавшегося большим авторитетом у командования фронта, Левин в конце концов был всё-таки помилован. Фишу удалось тогда убедить члена Военного совета в невинности Левина и поручиться за товарища по перу своим партийным билетом, пустив в ход всё своё красноречие».

Чуть по-другому ту же историю описал в своих воспоминаниях Ефим Эткинд. Он рассказывал: «В Беломорск, в штаб Карельского

фронта, я приехал в апреле 1942 года. Седьмой отдел Политуправления – там занимались «пропагандой среди войск противника» – помещался поблизости от Девятнадцатого шлюза Беломорканала, в грязном деревянном доме, получившем у нас, сотрудников, ласково-презрительное наименование «рыжий барак». Оно впервые родилось в стихотворении Игоря Дьяконова, где была такая строфа:

*Скудный Север, царство
мрака,
Как болезнь в моём мозгу,
Только рыжего барака
Я покинуть не могу...*

В «рыжем бараке» я пробыл всего несколько дней, когда однажды утром Игорь Дьяконов подозвал меня к окну. По улице в направлении Девятнадцатого шлюза шла группа арестантов в засаленных ватниках – на одного из них указал Игорь: «Видите, тот, с чёрной бородой? Это московский критик Левин, Фёдор Маркович. Недавно его арестовали». Майор Левин был литературным сотрудником редакции фронтовой газеты «В бой за Родину», помещавшейся напротив Седьмого отдела, через дорогу; он писал репортажи с театра военных действий – театра вполне мирного, война у нас была позиционная. Внезапно Левин исчез, незадолго до моего приезда и, как это всегда бывало, загадочно; теперь мы увидели его из окна – он шёл под конвоем на работу. О причинах ареста ходили тёмные слухи; в действующей армии хватало редко, в особенности штабных, тем более политработников. Говорилось нечто смутное о его дружбе с давно, в конце тридцатых годов, арестованным Исааком Бабелем – Левин в самом деле писал о нём, опубликовал восторженные рецензии о «Конармии» и «Одесских рассказах» <...> Несколько месяцев спу-

стя меня послали в Мурманск, откуда мы, «седьмоотдельцы», вешали по радио для немецких солдат, убеждая их сдаваться в плен. Ночевал я в гостинице «Арктика» – хрупкой, сотрясавшейся от любой, даже самой далёкой бомбы; бывало, что за ночь постояльцы по пять-шесть раз бегали в подвал – переждать в ненадёжном бомбоубежище налёты немецкой авиации. Всё же в «Арктике» были комфортабельные номера: на кроватях простыни и тёплые одеяла, всюду сказочный запах заграничных сигарет – их курили американские и британские моряки. В перерыве между бомбёжками я уснул, разбудил меня настойчивый стук в дверь. Была поздняя ночь – я перепугался. За дверью стоял немолодой военный: майорская шпала в петлице, умное лицо с широким горбатым носом, выразительными чёрными глазами и глубокими морщинами. Он был смущён и долго извинялся: номеров нет, даже кресла внизу заняты, обо мне он слышал раньше и решил попроситься ко мне переночевать – кроме кровати, у меня в номере стоял диван. Потом он представился: это был Фёдор Маркович Левин. Несколько дней назад его освободили. Освободили... Ну, понятно, что освободили, – он же ни в чём не виноват! Говорил он глухим, рокочущим басом, постоянно поглядывая на потолок, – в ту пору мы под потолками не откровенничали; вероятность микрофонов, особенно в гостинице для иностранных моряков, была слишком велика. Всё же мы беседовали до утра – о литературе, о семьях, о наших журналистских делах. Главные темы мы обсудили на завтра, прогуливаясь по Мурманску. Левин был измучен долгим заключением и работой на канале – длилась его тюремно-каторжная жизнь более полугода. Освободили его «за отсутствием события

преступления»; он вернулся в редакцию газеты «В бой за Родину» и вот приехал в Мурманск, в командировку. С первого же часа установились те отношения, которые, углубляясь, продержались тридцать лет: я был гораздо моложе, он сразу обратился ко мне по имени – «Фима», для меня же он оставался «Фёдор Маркович». Нашей дружбе суждено было пережить немало тяжёлых времён. Через несколько недель, уже в Беломорске, Левин рассказал мне то, о чём умолчал в Мурманске. Арестовали его по доносу сослуживцев по редакции – трёх московских литераторов: поэта Коваленкова, прозаика Курочкина и критика Гольцева. В доносе сообщалось, что Левин вёл пораженческие разговоры, выражал возмущение негодностью страны к нападению немцев, критиковал верховное командование за паническое отступление и огромные потери в живой силе и технике, выражал неверие в победу. Почему они подали в Особый отдел такой убийственный донос? Вероятно, предполагал Левин, они боялись друг друга: каждый принимавший участие в разговорах, подобные которым в то время вели все, мог обезопасить себя лишь подписавшись под доносом. Эти трое предпочли низость постоянному смертельному страху друг перед другом. К тому же они были уверены, что жертва их разоблачений не возвратится и никто об их верноподданническом рапорте никогда не узнает. Случилось, однако, чудо: Левин вернулся. В том же звании, на ту же должность, в ту же газету. И объявился рядом с теми тремя. Фёдор Маркович рассказывал – без всякого злорадства, скорее даже с жалостью, как они увидели его, свалившегося с неба. Первым повстречался ему щеголеватый и, как всегда, самоуверенно-стремительный Александр Коваленков – остолбенел, потом, побелев,

выскочил в ближайшую дверь. Со всеми тремя Левин столкнулся позднее в официальной столовой; они, видимо, уже подготовились к встрече с выходцем с того света – здоровались, заговаривали как ни в чём не бывало (разве могли они предположить, что на следствии Левину показали донос?), а он должен был отвечать, играя в неведение (следователь нарушил порядок, подводить его было нельзя). Мучительная игра длилась долго, но тогда мы все вели такую жизнь. Редакция «В бой за Родину» стала крохотной моделью советского общества, где, по формуле Глеба Семёнова, «отсидевшие, отсажавшие, – все едины под кумачом!»

У Фёдора Марковича оказался разумный и благородный следователь, который с первого же допроса понял: перед ним ни в чём не повинный человек, настроенный не менее патриотично, чем, вероятно, он сам; Левин – жертва трусливого коварства своих собратьев. И следователь решил сделать всё, что было в его силах, для оправдания и освобождения майора Левина. Через несколько месяцев ему это удалось. Он вызвал к себе арестанта для последнего разговора. «Фёдор Маркович, – сказал он, вручая Левину запечатанный конверт, – сегодня я могу вас освободить. Но хочу поставить одно условие: дайте мне слово, что этот конверт вы откроете через три дня, не прежде». Левин удивился, но слово дал. Вернулся в редакцию. Представился полковнику – редактору газеты, который глядел на него как на человека, вернувшегося с того света. Полковник запомнил деталь, характерную для военных будней: майор Левин был подпоясан брезентовым ремнём, и через плечо была перекинута брезентовая портупея. Понятно: кожаные ремни – главный и даже единственный предмет щё-

гольства фронтового офицера – отобрали при аресте и не вернули.

Три дня спустя Левин открыл конверт: в нём лежало извещение о гибели сына. Следователь, за шесть месяцев проникшийся симпатией к Фёдору Марковичу, хотел подарить ему хотя бы три дня безоблачного счастья».

Уже в апреле 1948 года Левин, заполняя очередную анкету, в пункте 16 о партийных взысканиях сообщил: «В 1942 г., в ноябре получил от фронтовой партийной комиссии Карельского фронта строгий выговор с предупреждением за либерализм и притупление бдительности в отношении антисоветских разговоров писателей Коваленкова и Курочкина. Взыскание снято той же комиссией 15 февраля 1944 года».

Когда следователь выпустил Левина, критика до газеты уже не допустили. Его отправили лектором в один из домов Красной армии. Затем он получил назначение на 3-й Украинский фронт.

После возвращения в действующую армию Левин неожиданно для себя влюбился в молоденькую девушку из штаба по имени Валентина. О, сколько он посвятил ей стихов. Но и от другой Валентины, которая ждала его в Москве, критик не хотел отречься. Эта раздвоенность вносила в душу Левина одно смятение. Но он ничего с собой поделаться не мог. Лишь в конце марта сорок пятого года критик, понимая, что всё равно придётся делать выбор, с трудом выдал из себя строки прощания, адресованные юной штабистке: «Но кончено. И новой встречи уже не будет. День прошёл».

После войны Левин вернулся к критике. В своём отчёте перед чиновниками Союза писателей он 12 октября 1946 года отметил: «Мои интересы распределяются между двумя областями, по преимуществу, – современной советской лите-

ратурой и кинематографией. Я постоянно сотрудничаю в журнале «Советская книга» и в «Литературной газете», пишу статьи по их заданиям. В настоящий момент пишу для этого журнала статью о Вс. Иванове. Работаю над статьёй для журнала «Знамя» о поэзии М.Алигер. Кроме того, я работаю и как редактор. По договору с издательством «Молодая гвардия» редактирую дневник гв. майора Борисова за всё время Отечественной войны <...> Продолжая эту текущую работу, я предполагаю в течение зимы 1946–1947 гг. написать монографическую работу об одном из советских писателей для издательства «Советский писатель».

В 1947 году Левин стал вести в Литинституте семинар критики. «Человек он был опытный, – вспоминал его бывший студент Бенедикт Сарнов, – о многом мог нам порассказать, и наверняка всем нам было чему у него поучиться. Но мы роптали. Нам на его семинарах было смертельно скучно» (Б.Сарнов. Скуки не было. М., 2004).

В начале 1949 года Левин, уступив натиску своих питомцев, собрался позвать на свой семинар Иосифа Юзовского. Но тут в «Правде» вышла статья, обвинившая Юзовского в антипатриотизме. Сарнов вспоминал: «Список «безродных космополитов», открытый статьёй «Правды», между тем всё разрастался, что ни день пополняясь новыми именами. И вот уже в какой-то газете мелькнуло в этом списке имя нашего Фёдора Марковича Левина. И вот он стоит – бледный, растерянный – перед толпой жаждущих его крови преподавателей и студентов. И каждый спешит крикнуть из зала своё «Распни его!», лично, собственными руками подтолкнуть несчастную жертву ещё на шаг ближе к развернувшейся перед ней пропасти.

– Этот затаившийся до поры до времени враг, этот

волк в овечьей шкуре, – упиваясь своим красноречием, гремит с трибуны один из самых тихих и незаметных наших «семинаристов», – решился наконец сбросить маску! Наглость его дошла до того, что он посмел пригласить к нам на семинар безродного космополита Юзовского! Чтобы мы, видите ли, поучились у него мастерству критика...

– Позор! – ревет зал.

Фёдор Маркович порывается что-то сказать. Ему не дают. Из зала несутся злобные выкрики:

– Не надо!.. Чего там!.. Всё ясно!

Но председательствующий, играя в демократию, всё-таки предоставляет ему слово.

– Позвольте... Я сейчас вам всё объясню, – начинает он. – Студенты, участники моего семинара, жаловались, что наши занятия проходят скучно, неинтересно... Я думал: как бы нам их оживить. И вот недавно, по дороге в институт, я случайно встретил Юзовского...

– Ха-ха!.. Случайно! – злобно хохочет зал.

– Клянусь вам, совершенно случайно, – прижимает руку к сердцу Фёдор Маркович.

И даже я, точно знающий, что бедный старик говорит чистую правду, с ужасом чувствую, что это его искреннее объяснение звучит сейчас жалко и совсем не убедительно.

А из зала несётся:

– Гы-гы!.. Го-го-го!..

В голове у меня почему-то вертится: «С Божией стихией

царям не совладать...» Каким царям? При чём тут царь? Ну да... Стихия... Не Божья, конечно, но – стихия...

Да, это была стихия. Страшная, неуправляемая стихия тёмных чувств и низменных побуждений, вдруг выплеснувшихся из глубин подсознания, с самого дна уязвлённых, изувеченных человеческих душ...».

Ну а потом в «Литгазете» появился подвал с унизительным названием «Тихой сапой», в котором Левина обвинили чуть ли не в убийстве Антона Макаренко. Доносчики забыли о том, как в своё время Левин радостно встретил появление «Педагогической поэмы» Макаренко. Другое дело, да, притом весьма строго разобрал вторую книгу талантливого учителя «Флаги на башнях». Но стукачи решили, будто этот аналитический разбор неудавшегося произведения и убил Макаренко. Кроме того, Левину приписали травлю патриотов и попытку возвысить «врага народа» Бабеля.

9 октября 1950 года литературные генералы постановили: «Считать необходимым вынести на обсуждение Президиума вопрос об исключении из Союза советских писателей Альтмана (докладчик т. Фадеев А.А.) и Левина Ф. (докладчик т. Грибачёв).

Разбор дела Левина продолжался несколько лет. 8 июня 1952 года критик подал заявление в президиум правления Союза писателей. Он писал: «Я извещён о том, что в среду 11 июня 1952 го-

да на президиуме правления ССП должно рассматриваться моё личное дело и что стоит вопрос об исключении меня из Союза Советских писателей. Очевидно, постановка этого вопроса связана с тем, что постановлением МГК ВКП(б) в августе 1950 года я исключён из рядов ВКП(б) за «антипатриотическую деятельность» в литературной критике, и что за последние три года я не опубликовал в печати никаких литературных работ. По поводу решения об исключении меня из партии я подал в августе 1950 года апелляцию в Комитет Партийного Контроля при ЦК ВКП(б). К сожалению, апелляция моя до сих пор не рассмотрена <...> Что касается моей литературной работы за последние три года, то я, во-первых, работаю в качестве научного сотрудника Государственного литературного музея по разделу советской литературы и, во-вторых, работаю над книгой о Гайдаре». Левин подчёркивал: «В моей литературной деятельности нет ничего антипатриотического и космополитического и что подобные обвинения по моему адресу являются плодом лжи, перекруток и искажений вплоть до прямой клеветы». Но ему не поверили. Справедливость восторжествовала лишь через несколько лет.

В конце жизни Левин вернулся к идее книги о Бабеле. Но сказать всю правду об авторе «Конармии» ему так и не позволили.

Умер Левин 4 мая 1972 года в Москве.

4. БЕЗ ССЫЛОК НА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА: ЮРИЙ ЛОТМАН

За свою жизнь **Юрий Лотман** многое что испытал. Одна война чего стоила. А ведь потом были ещё обвинения в безродном космополитизме. Были атаки на его научные методы в литературоведении. Но он никогда не прикрывался этими фактами. В 1986 году Лотман писал своему близкому другу Борису Егорову:

«Много лет я слышу жалобы разных лиц на обстоятельства. Сколько молодых писателей давали понять, что если бы не цензурные трудности, не издательские препоны, то они показали бы себя. А убери эти трудности – и выясняется, что сказать-то нечего. Я всегда считал ссылку на обстоятельства нестойкой».

Юрий Михайлович Лотман родился 28 февраля 1922 года в Петрограде в семье юриста. В 1939 году он поступил на филфак Ленинградского университета. После первого курса его призвали в армию.

Затем началась война. Чуть ли не в первые же дни Лотман оказался в окружении. Возникла реальная угроза плена. Лотман, чтобы не попасть к фашистам (он знал, что, как еврея, его немедленно бы расстреляли или бросили бы в концлагерь), готов был на крайние меры. Он впоследствии рассказывал друзьям: «Не было пистолета, лишь винтовка; сапог снимать слишком долго, ситуация может быть мгновенной, поэтому носил с собой толстый карандаш: дотянуться до курка».

Почти всю войну Лотман прослужил связистом в артиллерийском полку. Уже на склоне лет учёный признался коллегам, что запомнил каждый день войны. Борис Егоров, по его признанию, буквально завопил: «Господи, какой материал пропадает! Какой бы отклик нашла такая мемуарная книга, где вся Отечественная война рассказана не генералом и не офицером, а простым сержантом! Честное слово, Ю.М., эта книга была бы весомее и долговечнее Ваших научных трудов, как бы я ни любил их: Ваша научная деятельность принадлежит истории, принадлежит в буквальном смысле, она является важным этапом в истории науки, но следующие поколения отнесутся к ней именно исторически, как к определённой ступени в развитии науки, а книга о войне была бы, конечно, тоже исторической, полезной по фактическому материалу, но она стала бы надысторической, стала бы вечным памятником ленинградскому юноше, со студенческой скамьи взятому в армию, прошедшему страшную четырёхлетнюю войну в самой гуще её событий и ярко

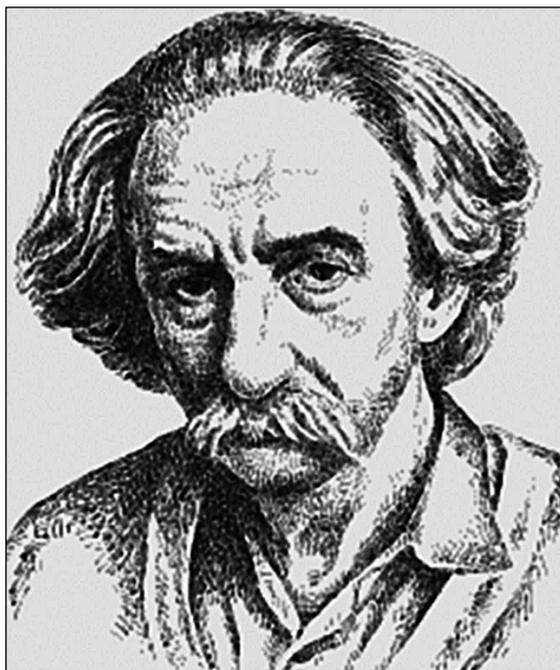
и правдиво её описавшему».

К слову: Лотман всю войну сопровождал учебник французского языка. Он считал, что без знания этого иностранного языка ему потом первоклассным филологом не стать.

К учёбе Лотман вернулся лишь в конце 1946 года. Первое научное открытие он совершил ещё студентом: нашёл неизвестный документ, связанный с началом движения декабристов.

Окончив в 1950 году филфак Ленинградского университета, Лотман собрался в аспирантуру, но из-за борьбы с космополитами ему в приёме документов отказали. После долгих мытарств он смог устроиться только в учительский институт в Тарту. В 1952 году стал кандидатом наук.

В 1954 году Борис Егоров наконец уговорил ректора Тартуского университета Ф.Клеменца перевести Лотмана из почасовиков в штат на кафедру русской литературы. Молодой исследователь сразу взвалил на себя огромную ношу: разработку новых спецкурсов, изучение эстонского языка, погружение в Пушкина. При этом надо было содержать семью. Борис Егоров вспоминал: «Заедал быт: у Лотмана рождались дети; бабушек, увы, не было, приходилось домашний воз везти самим родителям, а они оба были творческие работники, поэтому делили бытовую ношу пополам. К тяготам относились с юмором; в комнате были развешаны лотмановские карикатуры со сценками из повседневной жизни; например, на одной была изображена глубокая ночь, орущий малыш и папаша (Ю.М. вели-

колепно себя шаржировал) в ночном белье и босиком, уныло греющий бутылочку с молоком; сбоку подпись: «Джон Грей». Ю.М. оказался превосходным домохозяином; есть универсально талантливые люди, то есть талантливые не только в своей узкопрофессиональной сфере: Ю.М., например, отличный кулинар. А для научной работы времени не оставалось, вернее, оставалась ночь, что Ю.М. с успехом для здоровья постоянно использовал. Недосыпал он систематически. Когда я впервые увидел Ю.М., ему было двадцать пять лет, но выглядел он на все сорок. Ещё один анекдот. Заходит Ю.М. с первенцем-сынишкой в магазин, а какая-то сердобольная старушка ворчит: «Вот ведь нынешние родители, сами – господа, деда с внуком послали за продуктами»... «Деду» же не было и тридцати. Уставал Ю.М. отчаянно. Как-то он признался: «Если бы меня подвесили за ногу вон за тот крюк (показал на верх люстры) и оставили меня в покое, ох, и выспался бы я!». Конечно, за все эти недосыпы и недоотдыхи Ю.М. заплатил дорогой ценой, его организм часто напоминал об этих авралах, но иначе, видно, не

было бы всемирно известно-го учёного» (Б.Егоров. Воспоминания. СПб., 2004).

В 1961 году Лотман защитил в Ленинградском университете докторскую диссертацию «Пути развития русской литературы преддекабристского периода». Однако потом кто-то надавил на ВАК, и утверждение работы затянулось. Вопрос решился лишь весной 1962 года. 21 апреля Оксман написал Лотману: «Только что мне позвонил Н.К. Гудзий о том, что экспертная комиссия утвердила вашу работу и передала своё решение в ВАК на предмет утверждения вас доктором филологических наук. Сердечно поздравляю вас с приближением к финишу. Оба отзыва о вас были исключительно благожелательны (один из них принадлежал П.Н. Беркову, другой – А.Н. Соколову). Но некий Овчаренко настаивал ещё на одном отзыве, заявляя о своей неудовлетворённости вашей диссертацией. Поддержало его двое-трое молодых из той же шайки, но после отповеди им Гудзия большинством голосов диссертация была утверждена. Всё это – абсолютная тайна, а потому никто об этом до прохождения диссертации в ВАКе знать не должен (даже Егоров)».

Пока ВАК решал судьбу кандидатской диссертации Лотмана, учёный загорелся новыми идеями. В 1962 году он писал Илье Эренбургу: «Посылаю Вам тезисы одной моей работы. Они, возможно, Вас заинтересуют как теоретическое обоснование воззрений на искусство (в частности живопись), разделяемых, если я верно понимаю, и Вами. Я пробую отделить наивное понятие «сходства» от понятия «истины». Тот «наивный» наблюдатель, который убеждён, что солнце обходит землю, а не наоборот, никогда не был наивен по части доносчиков и всегда стремился жечь на кострах сторонников «аб-

страктного» гелиоцентризма. Думаю, однако, что пока искусствознание не сможет найти точных методов, вопрос не продвинется – ни с гелиоцентризмом, ни со средневековьем бороться одними эмоциями невозможно. Мне было бы крайне приятно, если бы Вы написали, показались ли мои мысли Вам интересны. Б.Ф. Егоров передаёт Вам поклон. С сердечным уважением Ю.Лотман».

Мой адрес: Тарту, ул. Кастании 9 кв.7. Юрию Михайловичу Лотману. Я решил добавить и другую статью – О «Капитанской дочке». В ней я хотел сказать, что классовая борьба скорее зло, чем добро, или, во всяком случае, и зло и добро. И о том, что история нуждается не в политике, а в человечности».

Но и «остепенённому» Лотману проще не стало. Власть сохранила к нему настороженное отношение. Почему? Разгадку, кажется, нашёл Михаил Гаспаров. Уже в 1996 году Гаспаров писал о Лотмане: «В истории русской литературы он занимался авторами вполне благонадёжными: Радищевым, декабристами, Пушкиным. И Радищев действительно был у него революционером, а декабристы героями, а Пушкин универсальным гением,

и даже Карамзин оказывался очень сочувствующим французской революции. Только при этом они получались гораздо сложнее и глубже, чем в обычных портретах, которые бывали подписаны даже хорошими учёными. Между тем для официального советского литературоведения если Радищев был хороший, то Карамзин обязан был быть плохой. А у Лотмана так не было, это и раздражало».

После возвращения Бориса Егорова в Ленинград Лотман, несмотря на сопротивление комиссаров, возглавил в Тарту кафедру русской литературы и стал ратовать за новые подходы, обратившись, в частности, к структурным методам в изучении литературы. Как теоретик он в 1962 году выпустил «Лекции по структуральной поэтике» и в 1970 году монографию «Структура художественного текста».

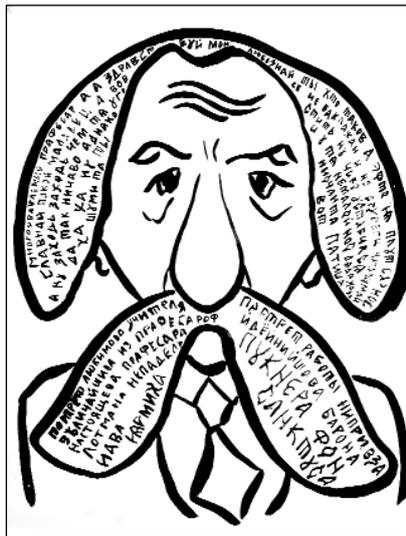
Правда, не все учёные приняли взгляды Лотмана. Например, Владимир Турбин увидел в структурализме Лотмана лишь «материальную эстетику», для которой вопросы духовности не имели никакого значения. Турбин так оценивал теорию Лотмана: «Только схемы. Числа и линии, к сочетанию которых сводимо художе-

Юрий Лотман со студентами

ственное высказывание». Он теорию Лотмана олицетворял со своеобразным концлагерем.

Но прав ли был Турбин? Один из последователей Лотмана – Михаил Иванов считал: «Структурализм тартуско-московской школы обладал одним важным преимуществом, ибо ориентировал на анализ текста по всем уровням художественной структуры от мировосприятия до организации фразы, семантического сдвига в слове и фонемного ряда. Художественная структура получала как бы независимость от непосредственного диктата социально-политической доктрины. Реальные анализы тартусцев бывали и анекдотическими, и фантастическими, и забавной игрой в термины. Но нельзя же от нового подхода требовать немедленного совершенства. А труды Юрия Михайловича Лотмана вдохновляли. И когда мне приходилось сравнивать конкурирующие интерпретации, выбирать надо было на основании методологического обоснования. Например, Лотман в «Капитанской дочке» увидел симметричную структуру «милости» двух властителей: Екатерины и Пугачёва, которые отступили от последовательности в своём поведении в гражданской войне и не стали преследовать влюблённых. Макогоненко оспаривал такую трактовку, но не предложил «структурный аргумент» равной силы, а выдвинул социально-психологическое соображение, что у Пушкина Пугачёв обаятелен и великодушен при ведении справедливой войны, а при встрече с Машей Екатерина показана этикетно-условно, и её роль свелась к исправлению ошибки своего же слепого и жестокого трибунала. Но моё непосредственное восприятие царскосельской сцены располагало к любованию нежно-сентиментальным колоритом женской сердечности и

Портрет Ю.М. Лотмана.
Худ. А. Плуцер-Сарно

гуманности» («Санкт-Петербургский университет», 2006, № 18).

Ещё в середине 1960-х годов Лотман стал лидером советской семиотики, которая у нас долгое время находилась в полузапретном виде. Ему также принадлежала идея проводить в Тарту ежегодные летние школы по вторичным моделирующим системам и выпуск «Трудов по знаковым системам». Вспоминая организованные им научные конференции, В.А. Успенский отмечал: «Лотман – настройщик, дирижёр и первая скрипка... оркестра. Он следит за высотой интеллектуальной планки и одновременно блюдет демократический ритуал. Он подаёт руку всем дамам при выгрузке из автобуса. Он следит, чтобы после завтрака, обеда и ужина вся посуда была унесена со стола. Он называет всех участников, включая студентов, только по имени-отчеству».

Но Лотман никогда не останавливался на достигнутом. Борис Егоров отмечал: «На фундаменте структурно-семиотических исследований Юрмих перешёл в 1970-х годах (и потом бурно развивал свои новации вплоть до кончины) к культурологии, с варьированием своего главного конька: культура может существовать и разви-

ваться лишь при наличии многоголосия, при наличии нескольких языков, не только лингвистически обычных, но и разного рода парно-контрастных – звукового и письменного, словесного и изобразительного».

Однако у Москвы научная школа Лотмана вызвала одни подозрения. В 1977 году в Тарту пришло указание снять учёного с должности заведующего кафедрой русской литературы. Спустя три года его вообще перевели в другое подразделение – на кафедру зарубежных литератур. А потом власти под нож пустили тираж 645-го выпуска учёных записок Тартуского университета.

Лотмана эти удары, конечно, подкосили, но не сломили. Он продолжил свои наблюдения о писательском труде. Учёный терпеть не мог ссылок литераторов на какие-либо жизненные или цензурные обстоятельства. Уже в 1986 года исследователь писал: «Обстоятельства могут сломать и уничтожить большого человека, но они не могут стать определяющей логикой его жизни».

Блестяще реализовав дар литературоведа, Лотман не до конца дал раскрыться своим литературно-художественным способностям. Эти его склонности, как считал Б.Егоров, пунктирно проявились лишь в остроумных очерках его частных писем и в нескольких ярких трагических стихотворениях. «Но два замысла художественных произведений (ещё не ясно было, в каком жанре: то ли повести, то ли пьесы), увы, целиком остались в проектах. Это были замыслы произведений хотя и художественных, но на социально-политическую тему: показать, как бы развивалась русская история, русская общественная жизнь, если бы в 1825 году победили декабристы, а в начале 1860-х годов страной завладела бы партия Чернышевского. Вырисовывались ин-

интересные сюжеты о борьбе Пестеля с северянами за власть, победа Пестеля, причудливая смесь демократических и деспотических принципов, агрессивная внешняя политика, обласкивание, а потом жестокое отталкивание не поддающегося власти Пушкина. А в 1860-х годах – Писарев с Зайцевым во главе русского просвещения, разгон университетской профессуры, варварская, похлеще николаевской, цензура, потом сбрасывание, как слишком мягкотелых, вождей Нечаевым и

установление сталинского режима в России за шестьдесят лет до Сталина. Получились бы занимательные произведения, на конкретном материале показывающие типологическую общность всех заговорщических революций, неумолимо приходящих к деспотии (кстати, советую не знающим прочитать интереснейшие воспоминания болгарского революционера Ивана Хаджийского, блистательно показавшего ту же типологию в истории болгарского освободительного движения: му-

жественные и благородные романтики, начинающие революционный путь и вначале вершащие события, оттеснение их жёсткими наполеончиками, создание тоталитарного режима...» (Б.Егоров. Воспоминания. СПб., 2004).

В последние годы жизни Лотман подошёл к проблемам случайности и взрыва, к проблеме смерти.

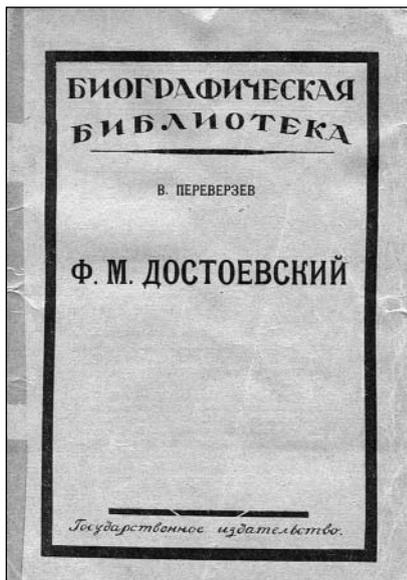
Умер Лотман 28 октября 1993 года. В 2004 году его сын Михаил продал архив отца Гуверовскому институту в США.

5. ПОДВЕРГНУТЫЙ ОСТРАКИЗМУ: ВАЛЕРЬЯН ПЕРЕВЕРЗЕВ

Валерьян Переверзев – один из теоретиков «социологического метода». Во многом отталкиваясь от этого «метода», критик анализировал древнерусскую литературу, а также сочинения

Гоголя и Достоевского. Но в 20-е годы прошлого столетия исследователь за этот «метод», как и за отрицание воспитательного значения литературы, был подвергнут остракизму.

Валерьян Фёдорович Переверзев родился 6 (по новому стилю 18) октября 1882 года в Боброве. Его отец служил письмоводителем в гимназии. Уже в 1956 году он в своей автобиографии писал: «Учился в Бобровской, потом в Борисоглебской гимназиях, был исключён за работу в ученических кружках без лишения права поступления в учебные заведения. После двух или трёх месяцев вынужденного перерыва в учёбе поступил в Острогжскую гимназию, которую и окончил в 1901–1902 году. Затем

поступил в Харьковский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Средства к существованию в течение ученических годов добывал уроками. В годы студенчества принимал активное участие в студенческом социал-демократическом движении, вёл пропагандистскую работу в кружках рабочих. В 1905 году был членом комитета РСДРП в гор. Сумах Харьковской губернии и играл руководящую роль в революционном движении Сумского уезда. После разгрома Сумского комитета РСДРП, скрываясь от ареста, до осени 1906 года продолжал работать там же подпольно. Когда обнаружилась невозможность дальнейшего пребывания в Сумах, выехал сначала в Харьков, потом в Полтаву, где и был арестован летом 1907 года. Затем тюрьма, ссылка в Нарымский край, суд, три года крепостного заключения. В конце 1911 года вышел на волю, вынеся из крепости свой первый труд – исследование творчества Достоевского, который появился в печати в 1912 году.

Предисловие к книге Переверзева о Достоевском написал Павел Сакулин. Он, в целом неплохо оценив работу тридцатилетнего исследователя, тем не менее сделал оговорку: «Чтобы понять До-

стоевского в его наиболее сложных созданиях, уже недостаточно того социологического метода, каким для г. Переверзева всё время служит упадочное мещанство». Между тем следует отметить, что Переверзев представил современникам совершенно иного Достоевского. М.Инсаров и Ф.Санченя писали: «Что увидел (и сумел въяве показать) ценного в Достоевском В.Ф. Переверзев? Многостороннее изображение человека, занимающего в обществе «противоречивую классовую позицию» (Э.О. Райт) – характер «двойника». «Двойник» – то есть, двоящаяся личность – главный характерный материал, с которым работает Достоевский как художник. В излюбленном персонаже Достоевского постоянный разрыв между садизмом и мазохизмом, разумом и волей, самоуничтожением и манией величия... Причём сами двойники же и лелеют свои надрывы как нечто сладостное, подлинно человеческое».

Объявившись в Москве, Переверзев связался с редакциями разных журналов и предпринял попытку продолжить учёбу, но уже в Московском университете. Но его не приняли ввиду отсутствия «свидетельства благонадёжности». В 1916 году он был мобилизован и отправлен в качестве военного фельдшера в Орёл.

Потом началась очередная смута. Переверзев сначала возглавил Орловский Совет рабочих и солдатских депутатов, а потом стал городским главой. У него возникла идея создать в Орле свой университет. Позже ему предложили там читать лекции по истории русской литературы.

В 1921 году Переверзев вернулся в столицу и стал профессором Московского университета, разработав курс лекций по истории русской литературы девятнадцатого века. В университете исследователь сформировал

свою методологическую школу. Комментаторы сборника документов о Союзе писателей «Между молотом и наковальней» отметили: «Являясь последователем Г.В. Плеханова, Переверзев считал, что социологический подход к искусству должен быть переложен на язык поэтики. Его система взглядов и метод интерпретации искусства были изложены им в многочисленных историко-литературных, а также теоретических статьях: «Вопросы марксистского литературоведения» (1928), «Проблемы марксистского литературоведения» (1929) и др. В них он выдвинул ряд общезстетических положений: тезис о происхождении искусства из игры; своё понимание образа; своё представление о категории стиля и т.п. «Психоидеология» писателя выводилась Переверзевым непосредственно из экономического базиса. Поэтому, считал он, оценка образов автором есть момент субъективный и для суждения об идеологичности произведения – безразличный. Очевидно, что при таком подходе к литературе личность писателя как бы исключалась из литературного процесса» (Между молотом и наковальней. Том 1, М., 2010).

Однако в конце 1920-х годов Переверзев оказался под плотным обстрелом критики. В каких только грехах его не обвинили. «Научные идеи Переверзева, – писали комментаторы из РГАЛИ в сборнике документов о Союзе писателей «Между молотом и наковальней», – были упрощены, искажены, деформированы. Начавшись статьёй Л.И. Тимофеева «К проблематике марксистского литературоведения» как научная дискуссия, полемика быстро превратилась в политическую кампанию, не имеющую ничего общего с наукой... После появления одёргивающей статьи в «Правде» тон полемики резко изменился. Из теории ис-

кусства как игры была выведена мысль о стремлении Переверзева освободить искусство от идей (в этом оппоненты учёного видели его близость к Воронскому); из мысли о зависимости искусства от «производственного процесса» ими делался вывод, что тем самым Переверзев обходит то воздействие, которое оказывает на искусство политика; из того же социологического преувеличения Переверзевым роли «производственного процесса» в искусстве делался вывод о том, что он якобы игнорирует классовую борьбу и т.п. Главное же было в другом. Переверзев вообще отрицал теорию взаимодействия самостоятельных существующих рядов: психологии, экономики, социологии и др. В этом учёный был последователем Г.В. Плеханова. Теории «взаимодействия» он противопоставил поиски «основания, которым определяются все стороны, все ряды социального процесса со всеми их взаимодействиями». Полагая, что истинный марксизм открывает «базу исторического процесса в производстве», Переверзев писал: «Производство – это все не сторона социальной жизни, не один из специфических рядов социального процесса, а это целостный процесс функционирования общества в природе, которым и определяются все изменения общественной организации» (См.: Белая Г.А. Указ. соч. С. 330–331.) Первое решительное выступление против Переверзева предприняли А.Луначарский и Лебедев-Полянский на московской конференции словесников в начале 1929 г. Осенью 1929 г. на пленуме правления РАПП была развёрнута критика переверзевской системы в выступлениях Л. Авербаха и Ю.Либединского. Вскоре после пленума РАПП, в конце 1929 г., докладом С.Шукина «Плеханов и Переверзев» началась дискуссия в Институте лите-

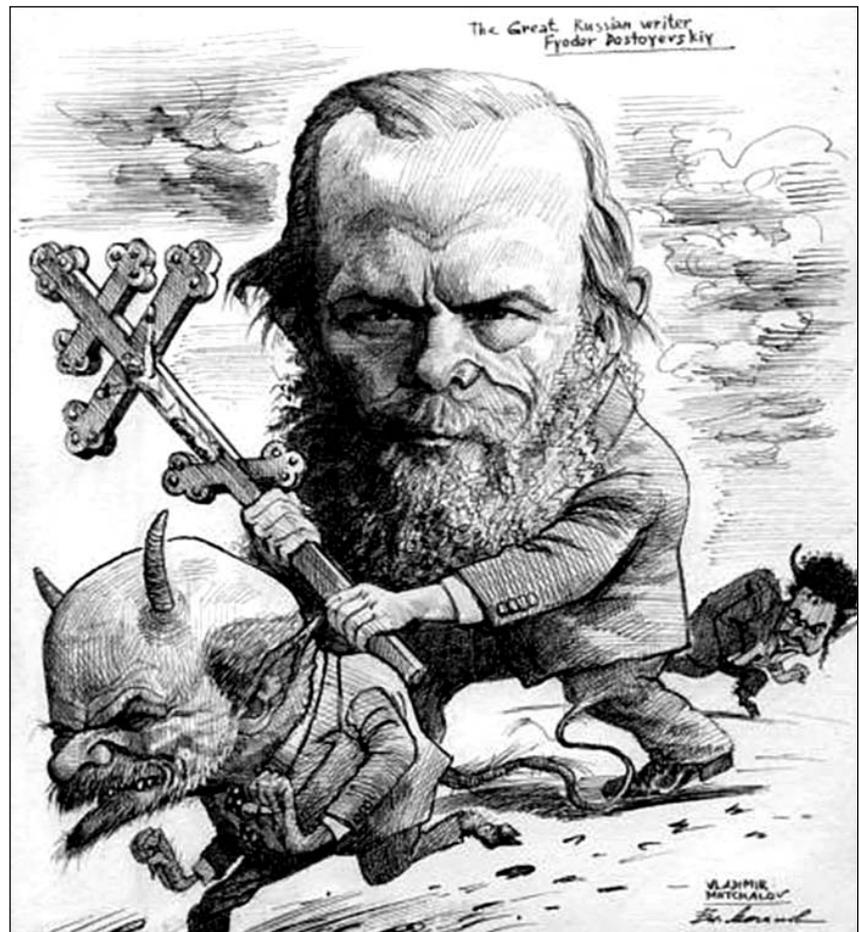
ратуры, искусства и языка Комакадемии».

В июне 1930 года редакции журналов «На литературном посту», «Октябрь», «Рост» и «Новинки пролетарской литературы», докладывая шестому партийному съезду, напомнили: «Под руководством партии мы решительно выступили против меньшевистской фальсификации марксизма проф. Переверзева и ряда его учеников».

На исправление Переверзев в декабре 1930 года был отправлен в Пушкинский Дом. Там ему дали должность хранителя рукописного на-

Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб, 2002).

Одно время наша печать представляла Переверзева лишь в чёрном цвете. Но учёный был разным. Это хорошо понимал старый революционер В.А. Десницкий. Хорошо знавшая этого ветерана Д.Мотольская уже в 1971 году утверждала, что Десницкий «несомненно отличал В.Ф. Переверзева от его учеников и последователей. Талант Переверзева был для Десницкого очевиден. Но переверзианская интерпретация марксизма была неприемлема для него. Особенно пугала его «расхо-

следея. Серьёзные исследователи, когда узнали об этом, испытали шок. «Жирмунский, – свидетельствовала Л.Гинзбург, – сказал, что это издевательство не только над Пушкинским Домом, но и над Переверзевым, который всю жизнь утверждал, что не следует заглядывать в черновики писателя» (Л.Гинзбург.

жесть» методологических принципов, утверждавшихся Переверзевым. Всё в этой методологии оказалось вполне доступным, легко постижимым, по словам Василия Алексеевича, – «портативным». Особенно настоятельно требовала его возможность проникновения переверзианства в школу».

В 1934 году Переверзев стал преподавать в ИФЛИ. Но спустя четыре года его арестовали и сослали на Колыму. Потом он был переведён в Минусинск. Там учёный написал работу «Поэмотворческий путь Пушкина».

После освобождения в 1948 году Переверзев поселился в Александрове. Но на воле ему долго побыть не пришлось. Буквально через несколько месяцев его вновь арестовали и отправили в Красноярский край. В заточении он в общей сложности провёл восемнадцать лет. В Москву учёный вернулся лишь в 1956 году.

Поразительно, но, выйдя на свободу, критик не утратил оптимизма. Лазарь Лазарев вспоминал, как сразу после двадцатого съезда КПСС он побывал у своего бывшего университетского преподавателя Абрама Белкина. Белкину, рассказывал Лазарев, «хотелось познакомиться нас со своим учителем, только что возвратившимся из мест отдалённых, Валерьяном Фёдоровичем Переверзевым. Выяснилось, что Абрам Александрович каким-то образом поддерживал с ним связь и даже, как мог, материально помогал ему – разумеется, тайно. В пору сводившего с ума страха, когда рвались человеческие связи – жёны отказывались от мужей, дети – от родителей, это был поступок, на который далеко не каждый решался. О Переверзеве, о его работах, отправленных в спецхран, мы ничего толком не знали – в читавшемся нам курсе истории критики вовсю чихвостили «переверзевщину» за ревизию марксизма, за вульгарный социологизм – вот, пожалуй, и всё. Абрам Александрович рассказал, что Переверзев сел в 1938 году не в первый раз. За участие в революционном движении он при царе шесть лет провёл в тюрьме и в нарымской ссылке, правда, условия были несколько иными – свою первую книгу о творчестве Достоевского он написал тогда... Мы просидели у Абрама

Александровича чуть ли не до утра. Валерьян Фёдорович, несмотря на преклонные годы – ему было уже за семьдесят, – оказался человеком крепким, не утратившим живого интереса к окружающему миру, с какими-то удивительно весёлыми глазами. Его совершенно не тяготил бесконечный сумбурный ночной разговор. Казалось, он присматривался к нам, своим литературным внукам, хотел понять, чем мы живём. Поразительно, но он был куда большим оптимистом, чем мы, не испытавшие и малой части того, что выпало ему на долю. При этом он был терпимее» (Л.Лазарев. Шестой этаж. М., 1999).

После реабилитации Переверзев занимался в основном древнерусской литературой. Только вот издатели печатать его уже больше не спешили.

Умер Переверзев 5 мая 1968 года в Москве. Похоронили его на Пятницком кладбище.

Она в этой фабричной
столовке
о Рюриковичах рассуждал.
Тут вовсе не к месту детали,
как капельки масла в воде.
Его второпях расстреляли
в угодьях того МВД.
В июне там или июле –
я это успел позабыть, –
но лучшие уж русскую пулю
на русской земле получить.

Дмитрий Петрович Святополк-Мирский родился, по данным сохранившегося в РГАЛИ личного дела учёного, 27 августа 1890 года в Харьковской губернии в имении Гиёвка. Его отец – Пётр Дмитриевич Мирский в своё время был министром внутренних дел России. Естественно, он всё сделал для того, чтобы дать своим детям блестящее образование. Мать будущего критика – Екатерина Бобринская после революции эмигрировала в Грецию.

Он в этой фабричной
столовке
о Рюриковичах рассуждал.
Тут вовсе не к месту детали,
как капельки масла в воде.
Его второпях расстреляли
в угодьях того МВД.
В июне там или июле –
я это успел позабыть, –
но лучшие уж русскую пулю
на русской земле получить.

6. ЗДЕСЬ НА КАЖДОМ ШАГУ УПРЯТАНЫ ТАЙНЫ: ДМИТРИЙ СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

В 1966 году бывший зэк Ярослав Смеляков, став уже официальным певцом советской власти, написал стихотворение «Князь Святополк-Мирский».

*Князь Курбский от царского гнева бежал...
А.Толстой*

*Князь Мирский бежал
из России.
Ты брось осуждать, погоди!
В те дни, когда или
затяжные,
без мелких просветов,
дожди.
И вот он, измявши окурки*

*в предчувстве невиданных
стран,
на месте дождей Петербурга
увидел английский туман.
Но правда, рождённая
в Смольном
октябрьским, сумрачным
днём,
дошла до него, пусть
окольным,
пускай околичным путём.
И князь возвратился
в Россию,
как словно во сне, наяву.
Весенние ветры сквозные
в тот день продували Москву.
Бельё за окном на верёвке,
заплёванный маленький зал.*

Интерес к литературе у Дмитрия Мирского возник ещё в гимназии, где он вместе с друзьями издавал журнал «Звенья». В его первых стихах заметно было влияние русских символистов. Увлечение символизмом отразилось и на юношеских переводах Мирского (он, будучи гимназистом, переложил многие стихи англичанина Джона Китса и французского Поля Мари Верлена).

После гимназии Мирский поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков и изучал штатский и японский языки. Уже на старших курсах у него вышел дебютный сборник «Стихотворения. 1906–1910», который, однако, вызвал разочарование у Николая Гумилёва. При чтении стихов князя Д. Святополк-Мирского, отметил Гумилёв, «возникает сомнение, не нарочно ли автор так существенно сузил свой горизонт, отверг острые переживания и волнующие образы, полюбил самые невыразительные эпитеты, чтобы ничто не отвлекало мысль от плавной смены отточенных и полновзвучных строф.

Как будто он ещё боится признать себя поэтом, и пока мне не хочется быть смелее его».

Потом Мирский ушёл в армию. Однако военной карьеры он так и не сделал. В 1913 году несостоявшийся востоковед вернулся в университет, но уже на отделение классической филологии.

Когда началась война с германцами, Мирского мобилизовали на фронт. В 1916 году он был ранен. Увиденное на фронте заставило его разочароваться в политике царского правительства. За свои антивоенные выступления молодой поэт вскоре был сослан на Кавказ.

Мирский не принял октябрьского переворота. Он отказался сотрудничать с красной властью и поддержал белую гвардию, став начальником штаба 1-й пехотной дивизии в Добровольческой армии Деникина. Позже учёный на допросе в НКВД сообщил своему следователю – лейтенанту госбезопасности Мулярову: «Я служил в Кубанском кавалерийском корпусе. С этим корпусом мне приходилось участвовать в следующих боях против красных: В районе Ровеньков в марте-апреле 1919 года, в Задонской степи в р-не Великокняжеской и в направлении на Царицын, в мае, в апреле того же года. После этих боёв я был переведён в корпус Май-Маевского, продолжая быть при штабах первой, затем третьей дивизий, во время боёв в р-не Льгова и Орла. В октябре 1919 года, я был переведён в штаб девятой дивизии, находившейся в Нежине и участвовал в боях под Нежи-

ным и во время отступления до гор. Черкас. В Черкасах я заболел сыпным тифом. По выздоровлению выехал в Тирасполь, где присоединился к штабу дивизии, с которой отступал до Гусятино (польская граница). В Гусятино отряд генерала Бредова, в который входила девятая дивизия, был разоружён и по согласованию с командованием белой армии был направлен в концентрац. лагерь в Познани, для отправления оттуда к Врангелю. В 1920 г. апреле м-це я из лагеря бежал в Варшаву к моему родственнику, помещику – Святополку-Мирскому Михаилу Николаевичу».

Итак, в 1920 году Мирский оказался в Варшаве. Затем он выехал в Австрию, оттуда перебрался к матери в Грецию, а потом отправился в Англию.

В Британию Мирского позвал его давний приятель М.Беринг, выпустивший ещё в 1913 году книгу «Вехи русской литературы». Он пообещал своему знакомому устроить ему заказы от лондонской прессы. И уже очень скоро Беринг свёл русскую эмиграцию с редактором журнала «Лондонский Меркурий» Дж. Сквайром. «Завтра, – доложил потом Берингу английский издатель, – придёт Мирский и мы обсудим его будущее. У него в кармане пять фунтов стерлингов, и ничего больше. Тем не менее он не хочет браться за рутинную редакторскую работу, если существует хоть какая-то возможность жить литературным трудом. Мне кажется, мы можем найти такую возможность и для начала составим список статей, которые он смог бы написать для различных изданий».

Спустя несколько месяцев профессор Бернер Перс сделал Мирскому другое предложение. Он пригласил его вести курс русской литературы в школе славянских языков, созданной при Королевском колледже Лондонского университета.

Мирский оказался блестящим преподавателем. Одна из его учениц – Г.Л. Козловская вспоминала: «Я была тогда совсем юной, и мне повезло прослушать несколько его лекций о Толстом и Достоевском, которые он читал на английском языке для студентов Лондонского университета. Никогда потом мне не довелось слышать ничего более блистательного. Это было такое проникновение, озаряющее до дна творческую суть и характер двух русских гениев, что это не имело ничего общего с литературоведческими разборами других. Он сам, его речь, потрясающая по своей стилистике, каждая мысль, всё это творилось у вас на глазах, как ослепительное создание искусства. Зал, где он читал, всегда был набит до отказа, студенты всех факультетов бросали всё, чтобы протиснуться, прилепиться на подоконниках и при распахнутых дверях стояли, не шелухнувшись, на площадке и на лестнице... Когда он кончал, молодёжь обступала его тесным восторженным кольцом и, не отпуская, аплодировала безудержно и самозабвенно».

На основе своего курса Мирский написал на английском языке книгу о современной русской литературе, которую он потом расширил. В предисловии к английскому изданию своего обобщающего труда он отметил: «Эта книга рассчитана на то, чтобы стать первой частью и образовать единое целое с книгой Современная русская литература (1881–1925). Но поскольку она охватывает значительно больший отрезок времени, на который отведено ненамного больше страниц, то этот том будет менее подробным, чем предыдущий. Этот том заканчивается датой, которую можно считать конечной для классической эпохи русского романа; она совпадает со смертью До-

стоевского и Тургенева и с обращением Толстого. В сложной ткани истории невозможно проводить резкие и твёрдые линии раздела, и линия раздела между двумя томами не является строго хронологической. Некоторые авторы, лучшие произведения которых появились до 1880 г., но были нетипичны для того времени, были включены в Современную русскую литературу. Так произошло с Лесковым, Леонтьевым, Случевским. Толстого пришлось разделить между обоими томами. Иногда слу-

чаются неизбежные повторения. Так как я писал о литературе страны, чья история за границей очень мало известна, то, конечно, испытывал большой соблазн расширить историческую и общекультурную часть. Но из страха, как бы не сделать книгу отвратительно длинной (а времени на то, чтобы сделать её достаточно короткой, у меня просто не было), я всю эту общую информацию убрал. Я вынужден предполагать наличие хотя бы у части моих читателей самых общих сведений по истории русской цивилизации – предположение, оправдываемое тем, что издательство «Раутледж» только что выпустило в свет прекрасную историю России, написанную сэром Бернардом Перзлом. Те же соображения – нехватка

места (как и нехватка у меня достаточных знаний) – не позволили мне включить сюда несколько глав о русском фольклоре: на эту тему можно написать особую книгу, любого объёма. Нет тут и украинской литературы, которая хотя во многом и разительно отличается, но тесно связана с литературой Великобритании».

В 1926 году Мирский защитил в Лондоне магистерскую диссертацию о Пушкине. К тому времени он уже несколько иначе смотрел на мир. Его стали привлекать левые идеи. Это отразилось в учреждённом учёным журнале «Вёрсты». Не случайно в 1931 году Мирский вступил в коммунистическую партию Великобритании.

А вот личная жизнь у него не сложилась. Ещё в 1919 году он женился на давней знакомой Вере Флериновой. Но этот брак быстро распался. Говорили, будто в эмиграции Мирский пытался свести свою судьбу с дочерью А. Гучкова – Верой Сувчинской. Но в советских анкетах исследователя утверждалось, что он всегда был холост.

Идея возвратиться в Советский Союз возник у Мирского ещё в конце 1920-х годов. Своё влияние тут оказал Горький. Не зря учёный в декабре 1930 года обратился за помощью именно к буревестнику революции. Он писал: «Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович, я обращаюсь к Вам за советом и может быть за помощью. Когда три года тому назад я был у вас, я был в самом начале той дороги, которая привела меня к полному и безоговорочному принятию коммунизма. Теперь – и уже не со вчерашнего дня – моё единственное желание какие у меня есть силы отдать делу Ленина и советских республик. Психологические и бытовые трудности до сих пор мешали мне открыто сделать это. Я ждал выхода в свет моей книги (английской) о Ленине, которая позволила

бы мне явиться не с совсем пустыми руками. Но выход этот задерживается по крайней мере до марта месяца, а время идёт такое, что ждать нельзя.

Процесс Промпартии и гнусный лай, поднятый вокруг Ваших статей буржуазной прессой, заставили меня с особой силой понять, что больше не может быть нейтралитета и половинчатости и что кто не с рабочим классом – против рабочего класса.

Я пишу Вам прежде всего потому, что это самый естественный путь для интеллигента, даже если бы он и не был с Вами лично знаком, окончательно решившего стать на сторону коммунизма. Но также и потому, что более нормальный путь обращения в Советское консульство не кажется мне вполне удовлетворительным, т.к. во-первых, меня двигает не советский патриотизм, а ненависть к буржуазии и вера в социальную революцию всеобщую и, во-вторых, что я совсем не хочу быть советским обывателем, а хочу быть работником ленинизма. Коммунизм мне дороже СССР. Ещё и потому я обращаюсь именно к Вам, что неизбежно бы отнеслись ко мне официальные советские власти с законным недоверием как к бывшему помещику и белогвардейцу. Я прошу Вас очень убедительно помочь мне и сказать, что мне делать? Куда обратиться, чтобы с минимальной тратой трений я мог действительно и эффективно впрячься в дело, которое одно достойно человеческого достоинства.

И ещё разрешите прибавить, что за эти последние недели у меня не раз был прилив гордости за человечество (да и за русское племя), что Вы есть на свете.

Глубоко уважающий и любящий Вас Д.С. Мирский».

Ходатайство Мирского о предоставлении ему советского гражданства рассмотр-

ено в ЦИКе СССР 1 сентября 1931 года. В Москву князь приехал в 1932 году. Он стал участвовать практически во всех проектах Горького. В частности, в августе 1933 года учёный отправился в составе большой группы писателей на Беломорканал, строившийся в основном руками заключённых. Но в отличие от большинства других коллег он всё сразу понял и в порыве откровенности заметил Александру Авдеенко: «Здесь на каждом шагу упрятаны тайны. Под каждой плотиной. Под каждым шлюзом. В судьбе и работе каждого каналармейца... Люди способны творить не только чудеса, но и всякого рода хитроумные ловушки и для своего же брата, и для себя... Чаще всего великие народные бедствия начинались с благих намерений и заверений сильных мира сего».

К удивлению литературного начальства, Мирский, вернувшись в Советский Союз, постарался сохранить независимость своих суждений. Как взбесила номенклатурных дельцов опубликованная им в 1934 году в «Литгазете» разгромная статья о неудачном романе Фадеева «Последний из удэге»! Сильное раздражение вызвала и его статья «Вопросы поэзии».

Но Мирский ни на какие выпады не реагировал. Ему представлялось, что он защищён именем Горького. Чуковский в январе 1935 года писал в своём дневнике: «25/1 обедал в «Национали» И встретил там Мирского. Он сейчас именован Горький в двух фельетонах подряд в «Правде» («Литературные забавы») отзывается о нём самым восторженным образом.

– Рады? – спрашиваю Мирского.

– Поликратов перстень, – отвечает он.

Мил он мне чрезвычайно. Широкое образование, искренность, литературный талант, самая нелепая борода,

нелепая лысина, костюм хоть и английский, но не ряшливый, потёртый, обвислый и особая манера слушать: после всякой фразы собеседника он произносит сочувственно и-и-и (горлом поросычий визг), во всём этом есть что-то забавное и родное. Денег у него очень немного, он убеждённый демократ, но – от высокородных предков унаследовал гурманство. Разоряется на чревоугодии. Каждый день у швейцара «Национали» оставляет внизу свою убогую шапчонку и подбитое собачьим лаем пальго – и идёт в роскошный ресторан, оставляя там не меньше сорока рублей (т.к. он не только ест, но и пьёт), и оставляет на чай 4 рубля лакею и 1 рубль швейцару».

Мирский продолжал как ни в чём не бывало работать. 28 октября 1936 года он сообщил одному из руководителей Союза писателей Владимиру Ставскому: «Я в настоящее время работаю над биографией Пушкина, которую я должен сдать 15 февраля «Жизни замечательных людей». Некоторые главы из неё помещены предварительно в журнале «Звезда», первые две главы в январском номере. Одна из них готова, другая пишется. К сожалению, у меня ещё остаётся на руках старая работа помимо этой. Я заканчиваю редактирование антологии современной английской поэзии для ленинградского Гослитиздата. Дело это подходит к концу, но задерживается из-за переводчиков. Кроме того, по старому обязательству я должен к 15 декабря сдать «Литературному наследству» статью для их русского французского номера о русско-французских литературных отношениях. Это старое обязательство задержит до известной степени работу над биографией Пушкина. Кроме того, я получил предложение от «Литературного агентства» написать статью на английском

языке к Пушкинскому юбилею. Думаю его принять. Работе моей, вообще говоря, в настоящее время ничего не мешает, кроме бытовых условий. Я надеялся уже к началу ноября переехать на новую жилплощадь, но это опять отложено на месяц (а, м[ожет] б[ыть], и более?). Здесь же в крайне тесной, шумной и перенаселённой квартире работать крайне трудно, и это тормозит мои темпы».

Тучи над Мирским сгустились весной 1937 года. Первым звоночком для него стал арест 4 марта Авербаха, которого в научных писательских кругах не без основания считали главным покровителем учёного.

Мирскому пришлось объясняться. В письме Ставскому он 3 мая 1937 года сообщил, что сразу после возвращения в Россию в 1932 году его потянули в свой лагерь бывшие формалисты, знавшие исследователя по старой литературной деятельности за границей. «Эта среда, – подчёркивал Мирский, – меня не удовлетворила. Вскоре я познакомился с Авербахом и Ясенским. Они меня систематически «предприняли» и старались руководить мною. «Руководство» это шло под флагом требования от меня большей политической активизации, и мне оно представлялось тогда полезным. В течение 1933 г. особенно, я находился под большим влиянием авербаховцев и был лично близок с Авербахом и Ясенским. С конца 1933 года личные отношения наши испортились, но это ещё не повело к пересмотру с моей стороны их идейного влияния. В начале лета 1934 г. Ясенский, которого я перед тем довольно долго не видел, пришёл ко мне и завёл разговор на тему о том, что происходит общая демобилизация и поправление литературы и что с этим надо бороться. Он привёл «Последнего из удэ-

ге» как пример подмены политических проблем моральными и уговорил меня написать статью об этом романе. Выступая в первый раз с отрицательной критикой крупного писателя-коммуниста, я хотел проверить её на товарищах – членах партии и прочёл её Корабельникову и Ясенскому. Она их не удовлетворила, они нашли её недостаточно резкой. Я имел слабость подчиниться им и передделать её. В окончательной форме её детально редактировал Корабельников, с которым я лично близок никогда не был, но статья которого «Конец Чеховской темы» мне показалась хорошей, и которому я поэтому доверял. Когда появилась статья т. Юдина и особенно речь т. Косарева, я понял их как осуждение только отдельных неправильных выводов статьи и хотел выступить с признанием их неправильности. Ясенский меня отговаривал и говорил: «Погоди, увидишь, что её ещё признают правильной». На совещании критиков перед съездом Корабельников в своём докладе отозвался отрицательно о написанной под его редакцией статье; Ясенский выступил в мою защиту, но говорил не о правильности моих высказываний, а только о моём праве иметь своё мнение о романе Фадеева. Поведение Корабельникова и Ясенского сильно меня поразило, и я понял, что в этом деле оказался орудием в их групповой борьбе. Именно поведение Корабельникова и Ясенского в этом деле поселило во мне глубокое недоверие ко всяким советам и ко всяким попыткам мною руководить, что в значительной мере создало то одиночество, в котором я теперь нахожусь. После всего этого дела я начал отходить от авербаховцев, хотя личных отношений с Авербахом не прекратил и тоже ездил к нему на Уралмаш. Но о своей лите-

ратурной работе говорить с ним избегал. С Ясенским же стал видеться редко и только по его инициативе. Считаю нужным отметить, что моя статья о Пушкине, заключающая в себе столь справедливо осуждённые тезисы, была написана в начале 1934 г., до статьи о Фадееве, и хотя без всякого непосредственного воздействия, но под общим влиянием «левых» фраз авербаховцев. Считаю нужным также отметить, что начавшаяся во мне с конца 1934 г. внутренняя реакция против авербаховщины отчасти привела меня к ошибкам противоположного (формально противоположного) рода, сказавшимся в некоторых моих статьях о поэзии 1935 г. и в выступлении на Минском пленуме. От идейного влияния авербаховщины я освободился, во всяком случае, с начала 1935 г., но связь с ней сбила меня с пути и я до сих пор несу тяжёлые последствия её. Однако всё отрицательное значение этой связи я понял только недавно после разговора с тов. Фадеевым (в начале марта), и только в самое последнее время понял, на каком опасном пути я стоял. Я твёрдо надеюсь, что руководство Союза советских писателей не откажет мне в конкретной помощи, чтобы я мог выпрямить свой литературный путь и ликвидировать отрицательные результаты как моей связи с авербаховщиной, так и прежней моей биографии».

Но покаянное письмо не помогло. Спецслужбы уже вовсю занимались разработкой его дела. 22 мая 1937 года заместитель начальника 3 отдела ГУТБ НКВД Минаяев подписал следующую справку:

«Святополк-Мирский Дмитрий Петрович, гр-нин СССР, 1890 г. р., писатель-критик, полковник Денинградской армии, активный участник боёв против Крас-

ной армии, проживает Б. Каретный пер. д. 17, кв. 22.

В 1920 году Мирский эмигрировал в Англию, где выступал против Советского Союза, принимал активное участие в белогвардейском движении.

В 1925 году Мирский якобы меняет своё мнение по отношению к Советскому Союзу и стремится попасть в СССР.

В 1933 году Мирский через Сокольникову получает разрешение на въезд в СССР.

Установлено, что Мирский помимо своей работы в белоэмигрантских кругах в Лондоне и Париже был тесно связан с известными английскими разведчиками, в частности с Б.Перс, и являлся преподавателем Русской истории, в так называемом, институте «Славянских языков», являющемся фактически школой английской разведки. Со слов Мирского известно, что он знает английских шпионов, выезжавших в Москву.

По агентурным данным Мирский встречался в Париже на нелегальном совещании с Пятаковым в бытность последнего торгпредом во Франции. На этом совещании обсуждался вопрос о возможности создания «блока между правыми в компартии и евразийцами».

Установлена подозрительная связь Мирского с лицами, причастными к английской разведке.

Мирский намечается к аресту».

Ордер на арест и обыск Мирского был выдан буквально через десять дней – 2 июля. Подписал его комиссар госбезопасности 1-го ранга М.Фриновский. Непосредственно же процедурой ареста и обыска на Большом Каретном переулке занимались сержант Никитин и помощник оперуполномоченный Сосин.

Позже в своей причастности к преследованиям Мирского признался главный редактор «Известий» и «Нового

мира» И.Гронский. Он считал, что учёный вернулся из эмиграции не случайно, мол, это было в интересах английской разведки, которая будто бы всё сделала для того, чтобы внедрить своего агента в ближайшее окружение Горького. Гронский вспоминал: «Находился одно время около Горького Мирский. Я встретился с ним вскоре после его приезда из-за границы.

Как-то приезжаю к Горькому, Алексей Максимович выходит в столовую. Стоит мужчина среднего роста, с бородкой. Алексей Максимович говорит: «Светлейший князь Святополк-Мирский».

Сели за стол. Горький водки не пил, он пил виски один и тот же сорт «Белая лошадь». Стояла бутылка виски и бутылка коньяка.

Я говорю: «Князь, виски пьёте?» Он говорит: «Пью» Выпили. И что меня поразило? Чем больше он пил, тем делался осторожнее. Это меня поразило и насторожило.

Когда я приехал от Горького в редакцию («Известий»), я дал задание подобрать материалы на Мирского. И я получил материалы: окончил Пажеский корпус, участвовал в белогвардейском движении, у Деникина редактировал белогвардейскую газету, после перекочевал к Врангелю, потом перекочевал в Англию, назначен профессором, вступил в английскую компартию, приехал сюда и оказался в окружении Горького. Это пахивало кое-каким душком, – узнаёшь работу разведки – Интеллидженс Сервис.

Я сказал о своих сомнениях Ягоде и попросил его заняться Мирским – подозрительный тип!

Он говорит: «Ты всех подозреваешь!»

Я говорю: «Я советую основательно заняться Мирским – очень пахивает Интеллидженс Сервис!»

Я сказал об этом Сталину.

Оказывается, Сталин был у Горького, и там был Мирский. Сталин говорит: «Он на меня произвёл впечатление фальшивого человека. Дайте распоряжение Ягоде от моего имени, чтобы он этим персонажем занялся».

Потом Мирский был арестован. Мне передавали, что он попался на шпионских мелочах. Обычно крупные разведчики проваливаются на чём-нибудь мелком. Я с делом не знакомился, но похоже на то, что Мирский был агентом Интеллидженс Сервис.

Вышка эта удобна для наблюдений – окружение Горького.

Мирский очень крепко дружил с Крючковым, и одно время он проживал у Крюčkова и около Горького («Минувшее», 1992, № 10).

Другие современники полагали, что Мирский поплатился свободой за критику Фадеева.

Официально Мирский был обвинён в шпионаже и 28 июля 1937 года приговорён к восьми годам лагерей. Отбывать срок его отправили на Колыму.

В Магадан учёного доставили на пароходе «Кула» 28 октября 1937 года. Он попал на Атку, где размещалась автобаза. Ему досталась одна

из самых тяжёлых работ – лесоруба. Неудивительно, что он своё здоровье очень быстро подорвал.

На Колыме учёный, как вспоминал другой колымский сиделец Юлиан Оксман, «бесконечно скорбел по поводу своего перехода в новую веру и приезда в Россию, проклинал коммунизм, издевался над своими иллюзиями. Много говорил о своих планах истории русской поэзии (он верил, что останется жить)».

По сообщению с заместителем главного военного прокурора Б.Викторова, сделанного в 1962 году, Святополк-Мирский умер 6 июня 1939 года. Смерть его нашла в лагерной больнице в небольшом колымском посёлке Снежный возле Магадана. Но уже в постсоветское время магаданский исследователь Александр Бирюков нашёл в архиве акт захоронения учёного. В нём утвер-

ждалось: «7 июня с.г. погребён умерший 6 июня 1939 г. з/к Мирский Дмитрий Петрович, л<ичное> д<ело> 136848. Зарыт на глубине 1,5 метров, головой на запад, от командировки 800 метров на восток. Деж. Комендант Болотников. Лекпом Албынин. Лаг. староста Бирюков».

Официально Мирского реабилитировали лишь в мае 1962 года по решению военного трибунала Московского военного округа. Но это не значило, что до этого его идеями никто не пользовался. Как потом выяснилось, учёного продолжали обильно цитировать даже в годы террора. Причём не какие-то филологи, а партийные вожди. Так в октябре 1952 года, выступая на девятнадцатом съезде ВКП(б), Георгий Маленков заявил: «Наши художники, литераторы, работники искусства в своей творческой

работе... должны постоянно помнить, что типично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заострённостью выражает сущность данной социальной силы. В марксистско-ленинском понимании типическое отнюдь не означает какое-то статистическое среднее... Типическое есть основная сфера проявления партийности в реалистическом искусстве. Проблема типичности есть всегда проблема политическая...» Но все эти рассуждения о типическом в реальности принадлежали Мирскому. Просто референты ЦК, готовя речь для Маленкова, приписали мысли учёного своему боссу, не дав никаких ссылок на первоисточник.

В 1992 году Р.Зернова перевела «Историю русской литературы» Мирского на русский язык.

7. НЕОБЪЯСНИМОЕ ФРОНДЁРСТВО: ЕЛЕНА УСИЕВИЧ

В судьбе Елены Усиевич много странного. Человек почти до сорока лет делал революцию, долгое время служил в спецслужбах, а потом вдруг ни с того ни с сего занялся литературной критикой. Будучи очень близкой к власти, она, к удивлению коллег, в своих статьях поддерживала не столько литературных генералов, а опальных поэтов. Что за этим стояло, до сих пор никто не разгадал.

Елена Феликсовна Усиевич родилась 20 февраля (по новому стилю 4 марта) 1893 года в Якутске в семье ссыльного польского революционера Феликса Кона. «До 1904 года, – писала Усиевич 24 февраля 1953 го-

да в своей предназначавшейся для отдела кадров Союза писателей автобиографии, – жила с родителями в Сибири, в разных местах её. В 1904 году семья переехала в Варшаву, где я поступила в гимназию. В 1905 году была из гимназии исключена за участие в забастовке учащихся как одна из «зачинщиц». Переехала с матерью в город Николаев, где снова поступила в гимназию. В 1908 году была арестована на демонстрации, а по освобождению (за несовершеннолетием, так как мне не было ещё шестнадцати лет) исключена из гимназии с «волчьим билетом» и мне предложено было выехать за пределы Россий-

ской империи. Уехала в Краков, где в то время находился мой отец, успевший быть вновь арестованным и бежать. Там вступила в ППС, из которой вышла в 1914 г., когда уяснила, что они собираются драться не с буржуазией, а с русскими. С фальшивым паспортом уехала в Варшаву. В начале войны пребывание в пределах Российской империи (в которую входила тогда Варшава) оказалось опасным. Попыталась бежать за границу. Была арестована в Германии за знакомство в Розой Люксембург, просидела полгода в тюрьме в Берлине. В конце февраля 1915 года была освобождена и приехала в Швейцарию в Цюрих. Здесь была принята в РСДРП(б) Цюрихской секцией, в которую входили тогда В.И. Ленин и Н.К. Крупская. В апреле 1917 года вместе с В.И. Лениным приехала в Россию в так называемом «запломбированном вагоне».

В мае 1917 года Усиевич стала в Москве секретарём одного из районных советов рабочих и солдатских депутатов. Она с энтузиазмом восприняла октябрьские события. Новая власть в благодарность поручила ей заняться вопросами продовольственного снабжения. Но в Москве ничего решить оказалось невозможно. Поэтому в апреле 1918 года она вместе с мужем Григорием Усиевичем отправилась в Омск искать хлеб для голодных столиц. Но тут подняли бунт чехи. Супруги перешли на военную работу.

В одном из боёв в августе 1918 года Григорий Усиевич был убит. Похоронив мужа, Елена Усиевич вернулась в Москву. Но в столице её не оставили, предложив продолжить борьбу в гетманском подполье на Украине.

В мае 1920 года в биографии Усиевич случился новый крутой поворот: она стала следователем особого отдела ВЧК. Потом была работа в Крыму.

К литературе Усиевич обратилась уже в зрелом возрасте. В 1930 году она поступила на литературное отделение в Институт красной профессуры. Но уже через два года её назначили заместителем директора Института литературы в Коммунистической академии. Одновременно она стала играть значимую роль в «Литературной газете». Подтверждение тому можно найти в

дневниках Корнея Чуковского. 16 августа 1932 года он записал: «В «Литературной газете» меня встретили как желанного гостя. «Укажите, кто мог бы написать о вас статью». Я замялся. В это время в комнату вошёл Шкловский. «Я напишу – восторженную». Редакторша «Лит. Газеты» Усиевич захотела со мной познакомиться, пригласила меня по телефону к себе. Либерализм сказался и в том, что у меня попросили статью о Мандельштаме. «Пора этого мастера поставить на высокий пьедестал». Спустя два дня Чуковский добавил несколько слов о том, как сходил к Усиевич по детским домам. «Елена Феликсовна Усиевич (дочь Ф.Кона), тощая, усталая, милая. Сразу заговорила со мною о моих детских книгах – хочет дать о них статью в «Литгазете». <...> Когда я уходил, она сообщила мне свой каламбур: «Прежде литература была обеднена, а теперь она огорчена (Бедный и Горький)».

Отдельная страница в биографии Усиевич – работа в журнале «Литературный критик». Шесть лет, с 1933 по 1939 год, она входила в редакцию этого издания. Надо сказать, что в этом журнале изначально не разделяли многие взгляды советского руководства на литературу. В частности, сотрудники издания были не согласны практически со всеми положениями доклада на первом

съезде советских писателей Н.Бухарина. Они совсем по-другому оценивали, к примеру, Маяковского. А самое главное – руководство журнала собиралось публично бросить вызов литературным генералам.

Усиевич в «Литературном критике» играла наряду с Розенталем роль неформального лидера. Но осенью 1934 года, судя по справке секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР, её положение отчасти изменилось. Руководители этого отдела Молчанов и Петровский докладывали: «Прежде близко примыкавшая к этой группе Усиевич в настоящее время от неё отошла, вернее, группа отошла от неё. Мотивируется этот отход тем, что Усиевич оказалась, де, не очень порядочным человеком: она использовала и Юдина, и Альтмана до тех пор, пока они были ей нужны, а как только их руководящая роль кончилась, так они стали ей не нужны».

До сих пор непонятно, почему Усиевич столь смело вела себя в тридцатые годы. Она не боялась ругать в своих статьях комсомольских рифмачей и поднимать на щит молодых поэтов, уже познавших советские тюрьмы. Разоблачая примитивную эстетику Михаила Голодного и Иосифа Уткина, критикесса вовсю хвалила «Страну Муравию» Александра Твардовского, написанную с явным сочувствием к оболганному крестьянству. Откуда бралась эта смелость? Что двигало Еленой Усиевич? Чувство справедливости, привитое ей отцом-революционером, или просто она выполняла чьё-то задание, используя свой богатейший чекистский опыт? Ведь кто её ни ругал, а она всегда выходила из воды сухой.

Первый удар на Усиевич обрушился 25 февраля 1937 года. Александр Безыменский на IV пленуме Союза писателей обвинил её в за-

щите опальных поэтов. Безыменский негодовал: мол, Усиевич «провозглашала П.Васильева – поэта тысячи и одного хулиганства – грядущим поэтом народных миллионов. Она объявляла Ярослава Смелякова светлой надеждой советской поэзии. Оба – и Васильев и Смеляков – контрреволюционеры. Значит ли это, что Елена Усиевич, наш товарищ, член партии, причастна к преступлениям Васильева или Смелякова? Ни в коем случае! Но её политическая слепота налицо? Лживость эстетических позиций, с которых велось возвеличивание этих поэтов, налицо? Налицо! И этого опровергнуть нельзя». Как потом выяснилось, Безыменский таким образом решил отомстить Усиевич за критику его стихов.

Вслед за Безыменским на Усиевич набросилась главная газета страны «Правда». 28 февраля 1937 года там появилась статья «О политической поэзии», в которой выражалось недоумение: почему это критикесса стала поднимать на щит кулацкую поэзию оголтелого врага Павла Васильева.

На этом скандал не закончился. Спустя полгода, 13 октября некто П.Д. Рожнов обратился в партгруппу Союза писателей, заявив, что Усиевич долгое время прикрывал второй человек в Союзе писателей В.Ставский. Одновременно Рожнов доносил, что Усиевич «была своим человеком в салоне Сокольникова – Серебряковой», которые к тому времени попали в число врагов народа. В общем, противники влиятельной критикессы жаждали крови.

Разбор персонального дела Усиевич был назначен на 22 ноября 1937 года. Александр Жаров и Михаил Голодный потребовали на заседании бюро секции критиков жёстких мер. Они заявили, что статья Усиевич «К спорам о политической по-

эзии» якобы «продолжает вредительскую линию Бухарина в области поэзии». Но вопреки ожиданиям комсомольских трубадуров бюро неожиданно встало на защиту Усиевич, лишь слегка попеняв ей за ошибочность некоторых формулировок. Возможно, на это решение повлияла заслуга её семьи перед революцией. Хотя полностью после всего случившегося чувствовать себя в безопасности критикесса уже не могла.

В начале 1940 года два руководителя Союза писателей – Александр Фадеев и Валерий Кирпотин, по сути, обвинили Усиевич в причастности к антипартийной группировке в советской критике. Мол, она оболгала историю критики и поддержала в лице Андрея Платонова «явления, выражающие разбитое буржуазное сопротивление социализму». Ей явно угрожал арест. Однако Усиевич без боя сдаваться и не думала. Она продолжала бравировать своей независимостью. На всех публичных мероприятиях критикесса утверждала, что в литературе не должны быть неприкасаемые имена. На одном из совещаний Усиевич заявила: «Самокритика не может расцвести там, где имеется прохладное отношение к критике. Фадеев не дал критиковать плохую пьесу Алексея Толстого. Может ли ставиться проблема так: «С сильным не борись, с богатым не судись?» Это заявление вывело из себя уже Фадеева.

Добить Усиевич должна была совместная статья В.Ермилова, В.Кирпотина и А.Фадеева. Большую часть этого материала подготовил Кирпотин. В архиве сохранился черновик статьи. Кирпотин писал: «В области поэзии Е. Усиевич, прикрываясь критикой плохих стихов, проводит ложную и вредную мысль, что политической поэзии как особого жанра искусства не суще-

ствовало в большой литературе и не должно существовать в советской поэзии. Политическая поэзия, по мнению Усиевич, есть результат художественного упадка. Е.Усиевич стала выразителем разбитого буржуазного сопротивления социализму. Поэтому для неё Андрей Платонов, автор рассказа «Впрок», является самым талантливым советским писателем».

Но в последний момент кто-то наверху решил с публичной поркой Усиевич повременить. Надобность в коллективной статье отпала. Позже возникли слухи, будто у Усиевич нашлись высокопоставленные покровители, которые вовремя нашли для критикессы другую работу, направив её в польский журнал «Новые горизонты». Кстати, именно тогда она открыла для себя творчество Ванды Василевской и стала её главной переводчицей.

После войны Усиевич от текущего литпроцесса практически отстранилась. Как критик она выступала уже очень и очень редко.

Скончалась Усиевич 15 января 1968 года в Москве. Вскоре после её похорон Твардовский записал в своём дневнике: «На этот срок пришла смерть Е.Ф. Усиевич, провожать её пришлось мне – открыть митинг в Малом зале [ЦДЛ] и проводить до крематория. Потом пришлось уступить М.А. Лифшицу – соглашаться председательствовать в комиссии по наследию, – вряд ли забуду, как он, заполучив меня для дела, тут же прочёл мне лекцию о том, что я «болен и убиваю себя», в таком мерзком духе, как о чём-то давно решённом без меня, в каком-то своём кругу».

Твардовский хотел помочь наследникам Усиевич выпустить сборник избранных работ критика. Но до издания дело так и не дошло. Чиновники из Госкомиздата идею поэта не одобрили.

П Р И Х О Д И Н К И

Николай ТОЛСТИКОВ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Ильич стоит к храму боком, вроде бы как с пренебрежением засунув руки в карманы штанов и сбив на затылок кепку. На пьедестале – маленький, в свой натуральный рост, измазан чёрной краской.

Храм в нескольких десятках метров от статуи, в окружении рошницы из старых деревьев, уцелел чудом на краю площади в центре города. Всегда был заперт на замок, окна закрыты глухими ставнями.

Однажды в его стенах опять затеплилась таинственная, уединённая от прочего мира церковная жизнь...

Но и на пустынной площади возле Ленина разместился «луна-парк» с качелями-каруселями, надувными батутами, развесёлой, грохочущей день-деньской, музыкой. О вожде мирового пролетариата тоже не за-

были: как любителю детей, под самый нос ему заворотили ярко раскрашенную громадную качалку. Только дети то ли не полюбили, то ли просто побоялись качаться тут или благоразумные родители им запретили это. Визжали, дурачились на качалке молодые подвыпившие тётки, а с лавочек возле постаментов, опутанного гирляндой из разноцветных помигивающих лампочек, их задирали тоже «хватившие» лишку молодцы с коротко стриженными, в извилинах шрамов, головами и в грязных потных майках, обтягивающих изляпанные синевой наколки тела.

Не думал я, проходя мимо них на службу, что нежданно-негаданно эта «накачанная» компания, спасаясь от жары или вовсе теряя всякую ориентировку во времени и пространстве, ввалится в храм...

Мы служили на Троицу литию. Выбрались из зимнего тесного придела в притвор напротив раскрытых врат просторного летнего храма, выстывшего за долгую зиму и теперь наполненного тяжёлым влажным воздухом. Из окон под куполом пробиваются солнечные лучи, высвечивают, делая отчетливыми, старинные фрески на стенах. Как на корабле среди бушующего, исходящего страстями, людского моря!

Молодцов, пьяно-шумно загомонивших, тут же, зашипев и зашикав, выпроводили обратно за порог бабульки-смотрительницы. Один всё-таки, в ярко-красной майке, загорелый до черноты, сумел обогнуть «заслон» и, качаясь из стороны в сторону, пройти в гулкую пустоту летнего храма. Возле самой солеи, у царских врат, он бухнулся на коленки и прижался лбом к холодному каменному полу. Старушонки, подскочив, начали тормошить его, чтобы вывести, но батюшка махнул им рукой: пускай остаётся!..

Торжественно, отдаваясь эхом под сводами храма, звучали слова прошений ектении, хор временами подхватывал стройным печальным многоголосьем: «Господи, помилуй... Господи, помилуй!». В эту симфонию вдруг стали примешиваться какие-то неясные звуки. Мы прислушались. Да это же рыдал тот стриженный в майке! Бился испещрённой шрамами головой об край солеи, просил, умолял, жалился о своей, скорее всего, несуразно и непутёво сложившейся жизни. Что творилось в душе его, какое скопище грехов рвало и кромсало её на мелкие кровоточащие части?!

Вот он утих и лежал так ничком на полу до конца службы. Потом бабульки помогли ему подняться и повлекли его к выходу из храма, умиротворённого, притихшего, с мокрым от слёз лицом.

А молодой батюшка, вздохнув, сказал:

– Проспится в кустах под Лениным и всё своё покаяние забудет. А жаль...

СВЯТОЙ

В разгар грозы молния ударила прямо в купол колокольни стоявшей на бугре на отшибе от городка церкви. Вспыхнуло гигантской свечой, даром что и дождь ещё не затих.

Пусть и времечко было советское, атеистическое, храм действующий, но народ тушить пожар бросился дружно.

Потом батюшка одарил особо отличившихся мужичков полновесными червонцами с ленинским профилем.

Мужики бригадой двинулись в «казёнку», событие такое отпраздновали на полную «катушку». Потом постепенно, по прошествии лет, всё бы и забылось, кабы не опоек Коля – в чём только душа держится. Всякий раз, торча в пивнушке на своих, колесом, ногах за столиком, он вспоминал геройский подвиг. И, втолковывая молодяжке, что если б не он, то б хана делу, «сгорела б точно церква!», блаженно закатив глаза, крестился заскорузлой щепотью:

– Теперь я святой!..

Так и прозвали его – Коля Святой.

ВТОРАЯ НАТУРА

Длинноносый, в очочках, слегка прощельговатого вида, местного пошиба чинуша Голубок был ещё и уполномоченным по делам религии при райисполкоме.

Времена наступили уже «горбачёвские», в отличие от своих предшественников, Голубок настоятеля храма в городке не притеснял, постаивал себе по воскресным службам скромненько в уголке возле свечного «ящика».

Скоро «необходимость» в уполномоченных вместе с самой властью и вовсе отпа-

ла, Голубка вроде б как выперли на пенсию, но в храме он появлялся неизменно и стоял всё на том же месте.

«Не иначе, уверовал в Бога!» – решил про него батюшка и даже поздравить его хотел с сем радостным событием.

Но Голубок потупился:

– Я, знаете ли, захожу к вам... по привычке.

«Да! – вздохнул обескураженно настоятель. – Что делаешь, коли вторая натура!»

БЕССРЕБРЕНИКИ

Триня и Костюня – пожилые тюремные сидельцы, и не по одному сроку за их плечами: то кого побили, то чего украли. И тут долго на волюшке ходить, видать, опять не собрались: подзудил их лукавый в ближней деревне церковь «подломить».

Двинулись на «дело» глухой ночью, здоровенным колом припёрли дверь избушки, где дрых старик-сторож, оконце махонькое – не выскочит, и, прилагая все нажитые воровские навыки, выворотили четыре старинных замка на воротах храма.

Побродили в гулкой темноте, пошарившись с фонариком. В ценностях икон ни тот, ни другой не пендрили и потому их и трогать не стали. Наткнулись на деревянную кассу для пожертвований, раскокали, но и горсти мелочи там не набралось.

– Тю! – присвистнул радостно Триня. – Бросай эту мелочёвку, тут в углу целый ящик кагора!..

На задах чьего-то подворья, в сараюшке устроили налётчики пир. Тут их тёпленькими и взяли. Когда их вязали, возмущались они, едва шевеля онемевшими языками:

– Мы чё?! Ничё не спёрли, верим так как... Кагор и тот выпить не успели.

ПРИСОСЕДИЛИСЬ

На заре Советской власти в моём родном городке тоже предавались всеобщему без-

умию – переименовывать улицы. Прямо пойдя – Политическая, вбок поверни – Карла Маркса.

Проходя по центральной улице, спросил я у девчонок из местного сельхозколледжа: знают ли в честь кого улица названа – Розы Люксембург?

Те хихикнули, блеснув белыми зубками:

– Да в честь какой-то международной... «прости-господи»!.

А уж кто такой по соседству Лассаль, не каждый здешний учитель истории наверно ответит.

Эх, погуливали когда-то наши предки по Соборной, назначали свидания на тихой, утопающей в кустах сирени, Старомещанской, в воскресный день шли на

первенство младшей сестре. А та извивается ужом на руках у худощавого папы, мотает головой туда-сюда, плотно сжимая губы – ложечкой с причастием не попадешь.

– Да поставьте дочку на ноги, в конце концов! – говорит батюшка папаше. – Не младенец она у вас!

Девчонка уже не утрюмо и испуганно, а с некоторым настороженным интересом смотрит на батюшку снизу вверх. К спине непослушной рабы божией, словно блин, прилепился крохотный игрушечный портфельчик.

– О, сегодня знаменательный день! – нашёлся священник. – Причащаются все, кто с портфельчиками!

И надо же – девчонка сразу свой рот нараспашку, как галчонок!

вам мешаю, то на балкончике пока покурю».

Освятил особняк отец Сергей, водичкой везде в комнатах покропил, от прелестей дамочки-хозяйюшки стыдливо глаза отводит.

– Понимаете хоть – зачем вам это освящение жилища? – спрашивает.

– Так модно же! – удивлённо округляются глазки с размазанной косметикой. – Чем я хуже других?! А вы получили за свою работу, так молчите!

БЕЗ ГРЕХА

Благообразного вида старушонка священнику:

– Ой, батюшко, хотела бы причаститься да всё никак не получается!

– Иди на исповедь! – отвечает ей молодой батюшка. – Знаешь, что в Чаше-то находится?

Старушонка хитро поглядывает, почти шепчет заговорщически:

– Знаю... Да только не скажу.

– Евангелие читаешь? – продолжает допытываться священник.

– На столе всегда лежит, – отвечает бабулька.

– Так читаешь?

– Так на столе-то оно ведь лежит!

– Много грехов накопила?

– Ох, батюшко, много-много! – сокрушённо всплёскивает ручками старушка.

– Перечисляй тогда!

Бабулька задумывается, вздыхает вроде б как с огорчением:

– Да какие у меня грехи? Нету...

ПОСТ

Полуслепой, вдовец, давным-давно «за штатом», хромой отец Василий ковыляет помаленьку с базара. В авоське-сетке в крупную ячейку, болтающейся в его руке, просматривается мороженная куриная тушка.

Кто-то из новоявленных «фарисеев» радостно, с показным сокрушением на роже, бросается к старику:

службу в храм по Никольской...

Отреставрировали у нас недавно часовенку, освятили для верующих, в угловом здании бывшего горсовета открыли воскресную школу. Красивыми такими большими буквами на стене её название написали.

А чуть выше старая вывеска-указатель: улица Коммунистов.

Присоседились.

ПОРТФЕЛЬЧИК

Семейство причащается Святых Христовых Тайн. Две девочки постарше уступают

Подумалось: а что если бы не только дети, но и взрослые дяди и тётки с портфельчиками причащались почаще! Может, тогда и жили бы все в России лучше...

ДАНЬ МОДЕ

Молодой священник отец Сергей пришёл сам не свой:

– Пригласили меня освящать «новорусский» особняк... Час уж перед обедом. В вестибюле юная дамочка встречает. В одной прозрачной «ночнушке», коротенькой, по самое «не могу». Этак, спросонок, щебечет: «Вы работайте, работайте! Если я

– Батюшка, ведь – пост!

Отец Василий останавливается, скорее не зрением, а по звуку голоса находит укоровшего его, и обстоятельно изрекает:

– У кого – нет, у того и пост!

НИ ПУХА НИ ПЕРА

Молодой батюшка собирается на сессию в семинарию.

Литургия отслужена, проповедь кратка.

– Простите, дорогие прихожане, спешу на поезд, буду на сессии экзамены сдавать.

– Ни пуха ни пера вам! – звонко, на весь храм, восклицает какой-то малолетний шкет.

Батюшка смущён: ну, в самом деле, не посылать же пожелавшего ему успехов пацана туда, куда православному ни в коем случае не надо...

Но отгадим должное: два десятка экзаменов и зачётов сдал священник почти на одни пятёрки.

ПО ВРЕМЕНИ

Местный юродивый Толя Рыков сидит на паперти храма, как обычно, лопочет что-то взахлёб. Нет-нет да и проскочит в его речах крепкое словцо.

Солидная дама, выходя из храма и всё-таки, видать, собирающаяся пожертвовать Толе копейку, сожалеюще-брезгливо поджимает подкрашенные губы:

– Какой он у вас блаженный? Вон как матом ругается!

Опрятная старушка рядом отвечает:

– Так это он по топерийному времени...

ВСЁ-ТАКИ ПОЛЬЗА!

Бабулька тащит батюшке связку сухих позеленевших баранок:

– Хотела вот поросёнку отдать... Да ты возьми! Хоть помолишься о мне, грешной!

ФАНАТКА

У казначеи осторожно интересуются насчёт преми-

альных накануне праздника Пасхи.

– Вот посмотрите сами, сколько у нас при храме работников! – с укоровною трясёт дородная старушенция листом ведомости на зарплату со списком фамилий перед удручённо повесившими носы просителями. – И всем подай! А прихожане много ли приносят...

Через полчаса за обедом в трапезной казначея заводит разговор о юбилейном концерте Аллы Пугачёвой:

– Это же моя любимая певица! Жаль, что концерт по телику полностью посмотреть не удалось, в двенадцать ночи надо было молитвы вычитывать. А как там Филя выступал...

Суровая старушенция умильно закатывает глазки...

Вот когда надо бы было о премии выспрашивать!

НЕ В ТО РУСЛО

Батюшка Василиск, ещё не совсем старый, «полтинник с хвостом», но фигурой – разбухшее тесто, уже на инвалидности и в церкви за «штатом». Приболела у него, а вскоре и преставилась мать, и некому стало для великовозрастного чада готовить, стирать, всячески его обиходить.

По воскресным дням отец Василиск неизменно приходил помолиться в храм, и давние старушонки-прихо-

жанки начали подмечать, что батюшка-то стал всё больше походить на неряшливого бомжа. С подачи их, сердобольных, и развернулась за отцом Василиском «охота»...

Резко выделилась Инга Ибрагимовна из почтенного возраста дам, что в приживалки к нему определить попытались. Те кандидатки и выпить-пожрать не дурочки, и благосостояние их детей и внуков – первая забота, а сам-то батюшка уже на заднем плане, к его просторной квартире досадное приложение.

А Инга Ибрагимовна попросту пригласила к себе в гости.

Вот и пошли отец Василиск вместе со старым приятелем, таким же холостяком, любителем лишний раз выпить и закусить на дармовщинку, к ней.

Инга Ибрагимовна, хоть и за шестой ей десяток, брови подвела, щёки нарумянила, вырядилась в какое-то цветастое «кимоно». Глаз у Инги Ибрагимовны жгуче чёрен, с хитрецою настороженно прищурен, норовит до донца человечка проглянуть. И в голосе грудном, низком – убаюкивающие, с придыханием, нотки.

Столик в зале отсервирован: водочка, сухое вино, закусончик.

Сели, стали приглядываться друг к другу, разговор что-

то не клеился. Вроде и за-сучали. Приятель отца Василиска собрался уже было основательно подналечь на яства, выставленные на столе, чтоб уж вечер совсем не пропал понапрасну, и батюшку, не гребующего чревоугодием, за собой увлечь, как тут хозяйка вскочила из-за стола:

– Минуточку!

Она юркнула в соседнюю комнату, но вернулась тотчас и – будто подменили её: глаза по-дурашливому закачены, волосы всклоочены, взбиты вверх, руки возняты.

– Калам, балам!.. – зазавывала жуткую смесь из арабских, персидских и невесть ещё каких языков Инга Ибрагимовна.

Она долго, как припадочная, билась в конвульсиях, извивалась всем телом.

Гости ошарашенно пялились на неё.

– Чё это она? – озадаченный, спросил отец Василиск.

– Медитация! – со знанием дела вознёс палец более начитанный приятель и намахнул стопочку.

– А-а, бесы играют! – сообразил батюшка. – Интересно, интересно!..

Инга Ибрагимовна меж тем припрыгала к столу, стала делать над плешивыми головами гостей загадочные пассы руками.

– Суф! Суф! – как клушанаседка кудахтала она.

– Извините, а вы можете поспособствовать, чтобы у сухого вина появилась крепость водки? – деловито осведомился приятель отца Василиска.

– Или чтобы из водки нечистый дух испарился, а чистый спирт остался? – застенчиво улыбаясь, предложил отец Василиск.

– Ну, не продвинутые вы какие-то, мужики! – резко вернулась в нормальное состояние Инга Ибрагимовна. Она села за стол, наполнила бокал водкой и с придыханием осушила. Занюхала хлебной корочкой, захрустела свежепросольным огурчиком.

Свой в доску парень!..

Служила она когда-то в воинской части парикмахером в далёкой Германии, от воинов, солдат и офицеров, отбою не было, и потом, на «гражданке», она не раз пыталась устроить свою семейную жизнь да не получалось. Мужички попадались вроде бы и не хилые, но недолговечные, деток от них не завелось.

Вот и стал скоро отец Василиск для Инги Ибрагимовны вроде большого ребёнка. Корыстных «матрон», домогающихся батюшкиных квартиры и казны, она – где по-хорошему, а где и пригрозив, – отстранила. Даже старый приятель и тот оказался не у дел: нечего негативное влияние на батюшку оказывать.

Столкнулись с ним однажды у избирательного участка.

– За коммунистов голосуй! – подтолкнул отец Василиск под бок приятеля.

У того от изумления нижняя челюсть отвисла.

– Инга Ибрагимовна так говорит. Она ведь раньше была коммунисткой. В перестройку из партии вышла по идеологическим соображениям. Вот! Но делу по-прежнему верна. И коммунисты, хоть и нынешние, за простой народ.

Приятель, пуча глаза, промышчал что-то невнятное, замахал на отца Василиска руками, только что не перекрестился и задал дёру. «Дерьмократ»!

А ведь кабы согласился он проголосовать, то Ингой Ибрагимовной позволено было отцу Василиску пригласить его в гости. Да и батюшке самому хотелось похвастаться чистотой и уютom в квартире, сытным обедом из трёх блюд, порассказать, что теперь бабки не перешёптываются за его спиной, обсуждая, как раньше, его непрезентабельный внешний вид. Одет с иголочки! Живу, как кум министру!

Одна только ещё оставалась неувязочка: никак не

бросала Инга Ибрагимовна «шаманить», поднабравшись у всяких заезжих колдунов и экстрасенсов. Хотя и тут иногда своя польза проскакивала.

Есть у Инги Ибрагимовны крохотная дачка на бережку чистой лесной речки. Хозяйка туда уж давненько не ездила, но вместе с отцом Василиском собралась.

В покосившемся домишке куковать им скоро надоело, захотелось на речное плёсо. А там дачный народец толкётся, купается и загорает. Отец Василиск с такой жары с радостью бы сунулся в воду да постеснялся обнажить свои тучные телеса, облачённые в цветастые семейные трусы.

Инга Ибрагимовна пришла на помощь. Посреди речной протоки, наподобие островка, возвышался на отмени большой камень, туда она и забралась. И началось...

– Калам, балам!.. У-у-у! – только складки жирка из кулачка затряслись.

Народец дачный глазел на Ингу Ибрагимовну сначала с удивлением, потом с опаскою – из воды всё-таки выбрался, а потом и вовсе след его простыл. Может, это колдунья, и порчу запросто наведёт, или беглая сумасшедшая, что ещё хуже.

В блаженном одиночестве отец Василиск, наконец, погрузился в водную прохладу.

«Это ж какая энергия попусту пропадает! – косился он на свою раскосмаченную «экономиссу». – Её бы да в нужное русло, Богу на пользу... Окрещу, стерву!»

ТОСТ

Отец Федот – из прапорщиков, низкий, коренастый, даже какой-то квадратный, всегда то ли под хмельком, то ли просто так в узкие щёлочки плутоватые глазки свои щурит.

Из армии его вытурили, не дали дослужить всего пару лет до положенного срока. По особой, он бахвалится, причине: тогда ещё, в конце

восьмидесятых, замполит-дурак на построении сорвал нагельный крестик с шеи солдата, а Федот заступился за беднягу. Может, это и было последней каплей в его служебных прегрешениях: проговаривался Федот по пьяной лавочке, что, мол, и тушёнку в жестяных банках у него на складе мыши успешно и много кушали, и спирт из опечатанных канистр чудесным образом улетучивался.

Короче, оказался Федот в доме у стареньких родителей в деревеньке возле стен монастыря. Тихую обитель, бывшую полузаброшенным музеем под открытым небом, стали восстанавливать, потребовались трудники. Федот тут и оказался кстати. Плотничать его ещё в детстве тятка научил.

Потом забрали Федота в алтарь храма прислуживать, кадило подавать.

– Веруешь? – спросил игумен у перепачканного сажей Федота.

– Верую! – отвечивал тот.

– И слава Богу!

Самоучкой – где подсказут, а где и подопнут – продвигался Федот в попы. В самом начале девяностых востребованной стала эта «профессия», позарез кадры понадобились. А где их сразу «накуешь» среди напичканных советским мусором головушек? У кого хоть чуть-чуть просветление в мозгах образовалось, как у Федота, тому и рады...

В церкви, как в армии, единоначалие, и Федоту к тому не привыкать. Тут он – в своей тарелке.

Нет-нет да и высказывало из него прежнее, «прапорщичье», командирское. Бывало, служит панихиду. А какая старушонка глухая, не расслышит, как прочитали с поданной бумажки родные ей имена – с соседкой ли заболтается или ещё что, затебит настойчиво отца Федота за край фелони: уж не поленился ли, батюшко, моих помянуть?

– Так! – сгребёт за «ошеров» старую глухню Федот. И отработанным «командным» голосом огласит ей на ухо весь список. – Слышала?!

– Ой, батюшко, чай, не глухая я! – еле отпыхается со страху старушонка.

Отец Федот развернётся к остальным и с угрозливыми нотками в голосе спросит:

– Кто ещё не слышал?!

Все попятятся...

В определённые моменты на литургии все молящиеся в храме должны становиться на колени. Но бывает так, что кроме богомольцев, просто находящихся и случайно сюда забежавших людей куда как больше. Стоят, глазают, а то и болтают.

Отец Федот строг, тут вам не музей: выглянет, топорщась бородищей, из алтаря и рявкнет, как на солдат на плацу, для пущей убедительности сжимая кулак:

– А ну-ка все на колени!

И бухались дружно. Даже доски деревянного пола вздрагивали.

На солдафонские повадки отца Федота никто особо не обижался: что взять, испортила хорошего человека армия...

Как раз в праздник Победы пригласили отца Федота освятить офис одной преуспевающей фирмы. Хозяева и сотрудники охотно подставляли раскормленные холёные хари под кропило батюшке, а потом, сунув ему «на лапу», и за банкетный стол бы, чего доброго, «позабыли» пригласить. Но отец Федот – человек не гордый, сам пристроился.

Только наскучило ему всё скоро: был он, пока кропилом размахивал, главным героем момента, а теперь и в упор никто его не видел – пустое место. Вели «фирмачи» какие-то свои, непонятные ему, разговоры, лениво потягивали из бокалов заморские вина, нюхали чёрную икорку.

Ощутил себя отец Федот тут инородным телом. И зацепило его ещё: о празднике

никто из присутствующих и не вспомнил даже. Решил он тогда встряхнуть всех старым армейским тостом. В большущий фужер из-под мороженого налил мартини, плеснул виски, сухого, пива, водочки...

Кое-кто с недоумением косился на отца Федота. А он встал из-за стола, под умолкающий шум вознёс свою «братину», в почти полной уже тишине опрокинул её в себя и, зычно крякнув, выдохнул:

– Смерть Гитлеру! И всем буржуйам!

ВЛАСТЬ БЕЗ ПОЛА

В самом древнем соборе в городе власти разрешили отслужить Пасхальную Вечерню.

Собор – музей, в гулком его нутре холодно, сыро. За толстыми стенами вовсю бует весна, а здесь впору в зимнюю одёжку упаковываться.

В алтаре священнослужители терпеливо ждут архиерея, разглядывают старинные фрески на стенах.

Вдруг в алтарь бесцеремонно влетает немолодая дама, затянута в джинсовый костюм с блестящими заклёпками, на голове – взломаченная кудель рыжих крашенных волос.

– Вы куда? Женщинам же сюда нельзя! – с тихим ужасом восклицает кто-то из молодых батюшек.

– Я не женщина! – нисколько не смущаясь, отвечает «джинсовая» дама. – Я главный инженер!

И неторопливо бродит по алтарю, смотрит на датчики на стенах, фиксирующие процент влажности, записывает что-то в блокнотик.

Сделала своё дело и – как ни здарсьте, так и ни до свидания!

Все оторопели. Немая сцена...

НЕ ЗАЗНАВАЙСЯ!

Настоятель храма из районного городка давненько в областной столице не бывал,

даже архиерей успел поменяться.

Надо ехать, брать благословение у нового.

Приехал, зашёл во двор епархиального управления. Видит: автомобиль чинят, из-под него ноги чьи-то торчат. Батюшка был то ли из отставных вояк, то ли из «ментов», церемониться с простым, да тем более с обслуживающим человеком особо не привык:

– Эй ты, водила! – окликнул он ремонтника и даже подошвам ботинок того легонько попинал. – Не знаешь, новый владыка на месте?

Ремонтник молча и неторопливо выбрался из-под автомобиля и, обтирая тряпкой испачканные маслом руки, с нескрываемым любопытством поглядел на вопрошавшего:

– Вообще-то, я не – водила, а ваш новый владыка!

Батюшка тут и сел...

ПОДРОСТОК

Старый заслуженный протоиерей, бородача с проседью – вразлёт, был нрава сурового, жёсткого:

слово молвит – в храме все трепещут. А у его сына Алика пухлые щёки надуты, будто у ангелочка, румяньки, глаза добрые, бесхитростные. Уваженья увальнем.

Батюшка не церемонился долго: повзрослевшему сынку predetermined семейную стезю продолжать. Замолвил, где надо, веское своё словечко, и готово: Алик – поп. Не стал парень отцу перечесть – молодец, но только рановато ему было крест иерейский надевать.

Служил отец Алик в храме исправно – с молодых ногтей всё впитано. Да вот только при-

ключилась беда или недоразумение вышло: обнаружилась у молодого батюшки две, вроде бы взаимоисключающие друг друга страсти – велосипеды и компьютеры. В свободные часы Алик до изнеможения по дорогам за городом гоняет, вечерами за компьютером «зависает».

Утречком мчит он на службу на своём «велике», влетает в ворота церковной ограды, весело кричит:

– Смотри, отец диакон, как я без рук могу ездить!

И выписывает кривули по двору, только крест между раскрытых пол курточки на его груди поблёскивает. Бабки-богомолки озираются, испуганно сторонятся и торопливо крестятся.

Юная матушка у Алика – не тихоня, не прочь молодого мужа на увеселения какие-нибудь затасовать, хоть на дискотеку.

Рвал, рвал себя Алик пополам да и однажды не выдержал: пошёл в епархиальное управление и прошение «за штат» на стол положил.

– Не дорос я... Подросту, вернусь!

Проявился-таки полученный по наследству отцовский непримиримый характерок!

Старого протоиерея спрашивали, бывало, потом про сына.

– Компьютерную фирму открыл, соревнования в Москве выиграл, – чуть заметно смущаясь и будто бы оправдываясь, говорил протоиерей. – Но... вернётся ведь ещё, даст

Бог!

КТО ТАКОЙ ИДИОТ

Юный батюшка и старик-диакон служат в храме панихиду. В чём-то оплошали: старый подсказал неопытному да, видать, невнятно. Тот не расслышал, не понял, сделал что-то не так.

Настоятель тоже из молодых-ранних: от собственной значимости и гонору головёнка кружится.

– Идиоты! – цедит сквозь зубы. – Олухи!

Негромко сказал, но услышали. Старый горестно вздохнул – он всего повидал и ко всему привык, только всё равно не больно приятно. А у юного от обиды аж губы закривились и запрыгали.

– Да полно вам расстраиваться! – после панихиды утешил, как мог, Алексей-божий человек. Такой мужичонко всегда при храме обретается на всяких побегушках, на все руки он мастер и за словцом в карман не полезет.

– Вон, Диму-дауна каждую неделю причащать приводят! Какие у него грехи хоть в поступках, хоть в помыслах? Чист, аки ангел! Вот вы б и гордились, что вас так назвали!

ДЕЛОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Одолели божжи. С холодами порядочной

компанией обосновались в притворе храма, хватают за рукава прихожан, «трясут» милостыню. Настоятель, бедный, не знает как отбиться от них: иной здоровенный дядя, одетый в шмотки с чужого плеча куда как «круче» многодетного молодого батюшки, гнусавит протяжно, заступая дорогу:

– Я кушать хочу! Дай!..

Выручает казначей – тётка бывалая, «тёртая» жизнью. Храм, хоть и в центре города, но верующим возвращён недавно, обустриваться в нём только-только начали. Чтоб не застынуть в мороз, поставили печки-временки, привезли и свалили на улице возле стены храма воз дров.

Казначей и обращается к бомжам с деловым предложением:

– Берите рукавицы, топоры, и – дрова колотить! Всех потом накормим!.. Ну, кто первый, самый смелый? Ты?

Бомж в ответ мнётся, бормочет себе под нос: «Да я работать-то и отвык...» и – бочком, бочком – на улицу!

Следом – остальные. Как ветром всех сдуло!

ДАЙ ДЕНЕГ!

К отцу Сергию в церковном дворе «подгребают»

бомж. Мужик ещё не старый, здоровяк, подбитая рожа только пламенее, и перегарищем за версту от него разит едва с ног не сшибает.

– Дай денег! – просит у батюшки.

А у того детей – мал мала меньше, полная горница!

– Не дам, – говорит отец Сергей. – Мне чад кормить.

– А я вот семью свою потерял, потому и пью. Не могу без них, и до такой жизни дошёл, – пытается разжалобить священника бомж и приговтавливается, видимо, выдавить слезу.

– А ты не пей! – со строгостью отвечает отец Сергей. – И всё вернётся.

«Бомж» чувствует, что терпит «фиаско» и кричит раздражённо:

– Я... я... Афган прошёл!.. Напишу вот корешам, они мне столько денег пришлют, что и тебе дам!..

Другой бомж – потише, на фантазии его не тянет, в состоянии крайнего возбуждения он приходит только в одном случае, когда в церковный двор въезжает шикарная иномарка, и навстречу ей торопится батюшка с кропилом.

Освящение машины – дело серьёзное, тут хозяин

подстраховаться от всякой беды хочет, стоит – весь во внимании. Щедро кропит батюшка иномарку святой водичкой, а тут невзрачный оборванный мужичонка к хозяину подскакивает и – дёрг его за рукав!

– Дай денег! – кричит и щерит в беззубой улыбке рот.

Бритоголовый хозяин в другом бы месте без разговоров в ухо просителю въехал, но тут возле храма – нельзя. А «бомж» не отстаёт, то за один рукав, то за другой опять дёргает.

– Да – на! Отсохни! – сует, наконец, «бомжу» купюру.

А тому только то и надо, будет ждать-дождаться до следующей поживы. Иноземного «авто» в России хоть пруд пруди, миллионером можно так сделаться.

КАПЕЛЬКА

Жоржа на спор прокрутили на лопасти винта вертолёта когда-то во время срочной его службы в армии, и с той поры жизнь вращала и вертела бедолагу, бросала в разные стороны.

Кончилось тем, что оказался Жорж перед самым выходом на пенсию у нас на приходе, бобыль бобылём, единственная родня – брат в деревне, да и тот бродягу Жоржа принять отказался. Всё хозяйство и богатство Жоржа – допотопный обшарпанный чемодан, набитый всякой бесполезной всячиной, обмотанный цепью, замкнутой на висячий, приличных размеров, замок.

Притулившись к приходу, Жорж взирал на молодого настоятеля, как на бога. Пономарничая – прислуживая в алтаре он, разинув рот, ловил каждое его слово. Да вот беда – седая башка у пожилого Жоржа была с порядочной дырой: что влетало туда, тут же, без толку пошарабившись, вылетало обратно. Настоятель молодой, горячий: Жорж от его раздражённых окриков и упрёков тычется растерянно во все уг-

лы, словно слепая курица. И смех, и грех!

«Уйду! Уйду! Уйду!» – отходя от службы, скуилт забитой псиной в укромном местечке умаявшийся Жорж, однако же на следующее утро опять ожидает смиренно настоятеля. Смотрят все на беднягу жалеючи: точь-в-точь готовый услужить господину послушливый раб – от усердия и беготни аж подмётки сапог, того гляди, задымятся!

Но не так прост наш Жорж!

В запертую дверь алтаря снаружи пытается постучаться диакон: обе руки покалажены заняты.

– Отопри, Жорж!

– Не инвалид! В другую дверь обойдёшь! – ворчит недовольно Жорж и не трогается с места.

Что ж, каждый по «капельке выдавливают из себя раба»...

ТРИДЦАТЬ СРЕБРЕННИКОВ

Писатель служил диаконом в храме. Дожил и дослужил он до седой бороды; писателем его никто не считал и называл если так – то за глаза, ухмыляясь и покручивая пальчиком возле виска.

Мало кто знал, что на дне старинного сундука в отцовском доме лежала толстая стопка исписанных бумажных листов, «семейная сага» – история рода, над которой он в молодости за столом корпел ночами. Все встряхивающие в прошлом веке родовые события, образы дедов и бабок, дядек и тёток, удачливых в жизни или бесшабашных до одури, укладывались помаленьку в главы книги.

Тогда же он, с радостным трепетом поставив последнюю точку, послал рукопись в один из журналов, и оттуда, огорошив, ему ответили, что, дескать, ваши герои серы и никчёмны и что от жизни такой проще взять им лопату и самокопаться. А где образ передового молодого рабочего? Нету?! Ату!!!

Обескураженный автор спрятал рукопись в тот злополучный сундук, втайне всё же надеясь, что ещё придёт её время...

О своей «саге» диакон, видимо, обмолвился кому-то из иереев, тот – ещё кому-то, узнала о ней и одна интеллигентная бабушка-прихожанка, решила помочь. Схватила диакона-писателя за рукав подрясника и потащила к спонсору. Куда ж ныне без них, сердешных, денешся, тем более среди прихожан таковые имелись. А этот, по слухам, ещё и из поповичей выходец.

В назначенный час диакон и тётка топтались у подъезда особняка-новодела в центре города. Хозяин его, глава фирмы по продаже чистой воды за рубеж, лихо подрулил на иномарке. Ладный такой старичок, спортивного вида, в отутюженном костюмчике; глаза изпод стеклышек очочков – буравчики. Рукопожатие крепкое.

– Преображенский! – представился он и сказал диакону: – Вы давайте сюда свою рукопись, я ознакомлюсь и решу. Вас, когда понадобится мне, найдут...

Переживал, конечно, писатель несколько томительных дней и ночей, мало ел, плохо спал. Наконец позвонили прямо в храм за свечной «ящик»: Преображенский приглашает.

Он ждал диакона на том же крыльце, вежливо открыл перед ним дверь в офис; охранник-детина, завидев за писателем шефа, вскочил и вытянулся в струнку. Преображенский провёл гостя в свой большущий просторный кабинет с развешенными на стенах полотнами-подлинниками местных художников.

– Вас, наверное, предупредили... – начал он разговор. – А, может, и нет. Я был начальником отдела контрразведки одного известного учреждения. Впрочем, ладно, не в этом суть.

«Вот влип!» – подумал про себя диакон и слегка вспотел.

– Откуда вы для своей книги сведения черпали? Героев своих расписывали? Из рассказов родственников, соседей? Да? Но всегда ли эти байки объективны были, не обиду или злобу затаив, сочинял иной гражданин разные страшилки про коллективизацию или работу органов? Вас-то в это время ещё не было на свете!.. У меня самого прадед-священник в двадцатом году во дворе тюрьмы от сердечного приступа преставился, когда на допрос чекисты выкликнули. Но мне это родство потом в жизни помехой не стало...

Преображенский говорил и говорил, не давая бедному писателю и слова втиснуть. Оставалось только тому согласнo мычать да глаза пучить.

– Зачем ещё одна такая книга, где о советском прошлом так плохо и ужасно?.. Денег на издание её я вам не дам... Но не спешите откланиваться! – остановил диакона несостоявшийся спонсор. – У меня есть к вам деловое предложение. А что если вы напишите такую книгу, где коллективизация, чистки и всё другое было только во благо, во имя высшей цели?! Вот это вас сразу выделит из прочего мутного потока! А я готов платить вам жалование каждый месяц, такое же, как у вас в храме. Подумайте!

Диакон вышел на крыльцо, нашёл взглядом маковки церковных куполов невдалеке и, прошептав молитву, перекрестился.

Ничего не стал он писать. А рукопись свою опять спрятал на дно сундука.

г. ВОЛОГДА

Николай Александрович Толстик родился в 1958 году. Окончил Литературный институт имени А.М.Горького, работал в газетах. Принял духовный сан, и ныне – священнослужитель храма святителя Николая во Владычной слободе города Вологды.

Вряд ли можно говорить сегодня о селькупской литературе, если подразумевать под этим опубликованные авторские тексты на селькупском языке: перечень подобных изданий для северных селькупов будет ограничен двумя публикациями песенных

тая информация о мифологических представлениях и фольклоре северных селькупов была явлена российской читающей публике в статье под названием «Бродящие народы Туруханского края», опубликованной в четырёх номерах казанского журнала «Заволжский муравей» за

восхищение, но её суровость порождает вопрос, почему люди пришли в эти места и живут здесь, преодолевая немалые трудности. На первый взгляд, люди эти (остяки, самоедь, тунгусы) кажутся ему такими же дикими, как и окружающая их природа, однако более при-

Ольга КАЗАНЕВИЧ

ЕЩЁ НЕ ВСЁ ПОТЕРЯНО

Сокровища фольклора северных селькупов как база для развития селькупской литературы

текстов [Северные россыпи 1962; Сборник песен 1999] и некоторым количеством разбросанных по учебникам для начальной школы небольших рассказов. Однако этот факт отнюдь не означает отсутствия у селькупов словесного творчества. Существует богатейшая селькупская фольклорная традиция, отражающая мифологические, мировоззренческие, этические и исторические представления народа, передававшаяся многие годы из поколения в поколение, впитывшая в себя новые элементы под влиянием языковых и культурных контактов и по счастью сохраняющаяся у северных селькупов до сегодняшнего дня. Громадный творческий потенциал селькупского слова заключён в фольклорных текстах, исходное естественное бытование которых – устная традиция.

По-видимому, самая ранняя относительно развёрну-

1833 г. [Маслов 1833]. Это выдержки из отчёта, составленного неким полковником Масловым. Автор, оказавшийся в Туруханском крае по долгу службы, весьма эмоционально описывает его природу и обитателей, выказывая при этом живость ума, наблюдательность и искренний интерес к происходящей вокруг него непривычной жизни. Дикая, не тронутая человеком природа приводит полковника в

стальное рассмотрение, «дознание» с целью понять, чем жив человек в этом суровом и прекрасном крае, позволяет Этнографу (именно так, с большой буквы пишет это слово пытливым полковником) увидеть кое-что из того, что поначалу оставалось сокрытым.

По сведениям Маслова, селькупы верили в некое высшее божество, имя которому *Нам*, однако более почитали низших духов, спо-

собных навредить им, и старались этих духов всячески задобрить. Помощи в своей повседневной жизни они могли искать и у представителей пантеона или святых других религий (так, случилось, что с просьбой об удачной охоте они обращались к образу Николая Чудотворца, а в случае удачи клали подарок святому за божицу).

Далее полковник сообщает, что среди селькупов, как и среди других бродячих народов Туруханского края, очень развит институт шаманства, причём шаманы не являются отдельной кастой, однако пользуются всеобщим уважением и гордятся своим избранничеством; он даёт описание шаманской болезни и рассказывает, как опытный шаман помогает новому избраннику совладать с мучающими его духами и научиться повелевать ими, как впоследствии молодой шаман получает свои атрибуты (колодушку, бубен, парку, железную крылатую шапку и проч.).

Но самым замечательным в публикации 1833 г. является пересказ двух преданий северных селькупов. Первое повествует о переселении селькупов на реку Таз. Речь в нём идёт о четырёх братьях, пришедших с запада. Измождённые и изголодавшиеся, не в силах добыть себе пищу, они лежали на берегу Таза, большой, не знакомой им реки и уже готовы были проститься с жизнью, как вдруг на старшего брата, который, оказывается, был шаманом, снизошло вдохновение, у него выросли крылья, и он взлетел высоко в небо, а затем погрузился в воды реки и вынырнул «униженный с ног до головы рыбами». С тех пор селькупы стали жить и рыбачить на Тазу. Этот сюжет, насколько нам известно, никем более не фиксировался. Второе предание, напротив, представляет собою едва ли не

самый популярный у северных селькупов и по сей день сюжет о селькупском старике *Нёмьль Поркы*, хитростью истребившем ненецкое войско (в варианте, излагаемом Масловым, ненцев было 50 человек, а старику помогала его жена, в более поздних записях ненцев может быть 30 или просто много, а помощницами старика выступают его снохи – две, три или семь).

Первыми записями селькупского фольклора на селькупском языке мы обязаны замечательному финскому лингвисту М.А. Кастрену, но его текстовые материалы относятся преимущественно к южным селькупам. Четыре текста, записанные М.А. Кастреном на диалекте тазовских селькупов, имеют очень небольшой объём и представляют собой бытовые зарисовки [Castrén 1974: 369-372]. Известно, что фольклор северных селькупов записывал К. Доннер, причём он первым (в 1914 г.) сделал аудиозапись селькупских шаманских песен, в том числе и от шаманов с р. Таз. К сожалению, плохое качество тогдашней аудиозаписи до сих пор не позволило сделать полную расшифровку текстов этих песен. Расшифрованные фрагменты двух песен шамана Пана Андреева дают возможность судить об общем содержании этих песен. В одной песне говорится о раскачивании шамана при вхождении в транс, вторая, по-видимому, описывает путешествие шамана в нижний мир за душой большого и призывание этой души.

Важнейшим этапом в сборе и осмыслении материалов по северному селькупскому фольклору стала работа Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых. Они принадлежали к последнему поколению этнографов, для которых исследование материальной и духовной культуры народа было немислимо без знания языка этого народа, ибо, как писал В. Гумбольдт, именно

язык является ключом к пониманию духа народа. Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы прожили среди селькупов три года (1925–1928). В те времена традиционное мировоззрение народа ещё не было разрушено инновациями нового строя. Достаточно сравнить описания шаманских камланий или шаманской болезни юного избранника духов, приводимые полковником Масловым в статье 1833 г., с описаниями камланий и шаманской болезни, сделанными Г.Н. Прокофьевым [1928; 1930], чтобы увидеть, что за столетие в жизни селькупов Туруханского края мало что изменилось. Собственно, работая в первой в Туруханском крае школе для детей «бродящих народов», где преподавание чтения и письма велось на родном языке этих детей, Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы объективно сами способствовали разрушению традиционного мировоззрения, объясняя детям, как устроен мир с точки зрения современной им европейской науки. В то же время, с пристальным вниманием относясь к миропониманию, которое, по господствовавшему в те времена представлению, должно было уступить место новой, более прогрессивной идеологии, они старались как можно более полно и адекватно это миропонимание описать и проанализировать. И ключом к анализу был для них язык, обслуживавший это миропонимание и его отраживший. Не случайно Г.Н. Прокофьев, будучи по образованию этнографом, ничуть не менее известен как лингвист, автор первой развёрнутой селькупской грамматики [1935]. Огромное значение для исследования фольклора северных селькупов имеет записанный Г.Н. Прокофьевым корпус текстов, хранящихся в Архиве Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых в МАЭ РАН (Кунсткамере). Список, составленный са-

мим Г.Н. Прокофьевым, включает 45 текстов, из которых к настоящему времени три опубликовано ещё самим собирателем [Прокофьев 1935; 1937] и один – совсем недавно (через 85 лет после записи) [Казакевич 2010]. После смерти Г.Н. Прокофьева (зимой 1942 г. в блокадном Ленинграде) Е.Д. Прокофьева неоднократно возвращалась к работе над его (и наверняка её) записями селькупского фольклора, она готовила публикацию фольклорных текстов, но публикация эта так и не состоялась, и произошло это отнюдь не по её вине. Герои большинства селькупских текстов из архива Прокофьевых – шаманы. Несколько сюжетов представляют собой различные эпизоды селькупского эпоса в том виде, как этот эпос предстаёт в описании К.Доннера [Donner 1913], но герои этих сюжетов выступают под разными именами: *Ича*, *И*, *Ая*. Замечательный текст о шамане *Кэнгырсыля*, его путешествии (шаманской дороге) и его приключениях, завершившихся получением от русской администрации должного сборщика ясака, неоднократно публиковался по-русски (публикацию готовила Е.Д. Прокофьева), однако селькупский текст до настоящего времени не опубликован. Есть среди текстов легенды о шаманских войнах, жестоких и кровавых, причём в одном из текстов приведено подробное описание процедуры проводимого шаманом оживления человека; есть героические легенды о войнах с ненцами, в том числе, и о старике *Нёмаль поркы*. Сказка о женитьбе божьего сына (или сына неба) может быть отнесена как к мифологическим, ибо в ней говорится о возникновении Млечного Пути, так и к дидактическим, так как в ней наглядно демонстрируется, как следует и как не следует вести себя молодой женщи-

не в семье мужа. Наконец, в архиве имеется записанные Г.Н. Прокофьевым два фрагмента шаманских камланий, один из которых начисто переписан, выверен и снабжён литературным переводом на русский язык самим собирателем; по-видимому, Г.Н. Прокофьев собирался опубликовать этот текст, но не успел.

Не менее ценной коллекцией селькупского фольклора является корпус текстов, записанных Л.А. Варковицкой на Турухане и его притоках Верхней и Нижней Баихе летом 1941 г. По объёму он превосходит корпус Г.Н. Прокофьева примерно вдвое. Он состоит из 94 текстов, преимущественно фольклорных. Среди них сказания о селькупских богатырях и их войнах с ненцами, сказочные циклы о селькупской женщине *Нэтэнке* и ведьме-лягушке *Томнэнке*, имеющие ярко выраженную дидактическую направленность, сказки об *Иче* и чёрте, об *Ийе* и его безносом и безухом слугах, о страшных людоедах-*йеречи*, их вредоносных зубах и отважном двуногом жеребце, помогающем оживить хозяина, о лесной чертовке, о мальчике, проглоченном чёртом и выбравшемся наружу (точь-в-точь один из эпизодов из жизни *Итте*, записанный на юге). Особую часть текстов составляют шаманские истории, среди которых настоящей жемчужиной является описание шаманской дороги, путешествия шамана в страну мёртвых.

Существенную часть неопубликованного фольклорного богатства архивов Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых и Л.А. Варковицкой предполагается включить в том «Фольклор северных селькупов» из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», который сейчас находится в стадии подготовки.

В 1950–1970-е годы сбором селькупского фолькло-

ра, в том числе и фольклора северных селькупов занимался А.П. Дульзон со своими учениками, прежде всего А.И. Кузьминой. Несколько текстов, записанных А.П. Дульзоном в с. Фаркове, было опубликовано в [Дульзон 1966]. Несколько фольклорных текстов на говорах северных селькупов хранятся в архиве А.И. Кузьминой в Гамбурге.

Единственный на сегодняшний день полностью опубликованное собрание фольклорных текстов на говорах северных селькупов – это записанный в 1970-е гг. участниками экспедиций отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова, проводившихся под руководством А.И. Кузнецовой, корпус, состоящий из 28 фольклорных текстов [Очерки 1993]. В нём представлено большое количество текстов об *Иче* (*Ича* и чёрт, *Ича* и богатый ненец; мыши, объедающие *ичину* плоть и отгрыивающие её обратно), героические легенды, в том числе история старика *Нёмаль Поркы*, и рассказы о подвигах кетского богатыря *Палны*, освоенного селькупской фольклорной традицией.

В 1980-е гг. сбором фольклора северных селькупов занимался В.В. Рудольф. Русский перевод, точнее, пересказ восьми записанных им сказок вышел уже после его смерти, в 1996 г. в с. Красноселькупе в качестве литературного приложения к районной газете «Северный край». Начиная с 1980-х гг., в этой газете время от времени публиковались обработанные русские переводы селькупских сказок, записанных на Тазу В.В. Рудольфом, Е.С. Сморгуновой и сотрудниками районного центра национальных культур. К сожалению, отсутствие селькупских вариантов текстов и литературная обработка переводов несколько снижают ценность этих публикаций.

К счастью, сохранность языка у северных селькупов лучше, чем на юге, и возможность записи аутентичных фольклорных текстов сохраняется до сих пор. В 1996–2012 гг. автором настоящей статьи записал значительный по объёму корпус фольклорных текстов на разных говорах северных селькупов (всего около 130 текстов, в том числе героические сказания о селькупских богатырях, их странствиях и борьбе со змеями, чертями и вражескими воинами, а также две шаманские песни). Сопоставление текстов, записанных в последние полтора десятилетия, с записями первой половины XX в. показывает удивительную устойчивость селькупской фольклорной традиции в северном ареале [Казакевич 2000]. Корпус текстов на

ных записях. Примером одной из таких инноваций является цикл из трёх героических эпических сказаний, записанных в 2002 г. в Красноселькупе от В.К. Аксандакова.

Тексты построены примерно по одной схеме: после зачина следует уход героя из дома, иногда предваряемый вещим сном и/или выбором соответствующего снаряжения и транспорта для будущих подвигов, путешествия (движение куда глаза глядят или куда указывает вещий сон), перемежающееся встречами с униженными и оскорблёнными, нуждающимися в помощи и защите, с одной стороны, и поединками с оскорбителями – лютыми врагами селькупов и всего рода человеческого, с другой (разумеется, все поединки завершаются победой героя). Кроме того, во

торий *Пюна-Кэсы* и *Хозяина-Тоцего-Быка*, граница продолжает нарушаться врагом); однако окончательную победу над врагами и свадьбы героев-богатырей мы видим только в конце последней истории нашего мини-сериала.

Главные враги селькупских богатырей в текстах В.К. Аксандакова – это традиционные враги героических легенд северных селькупов ненцы. Герои бьются с тремя ненцами братьями, а также с чёртовыми братьями, тремя змеями, старухой (впоследствии оказавшейся ведьмой). Рассказчик хочет продемонстрировать своё знание традиционных текстов и умение их исполнять, для него важно, чтобы его рассказы получились достаточно продолжительными. Заслуживает внимания фрагмент первого текста,

среднетазовском и баишенском говорах северных селькупов записан в 1998–2003 гг. А.И. Кузнецовой. Несколько текстов из этих собраний также будут представлены в готовящемся томе «Фольклор северных селькупов».

Признаком того, что фольклорная традиция северных селькупов не только жива, но и продолжает развиваться, служат инновации, встречающиеся в современ-

ное время путешествия герой встречается с единомышленниками и соратниками по борьбе с мировым злом. Каждый из текстов заканчивается победой героя и его соратников над врагами и установлением справедливого миропорядка, однако итоги двух первых текстов (например, утверждение *Тэмты-Йечиком* границы селькупской территории), носят промежуточный характер (как явствует из ис-

рассказывающий о встрече героя цикла с богатырями «старой волны»: стариком *Нёмаль-Поркы* и Палной (кетским Бальной). Интересно, что заимствованный фольклорный персонаж предстаёт у рассказчика абсолютно освоенным (и присвоенным) селькупской традицией, превратившимся в «ветхозаветного» селькупского богатыря.

В текстах заметно влияние русской фольклорной

традиции: богатыри-змееборцы, постоянные троекратные повторы событий и др. Однако все три текста цикла рассказаны замечательным селькупским языком с абсолютно не редуцированной (по сравнению с

текстами 1970-х годов, записанных на том же говоре) грамматикой, они изобилуют устойчивыми фольклорными формулами, идиоматическими выражениями и синонимическими рядами, используемыми при описании однотипных событий – в бытовой речи такое встречается нечасто.

В заключение отмечу два типа селькупских текстов, существующих в записях лингвистов и стоящих между фольклором и литературой – истории жизни и охотничьи рассказы. Подобно фольклорным текстам, истории жизни и охотничьи рассказы порождаются (а сегодня и фиксируются) в устной форме и только затем переводятся в графическую запись. Подобно литературным текстам, тексты эти авторские: рассказчики не передают (пусть с некоторыми изменениями и дополнениями) то, что когда-то слышали от других, а рассказывают о собственном опыте, о том, что происходило непосредственно с ними или с их родственниками. Рассказы о жизни бывают не менее красочными и увлекатель-

ными, чем фольклорные тексты. Это поистине образцы мемуарной литературы, и как практически все произведения мемуарной литературы, они рассказывают не только о жизни отдельных людей, но и о времени, в котором жили и живут эти люди. Три селькупских рассказа о жизни из собрания автора статьи опубликованы, ещё 15 будут опубликованы в ближайшее время в книге «История России в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков», которая выходит в издательстве РГГУ в 2013 г. В дальнейшем планируется издание сборника селькупских охотничьих рассказов.

Представляется, что богатейший селькупский фольклор, с одной стороны, и повседневный опыт поколений, выражающийся, в частности, в рассказах старших о прожитом, с другой, могли бы стать основой развития селькупской литературы сегодня. Однако следует помнить, что непременным условием становления и развития селькупской литературы является сохранение и развитие селькупского языка, главного инструмента будущих селькупских писателей.

Литература

- Алатало 1997 – Алатало Я. Путешествия Кая Дннера по Кети в 1912 г. // Земля Верхнекетская: сборник научно-популярных очерков к 60-летию образованию Верхнекетского района. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 131-144.
- Казакевич 2000а – Казакевич О.А. Фольклорные тексты баишенских селькупов: 1941-1999 годы // Материалы II Всероссийской конференции финно-угроведов. Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки). Саранск, 2000. С. 403-408.
- Казакевич 2000б – Казакевич О.А. Автобиографический рассказ как жанр селькупского фольклора // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание национальных языков. Материалы международной конференции «XXII Дульзонские чтения». Часть III. Томск, 2000. С. 81-89.
- Казакевич 2002 – Казакевич О.А. Жизнь фольклорных сюжетов северных селькупов во времени и в пространстве // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания / Сост. В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева. М.: Индрик, 2002. С. 483-497.
- Казакевич 2010 – Казакевич О.А. Архив Е.Д. и Г.Н. Прокофьевых: самодийские языковые

материалы // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Band 32/33. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2010. С. 257-278.

Казакевич 2012 – Казакевич О.А. Селькупский богатырский эпос: современная запись // Лингвистический беспредел – 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой / Под общей редакцией чл.-корр. РАН, проф. А. Е. Кибрика. Составители: Т. Б. Агранат, О. А. Казакевич, Е. В. Кашкин. М.: МГУ, 2012. С. 116-120.

Казакевич, Будянская 2010 – Казакевич О.А., Будянская Е.М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие) / Под ред. О.А. Казакевич. Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2010.

Казакевич и др. 2013 – Казакевич О.А., Будянская Е.М., Галямина Ю.Е., Клячко Е.Л., Митрофанова Н.К. Рудницкая Е.Л. История России в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков / Под ред. О.А. Казакевич. М.: РГГУ, 2013 (в печати).

Кузнецова А.И. Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения). Воронеж, 2007.

Кузнецова, Хелимский 1989 – Кузнецова А.И., Хелимский Е.А. Селькупские материалы в рукописном наследии Л.А.Варковицкой // Советское финно-угроведение. 1989. Т. 25, № 1

Маслов 1833 – Маслов, г. полковник. Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии. // Заволжский муравей. Казань, 1833. №№ 5 (275-291), 7 (392-415), 9 (506-529), 10 (562-575).

Мифология 2004 – Тучкова Н.А., Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Ким-Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов / Энциклопедия уральских мифологий. Том 4. Томск, 2004.

Очерки 1993 – Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Ч. 2 / Под. Ред. А.И. Кузнецовой. М.: 1993.

Прокофьев 1928 – Прокофьев Г.Н. Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. № 2. С. 96-103.

Прокофьев 1930 – Прокофьев Г.Н. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Известия ЛГУ. Л., 1930. Т. 2. С. 365-373.

Прокофьев 1935 – Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. 1. Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1935.

Прокофьев 1937 – Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Часть 1. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М., Л., 1937. С. 91-123.

Сборник песен 1999 – Сборник песен народов Севера. Вып. 3. Старинные и современные селькупские песни. Салехард, 1999.

Северные россыпи 1962 – Ленин ильча. Посуколь мае // Северные россыпи. Сборник творчества северян / Сост. Л.С. Лаптева. Салехард, 1962.

Castrén 1974 -Castrén M.A. Wörterverzeichnis aus dem samojedischen Sprachen. Kopenhagen: Rosenkilde und Bagger, 1974.

Donner 1913 – Donner K. A Samoyed Epic // Journal de la Société Finno-Ougrienne, 30 (26). Helsinki, 1913-1918. Русский перевод: Доннер К. Самоедский эпос // Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 1915. Т. 3. Вып. 1 (Перепечатано в кн. Земля Верхнекетская: сборник научно-популярных очерков к 60-летию образованию Верхнекетского района. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 145-162).

Kazakevitch, Olga. Two Recently Recorded Selkup Shamanic Songs // Shaman. Szeged, 2001. Vol. 9. N 2. P. 143-152.

УВАЖАЕМЫЕ ДНЕВНИК

1967

3 янв. 67 г.

Год был логичным. 1 янв. был пожар, и 31 декабря был пожар. Тушили Бражников, я и Цветков с трактором. Я и Бр. тушили потому, что ветер был в нашу сторону и искры перелетали через дом. Горел клуб. Теперь мы обесклубленные. На бесклубье. Клуб был в клубах. Пришёл Клим – искал денег. – Не денег тебе надо, – сказал я, – а меходежду. И мотай в тундру. Пантелеева придет, тебя убьёт.

Я поймал 2 обгорелых листочка. Шевченко «Сон», кот. я должен был прочесть на вкнл. чтении, но не успел. И теперь уж не прочитаю.

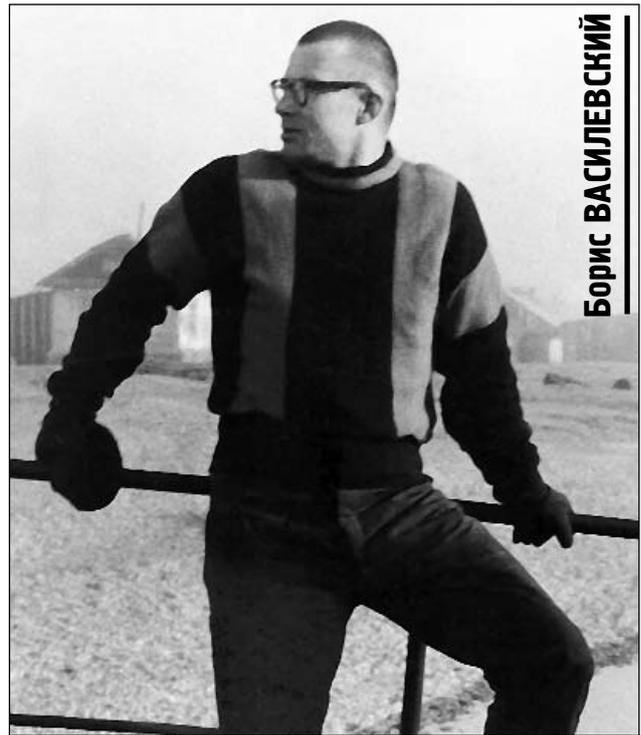
Спалили клуб 3 гаврика: Клим, Кейнон и Валера–механик – хотели узнать, как горит вата. Наша ёлка сгорела. Директриса жалеет ёлку. Клуб горел, работники ТЗБ носили посуду в столовую. Пир во время пожара.

[Все эти детали очень сгодились потом в романе. Только страничку из «Сна» заменил на страничку из любимого «Героя нашего времени». «Что до меня, то я убеждён только в одном...» – сказал доктор. – В чём это? – спросил я... «В том, отвечал он, что рано или поздно, в одно прекрасное утро я умру»... И т.д.]

5 января 67 г.

Новый год встретили в кругу Лемура. 31-го сгорел клуб, но развалины его ещё дымилась вчера. В ночь на 1-е часа в 3 возле клуба сидел чукча в мехах и горько плакал.

[Потом в романе: «И что его так пронзило? Сидел, раскачиваясь, на снегу, выделяясь на фоне сугроба непокрытой угольно-чёрной головой, и плакал так горько, безутешно, как младенец...»]

БОРИС ВАСИЛЕВСКИЙ

Чукотка, залив Лаврентия. 1965

Пропал солдат с РТП. Стреляли в пограничн. наряд. Вызыв. в Лавр. с докладом, но не полетел. От Мифа утешит. письмо с неутешит. известиями. Вчера печатали Лемуруские фотографии. Ночью и сейчас сильный восточн. ветер и метёт. Лемуруев научился говорить ба-ба-ба-ба... Что ещё?

9 янв.

Вчера были Ив. и Горд., играли в покер. «Гр.Кит» о том, как человек сделал выбор – «ввязался».

Все знают про самолёт, но все друг друга спрашивают:

- Ну, как там самолёт, не слышно?
- Не будет, говорят.
- Говорят, в Нешкан пошёл?
- Говорят.

Пропуск между абзацами. Каждый абзац – закончен, как рассказ, как картина. И всё объединено.

Навстречу нам бежал какой-то незнакомый фраер в новеньких унтах и пыжиковой шапке.

– Вы с этим самолётом прилетели? – крикнул он.

– С этим... Только уже лет 5, как прилетели, – сказ. Овчинников.

10.

На днях сон о Борщ., кот. приехал сюда, в Уэл., чтобы погов. со мной о рассказе, и мы никак не можем это сделать. То сидим одни в пустом классе, то у меня дома, то в столовой, и только он начинает, как нам кажется,

что это место неподходящее, и мы идём в другое.

13.

Лёма переворачивается на живот по системе. Сначала поднимает ноги под прям. углом и валится набок. Потом стремится повернуть голову лицом вниз, а ноги вытягивает и поворачивается. Одну ручку надо вынуть из-под себя. Лёма кричит и вынимает. А если не может вынуть, то плачет.

Ив-н зовёт Кирилловну «мой генерал».

На пути из Лавр. в Лорино сгорел вертолёт. Санрейс. Сел на сопку. Есть и тяжело обгоревшие.

16 янв.

Сгорела девочка 3 лет и врач, тот, что рас-сужд. о груз. винах и ходил в нерп. штанах – обгорел. У нас сошла с ума санитарка Шура – на почве потерявш. солдата. В Лавр. отравилась пионервожатая – из-за сплетен.

Умкауги чистит печку.

Во 2-м полуг. уроки у нас с Антошей совп. Комиссия на носу, и ряз. ставят в распис. на 1-е уроки. Т.К. вызывается сидеть с Лемуром.

Следить, чтобы р(усский) не был 5 уроком, они могут, а что школа заним. по идиотской для Чук. программе, их не волнует. Чин-новники и кретины.

17

Анализ диктанта надо проводить так: раздавать тетр. на дом для самост. анализа, а затем всем вместе в классе.

Поставили перед д-р дилемму: или переделывает расписание или увольняют.

Приходил Гоном, как только открыли дверь, сказал: «Нет, нет! Рубль на хлеб!»

18

Лёма любит свой красненький капюшон, и мы ходим с ним здороваться.

Анадырское литобъединение звонило мне и разыскивало. Директриса думала, что её, и таскалась на почту в пургу.

Мои хоз.заботы увенчались. Сег. восточн. пурга и у нас тепло.

Д-са со всеми перессорилась. Пришла на работу Куймель – старые боевые кадры. Они ругались, а потом Куймель заплакала и сказала: «Приехала карга и орёт здесь на всех».

Сег. она (д-риса) плохо спала. Снилось ей, что горит школьная мастерская, и она бегала смотреть.

Гордеев сделал фотограф., где я с бубном.

Лёма потянул к себе занавесочку, кот. я его завесил, сообр. теперь, как взять её в рот.

21

Ранау объяснил, что зимой не курит, потому что ставит капканы, а курить начинает с мая.

Прилетел наконец-то самолёт, привёз медицинские брошюры. Когда стал взлетать, бр. эти разлетелись, собаки кинулись за ними и рвать.

23.

Ездили в суб. к Гордеевым. На обр. пути подн. пурга, потеряли полоз, колесо от коляски, вывалили Лемура. От магазина я нёс Лемура на руках, Антоша тащил коляску. Он вошёл, держа в одной руке кузов, в другой все остальные части. Я раскутал Лемура, он спал. [См. роман. Душераздирающая сцена.]

Вчера было отч.-выборн. собр. в колхозе. Вечером пришёл Ив-н, пили и говорили. Советовал ему писать в «Нов.мир» некий соц-эк. очерк о колхозе.

Взял справку у врачихи, что Лёма – «ослабленный» – для роно, дабы могли пойти на встречу. Лёма теперь симулянт.

27 янв.

Лаемся с роно и достигли кульминации.

Прочее своим чередом. Сделали с Сараявым, расширили Лемуру ложе. Сар. сунул палец в пилу. Ночью по пурге тащил кровать из шк. мастерской, вернее, она меня тащила.

[См. роман.]

Пушник Назаров, живёт с чукчей. Жалуется, что она пьёт больше него. Она назыв. его папой, он её мамой – (при том, что) детей нет.

О силе его ходят разные анекдоты, и вот один из них. Однажды он пил с кем-то (Тышовым?), потом, рассердившись, замахнулся, промазал по Тышову, попал по отрывному календарю и прошиб его сквозь стену.

Вчера и сег. было по самолёту. Антоша получил свои письма, а от Борща ничего.

28

Энтропийный оптимизм.

Саня Сух-й, возвращаясь из отпуска и садясь в самолёт в Лавре, пьян, конечно, сказал: «По морскому обычаю, надо бы о борт бутылкой шампанского гахнуть». Комков (лётчик) подошёл к нему и сказал на ухо: «Вот я тебе так сейчас гахну, что своих не узнаешь».

– Да, действительно, не стоит, – подумав, отвечал Саня.

1 февр.

Горы хорошо видны в феврале при солнечной погоде с утра.

Роно неистовствует. Неугомонный не дремлет враг.

2 февр.

Перебрасываемся с Мифом телеграммами, вроде: «Белый конь пьёт три бутылки ци-нандали» или «Будуаре королевы било шесть» и т.п.

[Играли с Мифтахутдиновым в шахматы по переписке. Для нас эти тексты значили: Белый конь – С 3. Ферзь – В 6.]

Пижоны познаются в эндшпиле. Кто-то из нас и выиграет 2 бут. коньяка, но на телеграммах оба мы потеряем ящик водки, это точно.

Когда Лемур начинает скулить, есть ещё одно средство – электробритва.

6 ф.

Вчера три раза ездил на сопку, привёз центнера 4 снегу. Кто не работает, тот не пьёт.

Антоша выигрывает в покер.

Сажаю Лемьева в кровати и оба мы радуемся.

Миф прислал: «Конь перешёл на армянский 4 звёздочки». – «Королевы предпочитают армянский 5.»

8 февр.

Т.К. ушла, отдежурив у Лёмы 2 часа. Нас замело, т.к. пуржит с севера. Погода отвратительная, но так почему-то спокойнее. Перечитывал вчера Сартра «Слова», и впервые после многих лет захотелось выписывать. Я понял, почему зашёл в тупик с «Ты» – я съехал с обочины, восхитительной обочины, в колею сюжета. Интонация у нас порой (часто) совпадает, и рабочая гипотеза одна, но у него она детализированнее. Впрочем, до 50 лет у меня ещё есть время.

Уже два дня, как завёл вино по рецепту Т.К. Теперь у нас два объекта заботы: Лёма и бутылка.

Да, «Слова» Сартра, если пользоваться традиционной литературоведческой терминологией – посильнее гётевского «Фауста».

«Меня восхищает подобная воля к всеприятию. Если уж любить внезапно, то любить их именно до такой степени, до этих редких озарений, раскрывающих ценителям, что земля создана не для них».

«Первые годы жизни в особенности вымараны мной начисто: взявшись за эту книгу, я вынужден был потратить много лет на расшифровку перечёркнутого».

«...увидел эрзац христианина в литературе: делом его жизни было искупление, пребывание в земной юдоли имело одну цель – достойно пройти через испытания и заслужить посмертное блаженство».

13 ф.

Война мышей и лягушек продолжается.

Трактор укатывает лагуну, м.б. самолёт будет. Здесь солнце, но гор не видно.

Сайки в этом году мало и поздно. Тышов вернулся в костерезку.

Напис. письмо Анিকেеву, сверхкороткое, и девочкам.

14 ф.

Думаешь кончить её, как Ал-др Македонский, а кончаешь тем, что ссорись из-за расписания.

[См. роман: «Так, свою распрю с Аделаидой называл он «войной мышей и лягушек», а про

себя говорил: «Начиная жизнь, думаешь кончить её, как Александр Македонский, кончаешь же тем, что лаешься из-за расписания...» Стр. 242.]

Собрались на лагуне и ждут самолёта.

Солнце уже порядочно уходит к западу.

15 ф.

Был в отборочн. комиссии – посылали ансамбль на смотр.

Наконец, пришли посылки.

20 февр.

– С утра обегали – везде Колчак, пусто. А тут Бычков подвернулся. «Вы, ребята, – спрашив. – природу любите?» Я не сразу понял. – Ну, говорит, «Сирень» там, «Жасмин»? Остроумный парень...

Лёма научился кивать головой. Подойдётся – кивает, так серьёзно.

Его чувство инфантильности на базе невоспроизводства мат. ценностей. «Гр.кит».

Его непричастие к сфере матвоспроизводства и грусть по этому поводу.

И сон Антошин о грустн. ките. Но гр. кит был один?

2 м-та.

Сег. занимались 1-ый день. С 24-го...

7 м-та

Да, с 24-го мы болели, я и Лёма. А теперь Антоша. И весь посёлок болел грибом. Теперь мы снова занимаемся. Лёма капризничает. Антоша хандрит. Т.К. ходит за нами.

Из минувших событий: в Уэлене повесили фонари, 5 фонарей. Сейчас в Уэл. предпраздничный ажиотаж. Водку будут давать по талонам. На торж. собрании, после него дадут талон каждому, и каждый пойдёт с талоном и возьмёт бутылку. 350 человек, 350 тал., 350 бутылок.

Алешников улетает в отпуск с 10-го.

12 м-та.

Пурга образовалась за полчаса. Алешникова вчера улетела, а Ал-в не улетел. Стоял возле самолёта и твердил: Боря, запомни, Горького, 146, Горького, 146. И разодрался с лётчиками. Галку Гордееву впихнули-таки. Письма от всех: и от Мифа, и от Аник., и от Борщ-го. Половину письма хвалит, половину ругает – за леность, и малопроизводительность. «Вы, – говорит, – теперь живёте рядом с фактом». То-то и убивает.

Карев приходил 3 раза: взял бутылку, отдал и снова взял.

Знаменательной была также пьянка в школе 7 м-та. Когда все собрались и настала торжественная минута тоста, появился Лёня, наш завуч, уже хороший, с тазом, и, указыв. на него, произнёс: «Сюда – блевать!» Все были шокированы, естеств., но всё равно потом

блевали, но не в таз, а в ящик из-под водки. Упившись окончательно, Лёня дремал на стуле, но домой не уходил, чувствуя свою ответственность.

Другой Лёня, физрук, оказался по пьянке очень злобным и подозрительным. Он ходил, шатаясь, по 1 этажу, грозил всем и всех подозревал в ненависти к нему, Лёне.

[Вот я и говорю: проживание «рядом с фактом» не то что убивает, но иногда удручает, это точно. И опиши я, к примеру, как-

нибудь художественно факт отмечания праздника 8 марта в нашей школе, тот же Борщаговский опять сказал бы: «Вы что, специально пишете, чтобы вас не печатали?!» А я был и остался трезвый реалист. Что видел, то и писал. Но, по счастью, интересовал меня в Уэлене не обыкновенный наш быт, а наше необыкновенное быт и е... Что касается Лёни Бродникова... Он появился в Уэлене позже меня, откуда-то из Сибири. Кажется, из Бердска, это где-то недалеко от Новосибирска. По специальности – историк, учитель. Давно замечено: не все приезжают на Север из «романтизма», и не все из-за денег, но очень многие – из-за несчастливой, несложившейся на материке жизни. Вот и у Лёни был какой-то неудачный брак, ребёнок. Вдобавок он, здоровенный мужик, был альбинос. Совершенно белые волосы плюс какая-то невероятная близорукость. Не помогли никакие очки. Однажды он попросил у меня бинокль, как-то приспособил его к своим глазам, поглядел на наши окрестности и сказал: «Я и не знал, как, оказывается, тут красиво!» А пейзаж в Уэлене был, действительно, чуть ли не главной составляющей нашего бытия. А он ничего этого не видел... И в Уэлене жизнь у Лёни тоже не задалась. Пытался ещё раз жениться, потом жил один. Пил, конечно. В очередной свой приезд в Уэлен, уже потом, в командировку, я его встретил, и он сказал с какой-то безнадёжностью: «А я всё тут...» А в следующий приезд я узнал, что он повесился... Вот ещё факт, «рядом с которым». И опи-

ши я нашего несчастного Лёню, тот же Борщаговский опять сказал бы... и т.д.]

1. При посадке в самолёт место у дверцы надо занимать со стороны крыла.

2. Человек, стоящий напротив, практически оттесняется к хвосту.

Благодаря заботе Т.К. и пока Ардалионова выясняла в ТЗБ, по скольку апельсинов продавать на душу, я успел взять целый ящик. Масин жрёт теперь апельсины во всех видах.

Чего ещё? Мифтах. советует принять участие в конкурсе к 50-летию.

За последние дни напало много снега, и теперь метёт очень сильно, три раза уже выкидывал снег из коридора. До отпуска осталось 3 месяца. Всё в этот год прошло мимо меня: киты, сияния, море – я и не видел его в эту осень – и гуси, и лебеди.

16 м-та.

Неделю дул южак. Дня за три сдул весь напавший снег и теперь дует просто так.

У Лёмы прорезались 2 нижн. зубика. Два очерка Мифа в Маг. комс. Лёня мечет икру перед комиссией.

17 м-та.

Мы с Антошей – организация по выращиванию Масина. Масин проснулся сего. полседьмого, бормотал, бормотал, потом заснул.

22 м-та.

Прилетела выдра, всё началось сызнова. Правильно говорил т-щ Будённый: И вся-то наша жизнь есть борьба.

А если ты не будешь возвращать Прошлое, то Прошлое возвратит тебя.

Антоша ожил, пришли две посылки, и одна с сигаретами.

Нам троим 56 лет и 9 месяцев. Тепло. Масин весит 8.200. В больнице плакал. Написать письма.

27 м-та.

Лёма сего. сам, держась за прутики, сел. 2 раза сел. Комиссия здесь. Завтра педсовет. Инспекторше надеть поверх телогрейки белый халат и торговать семечками. В субботу и в воскресенье пили у нас по случаю нашего дн. рожд. В тундре застрелился чукча. Ушёл в дальнее стойбище. Ив. зовёт поехать в тундру к пастухам. Был бы Козырев – можно бы поехать свободно. Филиппов выбил зубы Тышову. В остальном всё спокойно.

30 м-та.

Вчера пили у Горд., по приезде Галки. И некий капитан твердил, что именно я должен играть Пьера Безухова и что он уже чувств.

себя на спине медведя. – Да, – сказ. я, – привязывать разных кварталных и спускать их в Мойку.

Ив. летал на военном вертолёте на Ратманова, рассказ., как они живут, полярники и пограничники. Видел Мал.Диомид, посёлок и церковь.

1 анр.

День смеха. Что же вы не смеётесь?.. Пыт. сочинить «Осень в июле». Журналист, писатель и учитель. И геолог. И гельминтолог.

2 анр. 67

– Теперь, что от вас требуется? – гов. Лёня Татьяне Андреевне. – Наладить с этими тремя инд. работу.

Директр. слушает, как зав. пудрит мозги молодой учительнице.

«Тема моих посещений в этой четверти – работа с отстающими», – важно сказ. она.

Я хорошо помню эту ночь на 31 авг., когда мы пришли в Уэлен. И темноту. И маяк. Далеко. И мягкую землю – это кит. Я хорошо помню кита.

Он не бросил здесь свои замашки городской шпаны и, конечно, ему было тоскливо.

Колчак прошёл, – гов. он, когда выпить было нечего.

А больше всего ценилась верность – не бросить отключившегося гостя и дотащить его до дома. Это было доблестью. За это ты станю. своим парнем и к тебе охотно ходили пить.

3 анр.

Вчера был очень тоскливый день. Только что ушёл Петя, в чьём присутствии мне всегда хочется спать.

Лёма садится уже уверенно и часто. Умеет мотать головой и говорить «не-е...» и кивать «да».

Антоша подал заявл. на отпуск с 3, на 1,5 мес., но в отпуск не идёт, до замены.

Полпервого Лёму кормить. Сег. солнце и мороз. Вчера сильный мороз с сев. ветром.

5

Вчера пришёл Иванов, принёс спирту. Сам не пьёт. Говорит, говорит, намолчавшись. Книгу взял любимую с собой. Э.И. Шерешевский и П.А. Петряев «Справочник охотника-полярника», издат. Главсевморпути, М–Л., 1949. Возит её с собой по всем поляркам.

[Юра Иванов, тот самый начальник полярки в Наукане. Это, по сути, и не полярка была, а служба при маяке. Какой-то журналист написал про них и очерк свой назвал: «Советский Союз начинается с Иванова»... Теперь он ехал в отпуск. Книгу, когда побежал к самолёту, второпях забыл у меня. Храню до сих пор. Вдруг доведётся встретиться...]

7 анр.

Ант. грустит. Не хочет уезжать на материк один. В М-ву один.

[Обо всех этих треволнениях – что лучше Антоше с ребёнком лететь в Москву, не дожидаясь меня – потом в рассказе «Домой в отпуск» («Где Север?»): «Я не отвык, а просто не могу, никогда не смогу теперь быть один», – вдруг понял он». Опять же в романе... В том романе, как я теперь вижу, была куча проблем: и как преподавать на Чукотке, и хозяйствовать, и просто жить, и мыкаться между любовью к двум женщинам... и конечно же, вечные наши, интеллигентские, философские, но главная идея там была – семья. Да, в конце 80-х я успел написать, и напечатать в журнале, и издать отдельной книгой вещь, в центре которой была семья. Это наши классики безмятежно могли сочинять «семейные хроники», и сейчас от любого тоже слышишь, что для него основное – это семья, но при советской власти основным было – «общественное служение». Тем более, для писателя... Поэтому приведу: «– В общем, смысл заявления был такой, тут уж я не искажаю, – говорил Андрей Николаевич. – «Пусть меня спросят: миру ли лететь в тартарары, или мне чаю не пить? И я отвечу: миру лететь, а мне чтоб сидеть и спокойно чай пить!..» Но он же был романтик, этот герой Достоевского, воображая себе хоть на секунду, что кто-то когда-то приступит к нему с подобным вопросом. На деле-то осуществляется всё наоборот и без всякого права на выбор: каждый отдельный человек летит в свой черёд в тартарары, а мир остаётся и спокойно пьёт чай! Поэтому я, как реалист, сужаю ситуацию, беру поконкретнее. Вот если бы меня спросили: пусть сторит школа, но чтоб у твоего ребёнка нормальный стул был? И я отвечу: школа пусть сторит, но чтоб у моего ребёнка был нормальный стул!.. Это тебе раз и навсегда – на каком у меня месте «личный интерес»!..]

2 военн. вертолёта сидят на лагуне. Самолёт не прилетел.

18 анр.

Южак 3 день. Море близко. Тает.

– А мы на вашу диалектику найдём прямой и ясный ответ. Всегда найдём прям. и ясн. ответ.

Лёма приподним., держась на прутики, но ещё не встаёт. 2 зуба сверху.

Ивак. послед. время мрачный.

24 анр.

Но я не знал, в чём ловушка, и вот теперь, когда они уехали, я понял, как я любил и люблю всё это: и Лёму, и нашу жизнь. Моя религия – наш Лёма, как утром он смотрит, ещё не узнавая, и вот улыбается, как вдруг он начинает сопеть, наморщив носишко, как хватает ручкой, и все его гримасы, оттенки его лепета.

Ловушка в том, что я теперь никогда не сумею быть одиноким, так одиноким, как раньше.

25 апр.

Приехала комиссия. Я заболел и рад этому. Бессонница.

Сейчас Гордеев пришёл и сказал, что наши улетели, должно быть, на Анадырь.

26.

От Антоши должна быть телеграмма, но нет пока. Наслаждаюсь покоем и одиночеством.

Вечер. Телегр. так и нет. Может, Ант. уже на подлёте. Пурга. Тоска по Масину.

27

Болею в одиночестве. Кашель, и т°, и грудь. Бессонница прошла. От Ант. ничего.

Я отл(ично) понял, что не умею писать рассказы, именно рассказы. То, что я пишу, я знаю, как писать, фабула мысли и т.д., но я не знаю, как это назвать. Это не рассказы в общеприн. смысле.

Море открылось совсем близко. Южак.

Телеграм. от Антоши. Сидят с Гордеевой в Магадане в порту. Услов. ужасн. Без надежды на вылет в теч. 3 дней. Дать телегр. Мифу.

[Миф тогда, судя по всему, уже перебрался из Анадыря в Магадан. Видимо, я, в порыве отчаяния, просил его съездить в аэропорт и как-то помочь Антоше. Хотя – в чём он мог ей помочь? Но он, я помню, всё-таки ездил, однако Антошу уже не застал, внезапно подвернулась возможность улететь...

С ним мы потом неоднократно виделись: то он вдруг объявлялся у меня в Москве, то я, проездом на Чукотку, у него в Магадане. В том же, в 67-м году у Алика в Магаданском издательстве вышла первая книга – «Расскази про Одиссея». Он подарил её нам с Антошей с трогательной надписью. Маленькая книжечка, «не более почтовой марки». Размером в 4 с небольшим авт. листа, ценой в 13 копеек. Сейчас, когда я на неё смотрю, ничего, кроме грустного, и трогательного, и вместе с тем какого-то безнадежного чувства, она не вызывает. Но тогда, и особенно для автора, это был всего лишь первый и весьма обнадеживающий знак. Всё ещё было впереди... Потом, года два спустя, в том же Магадане у него вышла ещё книжечка, «Головы моих друзей», того же калибра, что и первая. Тоже есть у меня с дарственной надписью. «На память о Чукотке...» и проч. И тоже, на мой взгляд, во многом надуманная. Моя жена, всего три года прожившая в Уэлене, реальнее, чем магаданский писатель со стажем, представляла себе и Чукотку и чукчей. В её тогдашнем уэленском дневнике: «Эта возрождающаяся нация не очень-то, видно, хочет возрождаться. Была вчера у Теркиё. Большой семье дали приличный

дом, но они живут, словно в закутке. Вонь невообразимая, пахнет рыбьим жиром, какой-то требухой и кислятиной. Ребятишки голые, в дерьме, ползают по холодному полу, хозяева лежат на шкурах посреди комнаты, тоже полуголые. Дикари, первобытные люди. В 30 лет у этого шалопая 8 детишек»... (Теркиё – какой-то родственник Ю.Рытхэу, «классика чукотской литературы», проживавшего в Ленинграде. Понятно, что сам писатель, навещаясь в Уэлен, никогда у Теркиё не останавливался. Ночевать предпочитал на погранзаставе. И в своих многочисленных книгах таких картин, как у Антоши, никогда не выписывал. Писал всегда, «какой большой путь, благодаря советской власти...» и т.д.) Да, моя жена, стань она писателем, была бы реалистом потрезвее, чем все мы...

Потом Алик сочинял ещё что-то, но я перестал его читать. Помню, он приехал, сидели у меня, поддавали, разумеется, вспоминали Чукотку, и Алик спросил зачем-то, как я отношусь к его творчеству. Я честно сказал, что думал. «Так. Значит, мой творческий метод тебе не нравится», – подытожил Алик. – «Да при чём здесь я? Но ты спросил, я ответил. У тебя своё видение, у меня своё. Пиши, как тебе нравится», – миролюбиво сказал я... Однако с тех пор Алик своих книг мне не надписывал. И переписываться, и видеться стали реже... Вскоре его выбрали на какую-то ответственную писательскую должность – «главным магаданским писателем», как понял я. Вот этого стремления в писателях я тоже не одобрял. (Как и в Леннарте Мери, когда стал он президентом. «Писать он, что ли, станет лучше?») У меня, кстати, было такое право. Когда в 74-м году и я заделался «членом», меня почему-то тоже хотели сделать «секретарём». Но что там бедный Алик с его двумя с половиной магаданскими писателями?! Неожиданно позвонил из Союза известный писатель Рекемчук и предложил мне возглавить Московскую писательскую организацию. До сих пор не знаю, с чего они вдруг там решили. Я издал всего лишь одну небольшую книжечку «Где Север?», никакого опыта никакой общественной работы. Даже в партии не состоял... И единственное, что я сообразил – ответить, что подумаю. Рассказал Антоше, мы оба посмеялись. И на другой день, когда вновь позвонил Рекемчук, уже законно, «как бы подумав», отказался. «Значит, решили предпочесть творческую работу? Поздравляю!» – почему-то обрадовался он... В общем, та история – осталась для меня загадкой, которую я, впрочем, скоро, за её полной неразрешимостью, забыл, вот только сейчас, в связи с «секретарством» Алика вспомнил...

Ему хотелось предстать этаким суперменом, и в своих рассказах, и в жизни, но, к счастью для него, ни там, ни там не получи-

лось. Росточка он был небольшого, склонен к полноте, типичный «мягкотелый интеллигент», но что отличало, и в характере, и в лице – выражение постоянного, непритворного дружелюбия. Общаться с ним было легко, что для меня, человека, в общем-то, малообщительного, было поценнее рассказа Алика, где его герой-эскимос дозванивается до Копенгагена и просит к телефону «принца датского»... Он умер в 91-м году, пятидесяти четырёх всего лет. Вскоре кто-то из Магаданского издательства прислал мне письмо, что они собираются издать сборник воспоминаний о Мифтахудинове и я мог бы поучаствовать. Я, конечно, написал. Вспоминал в основном, как мы познакомились в Уэлене, а он жил тогда в Анадыре, как обменивались телеграммами с закодированными шахматными ходами, встречались потом в Москве у меня, у Болдырева, говорили о Чукотке... Очерк свой назвал «Это были чистые времена». Что соответствовало: наши тогдашние времена и наши отношения были, действительно, чистые... Попросил издательство лишь об одном: выслать мне хотя бы экземпляр сборника. Воспоминания, по слухам, были опубликованы, но сборника я так, к сожалению, и не получил.]

28

Дал телегр. Мифу. Вчера приходили ставить банки. Всё ветер.

Лягу-ка спать. Когда засыпаешь, обязательно кто-нибудь приходит.

Никто не пришёл.

Скучаю по Антоше и Масину.

Пишется всякий вздор. Не могу писать. Дело не в труде. Чего надеяться? Всё определилось.

«Стр. чел. Крейцер» – не только о любви, но о пародии вообще на личность. О цинизме вел. души, примеренном на обычном человеке. Всё это с должным юмором и лишь в конце, где мальчик с саночками – серьёзно.

Занимала мысль, ну, а каков же он сам – сосуд духа?

Что-то такое они знают, помещая цинизм рядом с самыми святыми словами?

Если они так, то и мы так.

Я стоял, серенький мальчик, скромный, воспитанный и серенький, а вверху они все, грешники и мудрецы, смеялись надо мной, в весёлом соединении греха и мудрости.

М.б. цинизм у них, как протест? – думал я, повзрослев.

в ослепительном соединении греха и мудрости

[Здесь некоторые фразы для «Крейцера».]

И всё-таки он не увидел спасения в мире, который создал, и ему понадобилось создать ещё религию, а мне было бы достаточно мира, но вот мира создать мы не умели.

И откровенные, и тоже недоумевающие воспоминания об этом Горького...

[Видимо, по поводу Толстого.]

29

Баранов уверяет, что принимал телегр. от Галки из Москвы. Но телегр. не несут.

Да, действит., они в Москве, судя по телегр., с 26, т.е. через 4 дня.

1 мая.

Вы уехали, и жизнь моя здесь сразу потеряла смысл. Я не могу теперь быть в одиночестве, и мне не нужно в нём быть.

3 мая.

Пить не хотелось, но пили с Гордеевым.

Когда я понял, что тоскую о них, и обрадовался, что могу тосковать о них.

[Вена Гордеев – такой же был молодой специалист, как и я, но инженер, работал в колхозе у Ивакина, отвечал, как я понял, за состояние всей колхозной техники. Весьма немногочисленной и очень старой. Так что постоянное занятие у Вены было – ремонт... А его жена, Галина Георгиевна, работала у нас в школе учительницей биологии. И подружился мы фактически все вместе, три семьи: Ивакины, Гордеевы, мы... И фактически третий в романе, Валентин Михайлович, это Вена Гордеев, только из механика я превратил его тоже в коллегу-учителя, так мне было проще... И наши, с ностальгией описанные, мирные вечера. «Так и стоят и во всю оставшуюся жизнь будут стоять у меня перед глазами эти мирные вечера!» – написал мой герой... Я раньше моих друзей уехал на материк, но мы продолжали видеться. Я скоро нашёл способ бывать на Чукотке как журналист, а Ивакины с Гордеевыми навещали нас в Москве, когда приезжали в отпуск. Так что вторая идея романа, помимо идеи семьи, была идея дружбы. Идея какой-то нераздельности. «Тому, кто жил вот так же подолгу в глуши, – тому незачем объяснять, какая это удача, когда обнаруживаются несколько близких по духу друзей, с которыми можно собраться по взаимному влечению, какая это отдушина!» – как ещё написал мой герой... У художника, оформлявшего затем роман, возник замысел: не иллюстрировать какие-нибудь отдельные эпизоды, а сделать маленькие рисуночки к началу каждой главы, к первой букве. Я его понял и кое о чём тоже попросил. Обязательно изобразить на тех рисуночках сопку, вельбот, кита, самолёт, керосиновую лампу, свечу, трубку... и т.п. Как атрибуты той нашей жизни. А к той главе, где про «наши вечера» – поместить «Троицу». Пусть намёком, пусть весьма условно, но чтобы было понятно, что это рублёвская «Троица». Художник меня тоже понял. И «Троица» к 7 главе 3-й тетради, на стр. 250 есть.]

Сег. написал простынку «Человека Крейцера».

Комиссия-Чамиссия улетела, едва начали мы разговаривать. Она просила изложить ей свои соображения. Каж., ничего, симп. женщина. Людмила Яковлевна Дортгольц. Институт усовершенствования.

Сег. было 2 самолёта. Лагуна сильно подавалась. Под сопками уже намокла. Трактор 2 раза проваливался. И уже не темнеет, как следует. Море открыто.

Телегр. от Антоши. Лёма болеет.

Вчера пили у Т.К. немного, потом пошли на полярку и там 2 бут. Потом с Горд. зашли ко мне и у меня ещё выпили. Sic transit праздник.

4 мая

Вспоминал, как Масин делает ладушки. Москва от меня на расстоянии 3 года, а Антоша и Масин так быстро очутились в Москве, что кажется, и их я не видел три года.

Плохой, не плохой, а никакой р-з Фолкнера «Розарий». Всё-таки не надо бояться таких вещей. Я слишком разборчив в отношении того, что пишу. И здесь есть обратная сторона. М.б. Борщак. прав.

5

Вчера Омкай предсказал сев. ветер, и он подул, и чукчи объясняли, что это хорошо – последнюю кромку разобьёт.

Уже летят утки через косу за РТП. Начал снова заним. гириями. Человек Крейцер больше не пишется. Как-то там Масин и Антоша? Прилетел самолёт – не сел.

6 мая.

От Антоши нет ничего. Дать телегр. завтра. Слушал сег., как Масин смеётся.

10 мая.

В ночь с 7-го на 10-е, как гов. когда-то Аникеев. 5 бутылок с Горд. у Т.К. 7-го.

От Антоши телегр. была – Масин выздоровел. Дал телегр., и Мифу. На лагуне лужи.

Ветер, и ветер, и ветер.

Настроение и самочувствие – дрянь. На чём будет держаться рассказ?

11 мая.

Живу, никуда не выходя, кроме школы, и не вижу, как происходит превращение в свет, в море, в лагуну, в чёрные холмы на сопке – всего, что было одинаковым, и белым, и неподвижным.

Нашёл 2-й номер с «Мастером и Маргаритой».

[В Уэлене мы узнали уже про Булгакова, по «Театральному роману», опубликован был, кажется, в «Новом мире», который я выписывал. А журнал «Москва» не выписывал, а там вдруг «Мастер и Маргарита». В № 11 за 1966

год и в № 1 за 67-й. На полярках «Москву» получали, один номер я, точно помню, нашёл в Наукане, другой у нас, в Уэлене. Ребята мне отдали за ненадобностью. Этот чукотский журнальный вариант «М. и М.» до сих пор храню.]

Дать телегр. Антоше, узнать, как прививка.

Антоша не хотел один ехать в Москву, потому что боялся, что всё, что было, навалится на него одного в воспоминании, и не будет меня, который опровергнул бы это, подтвердил, что 3 года прошли.

14 мая.

В 3 утра ходили на косу: Горд., Судопл. и я. «Утки так и не полетели», – написано было в обогревателе. «Службу несли сверхдительно».

Скибин: Ребята все мужественные, зверобои, а кит так мужественно подплыл под них и перевернул. Они за пыг-пыги. Следом вельбот, смотрят: моржи. За винтовки, целиться, пригляделись, а это люди.

16 м.

Дневник Ренара производит всегда удручающее впечатление заведомым неверием в себя.

Талант – вопрос количества... Да, я думал об этом недавно в связи с Фолкнером.

Исчезла прелесть откровений. Откровений нет больше и никогда не будет. С откровениями покончено.

Цинизм вел(икой) души, примеренный на среднем человеке. И расщепление. Вел. дух может разом созерцать обе свои стороны, ср. человек не может это делать безнаказанно. Мне же всегда хотелось увидеть обратную сторону медали...

20 мая.

Ходили на днях на косу – опять бесполезно. Туман находил и уходил. Прошло неск. стай. Солнце со стор. моря.

Сег. не учились. День здоровья. Костер на сопке. Был вертолёт.

Хорошо, когда знаешь, что тебя ждут – можно не торопиться.

У Скибина ружьё давало осечку и стреляло только на 5-й раз. В следующ. раз, говорит, я дома 4 раза щелкну...

– Вот она молчит, – нач. Гордеев.

– И знаешь, неправильно делает.

– Да, – оживился он.

– Вот эта их мелочность, злопамятность...

– Да, да.

Ветер. Никто не возвращался безбожником из царства одиночества.

[Эту, запомнившуюся с университета фразу, кажется, из Шатобриана, использовал затем в «Кладбище в Уэлене». «Но именно языч-

ником становишься, пока бредёшь по бескрайней равнине, разговариваешь с сопкой, ручьём, каменной глыбой...»]

22 м.

Тепло, но солнца нет. Вечером вышли из клуба, трактор на берегу, привезли три моржа. И девочки, несущие по два, по три карбина.

Горд, отмеч. дни, как Галка (жена его) уехала.

Осиротев, мы с ним нежно заботимся друг о друге.

Как был вертолёт и Т.К. ждала Ивакина. Как мы с помощью магнитофона клянчили у неё бутылку.

23.

Траурное заседание по поводу допущения восьмикл. к экзаменам. Надгробное слово говорил я.

24

Сделал много дел. Вытащил бочку и натаскал воды. Накупил продуктов.

Тельпина умерла. – Живём, не подразумеваем, – сказ. Бражникова.

Успел купить 2 фл. одеколona (к ним голубцы, сказ. Саша Сух.) и батарейки для мага.

Наше испорченное фантастами воображение о будущем.

Занимался штангой с дв. нагрузкой. Завтра – наносить угля.

И начал себя уговаривать: правая рука тяжёлая, левая рука тяжёлая.

26

Мозг перед сном, как утомившийся рой на ветке, и фразы, как отдельные пчёлы, ещё взлетают и опускаются, ещё выютя.

Дал телегр. Антоше. Собираемся на охоту к Инч. сопке.

Гуси летят по морю на север.

Вчера был последний звонок.

Сходить на вторую сопку перед отъездом.

У меня опять нет сюжета. Чайки летят большими стаями. Вчера помогал вытаскивать вельбот и договорился насчёт охоты. Надо сходить в море.

Из тех, о ком каждый раз говорят, что он возмужал. Бесконечный процесс мужания. И те, кот. мужают раз и навсегда.

В школе мы в мелочах ещё делаем вид, что у нас, как у людей, но в главном-то у нас не как у людей и никогда не будет – вот что убивает.

Рыжий в Лорино – смирный мужик, но напившись бегаёт по посёлку и орёт: пока весь посёлок рыжим не будет, с Чукотки не уеду. И кое в чём он уже преуспел.

Младший Щепанюк грызёт сухую черёмуху. Старший спрашивает: это что у тебя?

– Черёмуха.

Отец бормочет: черёмуха, черёмуха...

– Что за черёмуха? Сушёные цветы, что ль?

– Ягоды.

– Какие ягоды? Цветы! И в песне поётся: расцвела сирень-черёмуха в саду...

Когда объяснили:

– А я её лет 20 уже не видал, черёмухи. В отпуск всё в конце лета попадаю.

Дозимовался.

27

Наказывали друг другу с Веной по очереди следить за чайником и ирландским рагу и ходили искать бутылку в честь дня пограничника. Я нашёл у Розы.

29 м.

У одного из пилотов морж. член с надписью: моржовый, но не клык. Соответственно на клыке должно быть: моржовый, но не х...

Сег. посл. педсовет – др-са поплакалась в св. с успеваемостью, но поняла, что конкр. никого задевать не следует.

Хотел бы я посмотреть, как трахаются киты. Вена говорит, что в этот момент они выскакивают из воды. Да ведь так изуродовать друг друга можно!

[Вернувшись в Москву, продолжал покупать разные книги о Севере, в том числе и

Полярная станция, вход в ярангу

Фото Михаила Балыгина

вот эту – «Кит», Гидрометеиздат, 1974, написанную «коллективом зарубежных специалистов». Там масса разнообразных сведений, есть главы «Биология китов» и «Жизнь китообразных», но и в той книге никаких сведений о том, как спариваются *whal'ы* – нет.]

Занимался штангой – без всякого удовольствия.

Потрясающая страница, когда летят они прочь из города: Воланд, и Мастер, и Маргарита. А мы-то бедные, а?

2 июнь.

1-го была комедия экзаменов.

Убиваем время с Веней. Ивакин в Лаврентия. Вызывает Горд. первым транспортом.

Ветер сев.-зап., сев.-сев.-зап. и снег – уже третий день. Пролив размыло и вода в лагуне спала за сутки примерно на полметра.

Дал вчера Ант. телеграмму. Упражнен. гириями с двойным подходом.

Печатал сег. билеты. Песчаная отмель. Песчаная пустынная отмель.

Вуквун принёс торбаза для Лёмы – при последующ. рассмотрен. они оказ. разные.

Сараев. Ему принадлежит открытие, что когда выйдешь из дому, только что пообедав, все собаки облизываются.

Сказать Венке, чтоб зашёл завтра – взял всё, что ему нужно.

Ты строишь фразу так: А,В,С,Д,Е... А надо так: А,С,Е,В,Д и т.д.

5

Были на охоте у Инчоунск. сопки. Пантелеев (отец). Горизонт. чёрточка – проталина, вертикальная – Пантелеев.

Нэрпа, – гов. Коля.

Каюрский чай. Было солнце и туман и сильный южный ветер. Журавли. В бинокль я видел их... и т.д.

Перебирались (через) пролив. Лёд завис. Вода ушла.

В воскрес. вернулись. Заглянул к Ив., отдать утку, там пирожки и Горд. радостный – Ив-н по телефону санкционировал распитие 1 бут. без него. Выпили 2 бут., – потом я ушёл и спал 16 часов.

Много фляг и бутылок на косе с надп. по-английски. Ну, это вин, – сказал Фефелов, – вот оно, вин, наконец, добрался...

Сараев убил двух казарок.

Сег. дождь и ветер, туман и снег.

6 июнь

Рассказ Ранау, как он приехал в Ленинград и прописыв. в гостинице. Имя? Ранау. Отчество? Фамилия? Всё Ранау. Так и записали: Ранау–Ранау–Ранау.

Сжѐг все планы – за три года. Хорошие были планы.

7

Был экзамен. Опять лёд.

Макаровна уже достала справку для Тынантонау, что она была больна на экзамене по математике – для пересдачи.

Собрать вещи – в основном.

8

Прошёл пароход – на Певек. Вечером. Пришли вельботы из пролива. Льда там нет. Ивак. мечет икру в Лавр. Завтра в 7 ехать с трактор. на косу.

Перечитал и сжѐг много писем.

10 июнь

Ивак. прилетел. Горд. улетел.

2 дня стоят хороших. Ходишь по посёлку и все говорят с тобой об отпуске.

11

Принимал экзамены. Были Ив-ны. Т.К. зашивала посылки.

Отвращение к школе. Завтра: оформить аттестаты.

Гов., последние слова Комарова были – иду отдыхать.

12 июня.

Задул вдруг с юга.

Свобода, наконец.

Пошёл на почту, и в тот момент, когда сел давать телегр. Антоше о своей свободе, подаёт от неё телегр.

Говорил с Ивакиным в конторе. Вечером зашёл, и Барс у двери, он сидит один и глядит в окно. Просто сидит и глядит.

[О чём говорили – сейчас не вспомнить. Думаю, что ни о чём в особенности, без «проблем». В романе у моего героя-рассказчика получилось лучше. «Зайти я не решился. Однако в окошко глянул, проходя. Алфеев действительно был там, за своим столом, один. Но стол его был пуст, без единой бумажки, а Иван Филиппович просто сидел и глядел перед собой. Я шёл гребнем высокого сугроба, как раз на уровне окон, и он мог бы меня заметить. Но он не заметил...»

Задним числом можно теперь предположить: Ивакина прочили тогда опять на партийную работу, об этом он мог и размышлять в одиночестве. «В 1967 году я был избран первым секретарём Чукотского райкома партии – начинался новый этап работы,» – как написал он позже в своей книге (В.Ивакин «Между двух океанов», Магадан, 1986). Книжечку ту я потом в Магадане увидел и, конечно же, с радостью и предвкушением купил. Примерно в то время у меня самого вызрела идея – что нет ничего противоземнее, чем профессия писателя. Нужно, чтобы каждый человек умел и мог высказать-

ся. Я даже отразил эту идею в «Словах» (1982 г.): «К известному перечню человеческих дел на земле – построить дом, посадить дерево, народить детей – ты прибавлял: и написать книгу. Одну книгу. Всякому человеку. И если бы всякий человек умел написать свою книгу, поведать о своих делах и жизни, исчезла бы тогда – ты верил в это – такая нелепая, в общем-то, специализация – людей, исключительно пишущих...» (О всякого рода халтурщиках, спекулянтах на слове и просто графоманах я как бы забыл, я их в своих построениях не учитывал...)

Да, я обрадовался, что Валентин Алфеевич со своей книгой вписывался в мою идею. Книжечка у него получилась небольшая, листиков в семь, я сразу начал её читать. Писал он сам, не прибегая к помощи журналистов, это было очевидно, я вспоминал и узнавал его манеру говорить – конкретно, по делу, о сути. Но и не без некоторого лиризма... Ивакин там как бы отчитывался о своей работе на Чукотке: о трудностях, о типично северных проблемах, о преодолениях и т.п. – писал также о товарищах, бок о бок с которыми... Всё это было понятно и ожидаемо – меня интересовало, что он вспомнит об Уэлене. И об Уэлене там было: трудности, проблемы, преодоления. Люди... И о главном инженере Вениамине Иннокентьевиче Гордееве автор сказал несколько слов: молодой специалист, не убоился, не бросил, не уехал... Мог бы, конечно, написать о Вене побольше. А обо мне, о наших сидениях далеко за полночь, о наших долгих философских спорах – ни словечка. Я, впрочем, не обиделся и не осудил: я, вольный, залётный учитель, естественно, выпадал бы со своими завиральными идеями из практического, делового настроения повествования, разрушал бы жанр... Писал Ивакин свою книгу, уже находясь на пенсии, где-то в Тамбовской области, и закончил так: «А я счастлив, что мне пришлось прожить свои лучшие годы там, между двух океанов». Я, хотя и сомневался уже к тому времени, а то ли, что нужно, мы все делали тогда на Чукотке, но порадовался, что хоть Ивакин ощущает себя счастливым...

Сам я тогда уже заканчивал писать свой чукотский роман, и со своим Алфеевым обошёл похуже. Совсем, можно сказать, плохо. Поначалу-то он выходил у меня вылитый Ивакин, но вдруг... Из заученного ещё в школе, как Пушкин писал какому-то своему приятелю: «Знаешь, какую штуку удрала моя Татьяна? Замуж вышла!» Вот и мой Алфеев неожиданно для меня «удрал штуку» – застрелился. Ну, там психологически подводилось: другая любовь, и сохранившаяся любовь к жене, т.е. две любви одновременно, и многие в связи с этим душевные передраги, надрывы... в общем, получалось: «И председатели колхозов чувствовать умеют!»... С Ивакиным в ту пору об-

щаться уже не доводилось, но Вена у меня в Москве бывал, роман прочёл и высказался категорически: «Ивакин никогда не застрелится!» Я и сам это знал, но уже ушёл далеко от прототипа. Я своего Алфеева в сравнении с прототипом, можно считать, даже романтизировал...

Уйдя из председателей колхоза в секретари райкома, Ивакин во многом и незаметно для себя переменялся. Мы с Веней это видели и обсуждали. Он сделался тем самым «начальством», которое сам когда-то обличал. И мысли и привычки стали именно «начальственными». Но, как говорят чукчи и любил повторять сам Валентин Алфеевич: «Кэлюкым минкыри» – что поделаешь?.. Мне, например, всё-таки жаль, что не описал он, как засиделись у меня чуть не до рассвета и так увлеклись – и разговорами, и вообще... времяпрепровождением – что Ивакин ушёл от меня в домашних тапочках. По уэленским снегам, по сорокаградусному морозу. Хватился только метров через двести... Книга его от этого воспоминания только бы выиграла. Но это, как теперь полюбили говорить в таких случаях, была бы уже совсем другая книга...]

Ветер утихает, но совсем не утих, и охоты видимо не будет. Не до охоты.

До сего вечера я отрывал листки календаря с удовольствием.

И табак кончился.

Лагуна напротив вся в разводьях.

[Здесь заканчивается мой уэленский дневник. Внезапно, как нарисовавшийся вдруг на горизонте силуэт «Аннушки». И чемоданы твои наготове... А потом, по возвращении в Москву, наступит то, о чём однажды сказал Ивакин: «На эти сопки, море, веришь ли – иногда кажется, и не глядел бы, так примелькались. Но знаю точно: уеду на материк – начну тосковать...» После я тоже неоднократно писал об этом. Например, в «Шторме в Уэлене»: «Но знаю также, что многое потом отдам, чтобы хоть изредка, хоть раз в году, пусть десять минут из каждой осени, постоять на холоде, ветре и дожде, посмотреть, как скручиваются морские валы, и вновь припомнить всё, чему я здесь научился».

Совсем определённо, в отличие от нашей «русской и необъяснимой тоски», и ещё прежде нас высказался Р.Кент: «Почему люди любят дикие места? Ради гор? Их может и не быть. Ради лесов, озёр и рек? Но ведь это, может быть, пустыня, и всё равно люди будут её любить. Пустыня, однообразный океан, нетронутые снежные равнины севера, все безлюдные просторы, как бы они ни были унылы, – единственные места на земле, где обитает *свобода*». (Курсив, как говорится, мой. – Б.В.) Всё это, насчёт «единственных мест» и свободы, понятно и до сих пор. А в наше теперешнее время – понятно особенно.]

Ненецкая писательница Валентина Вануйто в повести «Полёт за потерянной душой», напечатанной не так давно в этнополитическом и литературно-художественном журнале «Мир Севера», ставит извечные вопросы бытия: что такое ДУША; как соотносятся ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ; что есть ГРЕХ и какое воздаяние получают грешники после смерти; КТО создал МИР и в чём назначение РЕЛИГИИ...

С неженским максимализмом автор пытается развязать нелёгкие философские узлы, споры о которых и по сей день не умолкают.

Отгалкиваясь в подтексте от коренных ненецких представлений о мироздании, Вануйто синтезирует теоретический, сенсорный, интуитивный опыт мыслителей и поэтов мира: Данте, Пастернак, Бальмонт, Державин, Лермонтов... Синтез цитируемых и предположительных интеллектуальных предпочтений – в прозе Вануйто – однонаправлен. Исходная позиция писателя – утверждение шаманизма как равноправной религии. Её сакрально-земная цель: «Мы (шаманы) помогаем людям обрести веру в себя, найти свой путь и помочь их душе достичь самосовершенствования, чтобы стать божеством, а не влачить существование на дороге Вечности». Сам сюжет, организующий повествование – полёт душ шаманов, вышедших из физического тела во время камлания. Их цель – «искать чью-то потерянную душу», чтобы водворить затем в больного и тем самым, вместе с душой, вернуть его к земной жизни.

Впрочем, автор, пытается оправдать и существование других религий, утверждая это посредством парадокса: «Все верования ошибочны». Но – каждая религия нужна на Земле, так же, как человек, который верит во что-то». Примерно то же в V веке до новой эры утверждал агно-

Читая Валентину Вануйто

стик Протагор: боги, различные у разных народов, чтимы «по закону» каждой страны. Религия держится установлением. Но – не есть ли религия – всеобщий неписанный закон всех народов?

Но об этом позже, а пока – о «трансфизическом опыте». Это определение Даниила Андреев в своей книге «Роза мира» относит к «Божественной комедии» Данте. Известный византолог Сергей Аверинцев тоже утверждал, что «Божественная комедия» – не боговдохновенный текст, а попытка выразить некий опыт, откровение. Он видел в произведении Данте «материализацию духовного аспекта».

Что стоит за этими определениями?

Попробуем прочесть «Полёт за потерянной душой» В.Вануйто вслед за «Божественной комедией». И тут, и там герои путешествуют в загробном мире. Их цели – разные, но существа, с которыми они сталкиваются, омерзительно похожи. У Данте – человеческие пороки в аду воплощаются в чудовищных монстров, мучающих души тех, кто на земле предавался сладострастию, обжорству, гневу, обману, предательству...

«Его глаза багровы, вздут живот,/ Жир в чёрной бороде, когтисты руки;/ Он мучит души, кожу с мясом рвёт,/ А те под ливнем воют, словно суки...»

В прозе Вануйто – образ дикого, первобытного Зла,

которое «собрано со всей Вселенной».

«Прямо из холма появилась уродливая голова. Она была увенчана четырьмя длинными щупальцами... вырываясь из-под земли, щупальце обвилось вокруг меня, стискивая грудную клетку...» «Мрак», «непроглядная чернота», «вязкая густая слизь», «липкая паутина»... – Можно бесконечно умножать сравнения увиденных духовным зрением Данте и героев Вануйто – не воображаемых, не в страшном сне – картин запредельного мира. В этом и состоит, видимо, часть «трансфизического опыта», который даётся немногим избранным. Вопрос: во имя чего?

Данте утверждает: это Ад. В нём сосредоточены, по слову Аверинцева, «образы вины и образы кары».

– Это ад? – с ужасом спросил Таборчи, лицезревший, как «кривые, безобразные, чудовищно злобные души» пожирает тьма реки Времени. Ангел – «Переpravщик душ», посадивший бесплотных путников в спасительную лодку, отвечает отрицательно.

– Нет, это не ад! – Ад человек сам создаёт... Эти души, – он показал шестом в сторону тех, кто барахтался (в воде) – должны очиститься, чтобы освободить себя от этого тяжёлого груза. Эти ненависть, обида, злость тянут их на дно... Очистившись испытаниями, они могут «реинкарнировать» в светлую сущность». Всё зависит от выбора человека: кого он культивирует в себе – дьявола или Бога. «Ад и рай – это две половинки души», – цитирует герой Вануйто изречения мудрого Омара Хайяма.

По мысли автора, человек, одержимый злым духом, проецирует зло в космос, где Великое зло существует в образе неистребимого монстра: «Мы, люди, сами его создаём. А этот дух питается и растёт...» В этом рассуждении автора – отправной пункт в

осмыслении сущности шаманства и его космического назначения. «Нельзя дать злу гулять на нашей земле. Существует некая стена между миром Зла и миром Добра. Шаманы понимают это и стараются не пустить зло во всей его первозданной сущности». Механизмов для этого много. Главный – разнообразные контакты с миром духов, ангелов, божеств, даже демонов – поучения у них или борения с теми, в чьих сетях запутались заблудившиеся души.

В этой позиции Вануйто определены сближения с постулатами христианства о существовании невидимого телесным зрением мира, населённого антиподными духами. Всякий человек, даже и не разбирающийся в тонкостях религии, знает о «стоящих за плечами»: за левым плечом – тёмный дух-искуситель, за правым – Ангел-хранитель. «Добрые духи, – далее развивает эту всеобщую для разных религий мысль шаман Нумлаха, – побуждают людей к добру, поддерживают в жизненных испытаниях и помогают переносить их со смелостью и покорностью. Злые духи побуждают людей ко злу. Для них наслаждение видеть их павшими и уподобившимся им». Не то же ли самое читаем мы и в Евангелии от Матфея (10. 28.) «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне».

В конце своего астрального путешествия, освободив пленённую духом болезни душу, герой книги Вануйто удостоился проникновения в сферу Великого Разума. Он принял его «всеми фибрами своей души», ибо это был СВЕТ и ЛЮБОВЬ.

Души героев книги Вануйто, выйдя в духовный космос с благородной целью, и сами прошли очищение, столкнувшись «с испытаниями, которые были созданы специально» для них, чтобы возве-

сти их «на высшую ступень развития», достигли своего духовного «Эмпирея», после чего, обновлёнными, могли вернуться на землю, в свою телесную оболочку.

В произведении ненецкой писательницы героини совершают путешествие как бы внутри собственной души. Об этом – и фраза из текста: «Я падаю – в себя».

«Путешествием внутри человеческой души» Сергей Аверинцев полагал и грандиозный замысел «Божественной комедии».

Цель подобных путешествий, которые не чужды и нам с вами, читатель – пройдя через искушения, осознав вину перед своей божественной сущностью, восстановить первозамысел Божий о каждом из нас. Как говорит Ангел в книге Вануйто, найти «ГАРМОНИЮ С СОБОЙ». Не о том ли возвещается и в Священном Писании: ГРЕХ – это когда ВСЯКАЯ ПЛОТЬ ИЗВРАТИЛА ПУТЬ СВОЙ НА ЗЕМЛЕ.

Минуя разветвления и оттенки сакрального повествования Валентины Вануйто, я постаралась определить основные постулаты её религиозного мироздания. Логично возникает вопрос: какое же место в пантеоне мировых религий можно отвести шаманизму, имеющему свои отражения в других конфессиях, в том числе – и христианской, если вспомнить характеристики образа поведения православных ЮРОДИВЫХ и достижения ими благородных целей как бы «способом от противного».

При слове «шаманизм» – привычно вздрагивают и мелко крестятся правоверные христиане в своём большинстве, ибо стереотипы церковной традиции относят шаманизм к беснованию. Обоснованный, на мой взгляд, ответ о месте шаманизма в ряду других религий я нашла в комментариях Даниила Андреева к его произведению «Роза Мира», написанного почти полностью

во Владимирском центре – тюрьме, где он вынужден был провести десять лет заключения с 1947 по 1957 год, будучи арестованным по 58-й статье УК как «враг народа».

Даниил Андреев относился к редчайшим людям, которым был дан «прорыв космического сознания». Именно так он определял своё состояние в моменты творческого озарения. Произведения Даниила Андреева позволяют поставить его в число уникальных писателей – провидцев, рядом с Данте, Вергилием в его поэме «Энеида» и, как бы ни разноречиво казался масштаб – с Вануито. И к нему закономерно отнести слова историка, византолога С.С. Аверинцева о том, что его прозрения являются «выражением подлинного трансфизического опыта, беспреимного и потрясающего». Даниилу Андрееву, по мысли Аверинцева, было свойственно «погружение в самую глубь культурной традиции (утраченного истока)».

Вот что он писал непосредственно о книге Даниила Андреева «Роза Мира».

Она «может рассматриваться одним из кирпичиков основания великих Знаний человечества, которые формировали и формируют менталитет современного человечества, расшатывая застарелые догматы и представления о Мире и Вечности».

Пора дать слово самому автору книги «Роза Мира» – Даниилу Андрееву, чьи откровения во многом подтверждают и аргументируют позицию Валентины Вануито «Полёт за потерянной душой».

«С тех пор как существуют христианство и ислам, они продолжают бороться с тем, что они называют язычеством. С течением веков человечество прониклось идеей о непримиримости, несовместимости монотеизма с многобожием, как своего рода аксиомой. На этом основании религии семитического

Рождение

толка, утверждающие бытие духовных иерархий и ещё в средние века разработавшие до мелочей учение о них – ангелологию и демонологию – ограничивают многообразие этих иерархий теми немногими, которые были включены в эти средневековые схемы... Как будто признание истинности бытия ИЕРАРХИЙ ПРИРОДЫ (выд. мной. – А.Ч.), великих стихий или духов – народоводителей могло поколебать единство Бога-Творца и Зиждителя вселенной, истока и устья мирового потока жизни...

...Не сталкиваясь друг с другом в необозримом духовном космосе, христианство и индуизм, буддизм и ислам, иудейство и религия шинто говорят о разных духовных странах... Ограниченность же человеческая толкует это как противоречия и объявляет одно из учений истинным, а остальные – ложными. «Если Бог один, то другие боги суть, так сказать, самозванцы: это или бесы, или игра человеческого воображения». Говоря о политеизме, можно заменить слово «боги» другим: «великие души», «великие иерархии»...

Но не только политеизм, но и анимизм, и праанимизм не исчерпываются мутными, случайными, субъективными

образами в сознании первобытного человечества – ТРАНСФИЗИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СТОИТ И ЗА НИМИ.

Провидение... никогда не оставляло народы и расы быть игрищем фантазмов и иллюзий, без всякой возможности соприкосновения с высшей реальностью. Не Бога, а тёмную, злобную силу пришлось бы признать за истинного вожатого человечества, если представить себе, что десятки тысяч лет первобытному человечеству преграждалась всякая возможность пережить что-либо духовное, или, по крайней мере, иноматериальное.

Опыт первобытного духовного познания. Опыт многовековой эволюции религий. Опыт мировой истории и опыт науки. Материал этих рядов опыта учит нас подходить ко всем догматам и тезисам динамически – как к звеньям в цепи религиозно-исторического развития».

Даниил Андреев надеялся, что «пропасти и рвы, разделяющие ныне все религии, будут постепенно засыпаны, и хотя каждая религия сохранит своеобразие, но некоторый духовный союз, уния сможет со временем объединить все учения. Это и есть одна из исторических задач Розы Мира».

В системе ненецких представлений о мироздании НУМ мыслится Верховным божеством. Семь его сыновей – сакральные защитники ненецких родов.

«Тот, чья защита будет в их руках,/ Нигде не сгинет и не ослабеет./ Род Харючи, ВАНУИТО и других/ Славны их силой и поддержкой их» (Э.Ахадов).

Алина Яковлевна Чадаева родилась в 1931 году. Автор книг о народах Севера «К югу от северного сияния», «Национальная игрушка», «Северные притчи», а также повестей «Страшный суд», «Круг» и других произведений. Другое её увлечение – Чехов. Она выступает также и в качестве церковного публициста.

Картины художника Леонида ЛАРА

ЗВЁЗДНОЕ НЕБО

СЕМЁНА РУФОВА

Народному писателю Республики Саха (Якутия) **Семёну Титовичу Руфову** недавно исполнилось 85 лет. По утвердившемуся его обычаю он отказался от торжественного собрания с присутствием высоких чинов и как всегда ограничился встречами в коллективах читателей родного Верхневилуйского улуса, где он вырос и работал много лет в колхозе, библиотеке, редакции районной газеты. Его перу принадлежат десятки сборников стихотворений, очерков юмористических рассказов, поэтических пародий, статей о писателях, воспоминаний о литературной жизни Якутии. Все его произведения отличает яркий образный язык, глубокое знание жизни, оригинальное, самобытное видение жизни. Читатели налету раскупают все его книги. Сейчас на полках книжных магазинов не найдёшь ни одного

экземпляра. А это в наше время редкое явление для постоянно издающегося автора. Недаром в своё время ему присвоили звание заслуженного деятеля культуры РФ и РС (Я), отметили заслуги национальными литературными премиями Казахстана и Чувашии. Одним словом, имя Семёна Руфова широко известно всем якутским читателям.

Но отличительной чертой его многогранного таланта является переводческая деятельность. Ещё в 1998 году профессор В.Окорокова подсчитала, что Семён Руфов перевёл 7 поэм, более 300 стихотворений 92 поэтов 28 разных стран. Переводы были изданы в его антологии «Звёздное небо» (1998). Разумеется, вся эта титаническая работа проделана поэтом в советское время, когда Союз писателей СССР оплачивал каждую

строку подстрочных переводов со всех языков страны и мира, когда государство выделяло деньги на издание переводных произведений. В этом отношении 60–70-е годы прошлого века были золотым временем для национальных литератур, особенно поэзии.

Семён Руфов является мастером переводческого дела. Он всегда находил текст оригинала на том или ином языке, если была возможность, слушал их чтение владеющими этот язык людьми. Особенно он упорно, долго работал над переводами на язык народа саха знаменитых на весь мир сонетов Шекспира. Когда свои первые пробы представил самому Самуилу Маршаку, тот одобрил его стремление и прислал книгу своих переводов сонетов Шекспира. И с этим благословением Руфов закончил и издал отдельной

книгой. Она была послана на родину Шекспира в город Стретфорд на Эйвоне в королевскую библиотеку Шекспира, которая сообщила ему, что это 89-ый язык, на котором прозвучали сонеты их земляка и выслала благодарственное письмо за ценный дар.

А над переводом не менее известной в мире поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели Семён Титович трудился целых 16 лет. Он знал, что его предшественник казах Хаза Абдуллин героически работал 25 лет, чтобы его родной народ насладился величайшим наследием грузинского народа. Вообще эта поэма пользовалась особой популярностью среди народов Средней Азии. В Киргизии в переводе Алыкула Османова «Витязь...» издавался пять раз. При этом молва гласит, что последнее издание тиражом в 20 тысяч экземпляров было раскуплено за два месяца.

Союз писателей Грузии предоставил оригинал текста и самый лучший по их мнению подстрочный перевод. Как признавался позже Семён Титович, особенно трудно было на якутском языке сохранить ритмику 16-слоговых строк и подобрать одинаковые рифмы на все четыре строки каждой строфы. Нужно было передать и внутрисклоновые рифмы. А для того, чтобы якутскому читателю было привычнее воспринимать поэтическое произведение совсем другого народа, переводчик подобрал одинаковую аллитерацию для каждой пары строки четверостишия. Таким образом великий Шота Руставели звучал в полном соответствии традициям якутского народного стиха. Это поистине мастерский филигранный труд, обогативший духовную культуру якутскоязычных народов республики Саха.

Ко всему этому могу добавить, что и переводы поэмы

чувашицкого классика К.Иванова «Нариспи» и цикла лирических произведений казах Абая Кунанбааюлы, сделанные уже в постперестроечное время, в наши дни, на голом энтузиазме поэта-переводчика Семёна Руфова столь же тщательны и отшлифованы как и все его предыдущие работы. Поэтому не случайно по роду деятельности совсем далёкие от поэзии организации помогли ему издать все эти переводы отдельной книгой в 2012 году.

А корни этой увлечённости С.Руфова шедеврами мировой поэзии ведут к Александру Пушкину.

Это началось у него с юношеских лет. Тогда Семён как член колхоза был назначен возчиком сена для фермы, находившейся в 20 километрах от посёлка. Возил сено на трёх быках и коне, запряжённых в сани. Даже в лютые сорокоградусные морозы надо было сделать два рейса. Как мне потом, спустя тридцать лет Семён Руфов написал, был даже такой случай.

Однажды, когда лежал на возе сена передних саней, они как-то накренились, и он свалился. С трудом Руфову удалось выбраться из глубокого снега и догнать передника. Весь запыхавшись, в поту, он в сердцах с размаху ударил кулаком в челюсть своего помощника.

Бычок от неожиданности что-то коротко промычал и из глаз его потекли слёзы. Это настолько потрясло юношу, решившего что бычок заплакал от обиды, что он обнял голову питомца и стал гладить его. Теперь у него самого появились слёзы на глазах. В стихотворении, посвящённом этому случаю, поэт описывает как высокие деревья молча удивлённо смотрят на двух плачущих – бычка и юношу.

А все вечера он скрашивал тем, что увлечённо читал толстенный в тысячу листов том сочинений Пушкина, изданных тогда под редакцией Б.В.

Томашевского. Эту книгу, ставшую, как выражается теперь народный писатель, его университетом и академией прислал ему друг односельчанин Афанасий Фёдоров, впоследствии ставший известным писателем прозаиком, из Виллойского педагогического училища. Семён Титович на титульном листке книги сделал пометку: «Получил от Афона 6.06.44 г.». Как потом он установил, это было точно в день 145-летия со дня рождения великого поэта...

Все переводы Семёна Руфова ценны ещё и тем, что он сторонник адекватной передачи формы переводимого оригинала. Он сохраняет точное количество слогов не только строк, но и порядок рифмования, воссоздаёт подходящую к оригиналу гармонию звуков текста. Так что без преувеличения можно сказать, что по переводам на якутский язык Семёна Руфова можно получить полное представление об особенностях стиха переводимых им произведений, не говоря уже об их содержании и идее.

А ведь это в наше время по сути великое дело. Всем известно, что дело взаимных переводов произведений литературы между народами России полностью заглохло из-за отсутствия государственной поддержки. Наше рыночное время, наступающий капитализм отбросили это как невыгодное дело. Поэтому значение поистине самозабвенного, бескорыстного труда по обогащению народа саха ценностями мировой культуры трудно переоценить. Мы убеждены, что звёздное небо переводов Семёна Руфова с течением времени будет сверкать и сиять ещё сильнее.

Николай ТОБУРОКОВ,
доктор
филологических наук,
профессор-исследователь
СВФУ им. М.К. Аммосова

г. ЯКУТСК